

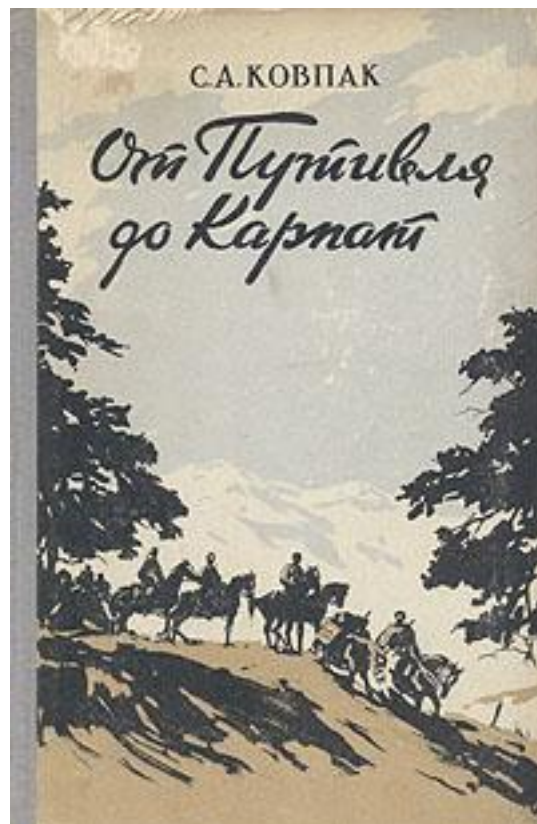
nonf_biography
prose_military

Сидор
Артемьевич
Ковпак

От Путивля до Карпат

Книга мемуаров командира Сумского партизанского соединения в Великую Отечественную войну, дважды Героя Советского Союза, генерал-майора Сидора Ковпака в литературной записи Евгения Герасимова.

19 апреля 1945

ru

07 Marth 2011
61EE0466-A8AA-4A98-9B84-3BC1E9D9A175

1.0

С.А. Ковпак От Путивля до Карпат Литературная запись Е. Герасимова
Воениздат НКО СССР
Москва
1945

Сидор Артемьевич Ковпак
От Путивля до Карпат

Издание:
Ковпак С. А.
От Путивля до Карпат. — М.: Воениздат НКО СССР, 1945.

Литературная запись Е. Герасимова. Подписана к печати 19.4.45.

**ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
генерал-майор С. А. КОВПАК**

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

От автора

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск.

И. СТАЛИН

От автора

По просьбе различных организаций мне часто приходилось выступать с докладами о боевом пути партизанского соединения, действовавшего под моим командованием на территории 18 областей Украины, России и Белоруссии и прошедшего с боями по тылам врага от Путивля до Карпат. Интерес, который вызывала у слушателей тема докладов, заставил меня подумать о литературном оформлении своих материалов и воспоминаний. Конечно, я не ставил себе задачи описать все операции, проведённые нашими отрядами. Я хотел только рассказать о том, что мне кажется самым важным и интересным в партизанском движении Великой Отечественной войны советских народов против немецко-фашистских захватчиков. Так что пусть герои, о которых я не упомянул в этой книге, не обижаются на своего командира. Придет время, и я постараюсь досказать то, о чём пока не имел возможности и времени рассказать.

Считаю своим долгом выразить благодарность Е. Герасимову, по заданию Военного издательства работавшему над литературным оформлением моих материалов.

Хозяева Спадщанского леса

Когда началась война, мне уже шёл пятьдесят пятый год, дети называли меня дедом. Но какое это имело теперь значение! Родом я из запорожских казаков, в первую мировую войну сражался рядовым на юго-западном фронте, участвовал в Брусиловском прорыве, в гражданскую войну вышел в командиры, был в походе вместе с Пархоменко, служил в дивизии Чапаева. — Так что, Сидор Артёмович, если придётся уйти в лес, будешь командовать, — сказали мне в райкоме партии.

Это было в июле 1941 года, вскоре после исторического выступления товарища Сталина. В кабинете секретаря путивльского райкома партии собрался партийный актив нашего города. Все мы не один год работали в Путивле и столько раз собирались здесь... Иной раз крепко спорили. Каждый болел за, свой участок работы, за дело, которое ему поручила партия, у каждого были свои особые заботы. Один был убежден, что сейчас все решает баббит, — это, мол, самое узкое место в подготовке тракторного парка, как бы из-за баббита нам не провалиться с уборочной. Другой так был поглощен заготовкой материала для ремонта жилфонда, что, казалось, баббит для него звук пустой. Послушаешь третьего и подумаешь: а этого сейчас ничего на свете не занимает, кроме школьных учебников и оборудования для вновь открываемых в районе школ.

Но на каком бы участке мы ни работали, каким бы специальным делом ни занимались, все мы прежде всего были солдатами одной армии — великой армии большевиков, людьми, выращенными и воспитанными партией Ленина — [8] Сталина, её сынами, и никогда не было для нас ничего более дорогого, чем наша партия, наше Советское государство.

У всех нас, большевиков Путивля, была заветная цель — вывести свой район на первое место по Украине. И перед войной мы могли уже с гордостью сказать, что недалеко от этой цели. За годы советской власти Путивльский район из района отходников-сезонников, разъезжавшихся весной в поисках заработка по всей Украине и России, из района потребляющего, провинциального захолустья, где доживали свой век отставные чиновники и офицерские вдовы, превратился в район производящий, славящийся колхозами-миллионерами — участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, колхозами, имеющими несколько автомашин, свои гидростанции, клубы, средние школы, амбулатории. Мы добились урожая, о

которых раньше здесь и мечтать не могли. Каких рысаков орловской породы вырастили колхозные коневодческие фермы в Стрельниках, Литвиновичах, Ворголе! Какие стада племенного молочного скота паслись на заливных лугах по Сейму! А наши плодовые сады! Надо побывать у нас, когда цветут яблони и вишни. Весь город, все сёла как будто в облаках, только крыши домов видны. Много было у нас меду, а гусей столько, что на лугу у Сейма под бывшим монастырем летом казалось снег лежит.

Да, расцвела Украина при советской власти, было чем гордиться нам, сынам ее, украинским большевикам, строившим вольную и счастливую жизнь на родной земле.

В памятный июльский день, когда мы собрались в кабинете секретаря райкома, вскоре после выступления по радио товарища Сталина, каждый из нас как-то особенно почувствовал ту могучую силу, которая, сплавивая всех нас воедино, направляет к одной цели. Все наши заботы слились в одну общую великую заботу — тревогу. Над советской Родиной нависла смертельная опасность. Гибель угрожает всему тому, что создано трудом нашего народа, к чему устремлялись все наши помыслы, что всем нам было дороже жизни. Варварские полчища фашистских захватчиков топчут наши поля. В дыму и огне наша земля, горят города, горит Украина.

Мы, мирные советские люди, сразу стали солдатами. Мы пришли в райком по телефонному вызову секретаря, как на призывной пункт. Никто не выступал, не произносил речей. Всё было совершенно ясно. Партия, Сталин призывают [9] нас, большевиков, возглавить поднимающийся на борьбу народ. Мы знали, что борьба будет небывало жестокой и тяжелой, не на жизнь, а на смерть, но мы знали, что наше дело правое, что победа будет за нами.

Мы выслушали короткое сообщение о том, что предпринято ЦК КП(б)У после выступления товарища Сталина. Речь шла о создании во всех районах Украины, которым угрожало вторжение врага, партизанских групп, о посылке товарищей в Сумы, в обком партии, на курсы минёров, о закладке в лесах партизанских баз — продовольствия, оружия, взрывчатки. Какое этому придает партия значение, нам было ясно уже из того, что на Украине этим делом руководил сам Никита Сергеевич Хрущев.

На следующий же день началась подготовка к закладке путивльских партизанских баз. Мне была поручена райкомом партии закладка базы в Спадщанском лесу.

С городского старинного вала, на котором когда-то плакала по Игорю Ярославна, хорошо видна восточная опушка этого большого темнеющего издали лесного массива. Если считать по прямой, она тянется километров на восемь до болотистого берега реки Клевень, которая огибает лес с севера и двумя рукавами впадает в Сейм. Вся эта опушка в мысиках, заливчиках, отдельных рощицах, выползших в поле. К ней жмётся много хуторов и сёл. На южной опушке — озеро, вокруг него раскинулось село Спадщина. Именем этого села и называется лес. С востока на запад лес тянется километров пять, становится всё более болотистым, пока не переходит в открытое болото, урочище Жилень, огромное, почти не проходимое летом пространство между Сеймом и Клевенью.

До войны мы как-то мало знали свой Лес. Все наши поездки по району были связаны с заботой о полях, садах, скоте, птице. В этом богатство нашего района. Я был председателем горсовета, и лес интересовал меня исключительно как место заготовки дров для школ и лесоматериалов для строительных и ремонтных работ. Мог ли я думать, что в этом лесу мне придётся воевать, что из этой вот чащи, откуда разве что мог только волк выйти, я буду выезжать на немецком танке? Мои товарищи во главе с Алексеем Ильичем Корневым, партизаном времён гражданской войны, ушли в Спадщанский лес за несколько дней до прихода немцев в Путивль. Им было поручено наблюдать за нашей базой и не допускать [10] проникновения в лес немецких парашютистов, которых противник сбрасывал в окрестных местах.

Я ушёл из Путивля последним.

Это было под вечер 10 сентября, когда в город уже вступила немецкая разведка.

Теперь программой действий путивлян стало то, о чем говорил товарищ Сталин 3 июля, призывая разжигать партизанскую борьбу, создавать невыносимые условия для врага в захваченных им районах. Многие старые украинские партизаны и красногвардейцы вспомнили в эти дни, как они в молодости дрались за советскую власть, как они били немецких оккупантов в 1918 году.

Командиры подразделений обсуждают итоги боя

Опять украинскому народу пришлось подниматься на борьбу с немецкими захватчиками, как во времена Щорса. Хорошо выразил это наш партизанский поэт в стихах, из уст в уста передававшихся потом на Украине:

Старий батько спитав сина:
«Що ти хочеш, сину?»

«Бити німця, щоб звільнити
Нашу батьківщину».

Спитав дочку карооку:
«Що хочеш, Оксано?»

«Йти в табір на Дубину
З братом партизаном».

Старий батько спитав дітей:
«Що ж мені робити?»

«Ходім з нами, рідний тату,
Разом німця бити».

* * *

Не только городской житель, редко бывающий в Спадщанском лесу, но и колхозники из прилегающих к нему сёл и хуторов боятся заблудиться в этом лабиринте лесных дорог и троп. Столько разнообразия в Спадщанском лесу и вместе с тем столько похожих мест, что даже если идешь по прямой дороге, кажется, что кружишься вокруг одного и того же места, возвращаешься туда, где уже был. Высокий поросший травой дубняк сменяется вдруг усталым хвоей молодым сосняком или березняком в болотистой низине, а поднимаешься на высотку — и опять точно такой же соснячок или дубняк, за ним внизу уже белеют берёзы — снова болото, и поди разбери, то ли это болото, которое проходил, или новое: такая же круглая опушка и такой же просвечивающий насквозь березняк. Дальше начинается чаща, где даже в солнечный день темно и сыро, как в погребѣ, [11] и вдруг сразу светлое редколесье, поляна или вырубка, — одни только пни, обросшие густым папоротником и цветами, — а там заросли орешника, ольшаника и снова чаща, из которой, кажется, только что выбрался.

Приметой у меня были молодые сосенки, у которых мы сворачивали с дороги, когда закладывали продбазу. Несколько раз мне казалось, что я нашёл эти примеченные мною сосенки, но возле них я не замечал никаких следов. Это меня путало. Я шёл дальше, опять встречал как будто те же сосенки и опять никаких следов поблизости не находил. Накануне шёл дождь, и он смыл в лесу все следы.

Фронт был ещё недалеко, изредка глухо доносился гул артиллерии, где-то грохотали бомбы, а в лесу мирная тишина — на дорогах ни души, зайцы бегают, шныряют лисицы.

Вдруг я услышал позади себя шаги. Они становились все быстрее: меня молча догоняли. Это могли быть и немцы, могли быть и наши. Я решил продолжать путь, не оглядываясь, как человек, которому нечего бояться встречи с кем бы то ни было. Одет я был так, что вполне мог сойти за лесника.

Два человека быстро подошли ко мне справа и слева. Оба красноармейцы. Спрашивают, куда идёт дорога, жалуются на погоду, вижу, что присматриваются ко мне.

— Кто вы такой? — спрашивают, наконец.

Отвечаю:

— Я хозяин здешних мест.

— Это что же, немцами поставлены? — говорит один из бойцов.

Меня это взорвало. Остановился, посмотрел на бойца. Рука его уже лежала на рукоятке пистолета.

— Да будет вам известно, — говорю, — что ни немцы, ни их ставленники хозяевами здесь никогда не будут. Понятно?

Боец смутился.

— Понятно, — говорит.

— Ну, а если понятно, уберите ваш пистолет. У меня тоже есть, так я же не сую его вам под нос.

Я вынул из кармана браунинг и показал его.

— Да, это тоже пушка, — засмеялся боец. — Но всё-таки, кто же вы будете?

— Я командир партизанского отряда.

— Партизанского отряда? Где же ваши люди? [12]

— Да вот хотя бы, гляди какие хлопцы! — сказал я, показывая рукой на их же товарищей, шедших поодаль.

Это была группа красноармейцев, попавших в окружение и застрывших в Спадщанском лесу. Они вскоре действительно стали моими бойцами.

Расположились вместе на сене в облюбованном мной для ночлега лесном сарае. Здесь и встретился я, наконец, со своими путивлянами, тоже бродившими по лесу в поисках меня.

— У-ух, все пятки отбили шатаясь по лесу, — опускаясь на сено, жаловался Алексей Ильич Корнев, получивший у нас впоследствии кличку Дед Мороз за свою белоснежную бороду и пышную шевелюру.

— Чего же вы шатались? — спрашиваю.

— Тебя шукали.

— А почему я нигде ваших следов не приметил?

— Какие могут быть следы! Ты же сам наказывал нам не оставлять следов. Ну, я и велел хлопцам строго следовать твоему наказу: на дорогу, чтобы и носа не высовывать. Всё чаще лазали, болотищами, лешие да и только, — смеялся Алексей Ильич.

Старик грузный, здоровьем не очень крепкий, трудно, думал я, будет ему в лесу, но вижу, что характеру своему он не изменил — попрежнему весельчак, шутник. Приятно было тогда услышать его заразительный смех.

* * *

Первая наша землянка была построена в таких дебрях, что отойди от неё на несколько десятков шагов — и, пожалуй, не найдешь. Сиди смирно, и никакая немецкая ищейка не пронюхает тебя в этой берлоге. Но мы пришли в лес вовсе не для того, чтобы скрываться от немцев, а для того, чтобы уничтожать их, не давать им ни минуты покоя, не позволять им хозяйничать в нашем районе. Мы были здесь хозяевами и хозяевами должны были остаться.

В Спадщанском лесу было несколько домиков, в которых жили лесники. Один из этих домиков стоял в центре леса, на главной дороге, пересекавшей его с юга на север, от Спадщины до Старой Шарповки. Вот здесь после моего прихода и расположился штаб отряда. В

направлениях, откуда можно было ожидать появления немцев, были выдвинуты заставы. Таким образом мы сразу устанавливали контроль над всем Спадшанским лесом, закрывали его для врага. Отсюда мы должны были развернуть диверсионную [13] деятельность по всему району. К 22 сентября, когда я объявил в приказе № 1 личный состав отряда, в нём насчитывалось около четырёх десятков бойцов. Выделили разведчиков, минёров, остальных разбили на две боевые группы. В одной — путивляне, люди штатские и в большинстве немолодые, советские и партийные работники, колхозный актив. Это было ядро отряда. В другой группе народ военный, с которым я встретился в лесу, когда искал своих товарищей. Там были боевые ребята. Естественно, что первое время они посматривали на путивлян несколько косо. Не очень-то верили в боевые качества таких, к примеру, стариков, как наш Дед Мороз, который до войны занимался выводкой цыплят — он заведывал в Путивле инкубатором. Было в отряде и несколько товарищей из Белоруссии, эвакуировавшихся на Сумщину. Мы встретились с ними уже перед самым выходом в лес. Это были тоже люди не военные.

В таком составе нам предстояло начать партизанскую войну. Но мы были уверены, что не окажемся в одиночестве, что по соседству будут действовать другие отряды, что нас поддержит народ, а связь с народом, с окружающими колхозниками мы начали устанавливать сразу, как только пришли в лес. Но об этом расскажу после. Сначала о том, как мы начали воевать.

Только обосновался штаб в домике лесника, как мы услышали взрыв, раздавшийся в нескольких километрах от северо-западной опушки леса, где-то за Новой Шарповкой. Что бы это такое? — думаем. Послали разведчиков выяснить. Оказалось, что подорвался на mine чей-то бык. Блеснула мысль: нет ли там ещё мин? Для начала они нужны были больше всего.

По следам разведчиков отправили минёров. Возвращаются, докладывают, что обнаружили минное поле, оставленное при отступлении Красной Армии. Вот это подарок нам! Немцы ещё не успели разминировать его, надо это сделать раньше их, немедленно же. Но как? Наши минёры говорят, что мины там какой-то незнакомой системы, они не знают, как к этим минам подступиться. Тогда за эти мины взялся начальник штаба Николай Михайлович Курс, — перед уходом в лес он участвовал в нескольких занятиях по минному делу, организованных в Сумах обкомом партии.

До войны Николай Михайлович был директором средней школы. В лесу этот директор оказался очень подвижным, сноровистым, вёртким, как выюн, и к тому же бесстрашным [14] минёром.

Рядом с минным полем — дорога, по которой непрерывно шныряют немецкие машины, мотоциклисты. Ночью отрывать и изучать незнакомые мины невозможно — ночи осенние, тьма непроглядная. Курс решил работать днём. Он ползком пробрался через дорогу на минное поле, замаскировался там и работал под носом у проезжающих мимо немцев, пока не раскрыл секрет минного механизма. Потом принёс одну из мин в Лес и объяснил, как надо с ней обращаться. Под его руководством за работу взялись все минёры. Теперь у нас было достаточно взрывчатки для изготовления дорожных мин, которое мы и начали устанавливать на основных путях движения противника.

Старшим минёром был Георгий Михайлович Юхновец, до войны работник обкома партии. Каждую ночь этот несколько тяжёлый на подъём, мешковатый человек выходил со своими людьми из леса, а днём взрывы, доносившиеся то с одной, то с другой стороны, извещали нас о результатах его смелой работы.

Поднятый минёрами шум неважно подействовал на некоторых наших партизан. В отряде кое-кто начал поговаривать, что мы, пожалуй, действуем слишком дерзко, что надо бы поосторожнее, что шум этих взрывов, следующих один за другим, серьёзно всполошит немцев, очень обозлит их, что у немцев в Путивле большие силы, много техники, они могут устроить сплошное прочёсывание леса, и тогда мы погибли. Я посоветовался с товарищами, на которых можно было твёрдо положиться, и мы решили, что с этими разговорами надо сейчас же покончить раз и навсегда. Собрал отряд, приказал выстроиться и спросил:

— Кажется, есть желающие вернуться домой? Кто? Выходи — сейчас же отправлю.

Ни один не вышел. Тогда я предупредил, что если кто пришёл в лес, надеясь отсидеться здесь и его нервы не выдерживают шума, кто хочет жить тихо, мирно, пчелу думает разводить в лесу, грибы и орехи собирать — так он не в тот лес пришёл. Пусть лучше скорее уходит, ему у нас нечего делать. Я напомнил о задачах, поставленных партизанам товарищем Сталиным в его выступлении по радио 3 июля, и сказал, что шум, поднятый минёрами, это только начало, что нас услышат далеко от Спадщины и что не мы будем дрожать от этого шума, а немцы.

В эти же дни в лесу появился какой-то неизвестный человек. Разведчики несколько раз слышали чьи-то осторожные [15] шаги, видели даже как-то мелькнувшую вдаль фигуру, но поймать этого человека не могли — он исчезал в лесной чаще, как призрак. Пришлось посадить в засаду несколько бойцов, и вскоре они схватили повадившегося в лес таинственного незнакомца, привели его в штаб. На допросе, он быстро сознался, что подослан немецким командованием, чтобы установить месторасположение нашего отряда и его силы. Шпиона расстреляли.

* * *

Прошло две недели, как немцы вступили в город, но они всё ещё не предпринимали никаких серьезных попыток проникнуть в Спадшанский лес. Между тем мы не переставали давать знать о своём существовании, хозяйничали уже не только ночью на дорогах, но и днём в деревнях, далеко отстоящих от леса.

Следующий день после расстрела шпиона, 29 сентября, ознаменовался первым открытым нападением на врага. Узнав, что немцы начали заготовку продуктов в соседних с Путивлем селениях, мы выслали засаду в село Сафоновку. В полдень прикатила сюда из Путивля грузовая машина с немецкими заготовителями. Партизаны встретили их огнём. Убить никого не удалось, только двоих ранили, но этого оказалось достаточно, чтобы немцы бросили машины на дороге и кинулись врассыпную. Спустя два часа из Путивля на нескольких грузовиках прибыл отряд силой в 100 солдат. Застава отошла в лес. Немцы не осмелились даже приблизиться к нему.

Наши минёры работали уже и на правом и на левом берегах Сейма, выходили на дорогу Конотоп — Кролевец. В первых числах октября здесь взорвались на партизанских минах две легковые машины какого-то крупного немецкого штаба. Было уничтожено шесть немцев, в числе их два генерала. На левом южном берегу Сейма у хутора Хижки в тот же день взлетела в воздух грузовая машина. На правобережье на большаках, ведущих из Путивля в Глухов и Рыльск, редко проходил день, когда бы не раздавался грохот взрыва. К середине октября на этих дорогах было подорвано уже с десятков грузовиков с боеприпасами и живой силой. Мы взяли здесь за это время десять тысяч патронов.

Надо было ожидать, что немцы придут в ярость, двинутся на Спадшанский лес и, конечно, не с малыми силами. [16]

Нас была горсточка, не все имели винтовки, пулемёт был один, да и тот с учебного пункта, и никто не мог с уверенностью сказать, годен ли он для боя. Неудивительно, что некоторые чувствовали себя кисло, но, видя, что большинство не теряет смелости, и они старались преодолеть слабость духа, не показывать боязни.

Неподалеку от Спадшанского леса действовало ещё несколько небольших партизанских отрядов, но о них ничего не было слышно и связь с ними установить не удавалось. К нам должен был придти председатель Путивльского райисполкома Иван Иванович Высоцкий, оставшийся в районе на нелегальной партийной работе в качестве связного Сумского обкома партии, но на пути в Спадшанский лес он наступил на мину, тяжело раненый попал в руки немцев и был ими зверски убит. Из-за нелепой случайности мы потеряли прекрасного товарища и оказались оторванными от Большой земли. Мы не имели даже представления о том что происходит на фронте; рации у нас не было, а фронт отодвинулся уже далеко.

Решено было сделать попытку установить самим связь с командованием Красной Армии. Это дело поручили Алексею Ильичу. Заодно он должен был провести через фронт одну группу военнослужащих во главе с подполковником. Люди выходили из окружения, встретили нас в лесу и попросили помочь им выбраться с оккупированной немцами территории. Пробираясь предстояло до самого Харькова, по пути движения к фронту немецких колонн. Тяжело было расставаться с Дедом Морозом — полюбился он всем за весёлый нрав, — но никто лучше его не знал местность, по которой надо было скрытно пройти: ещё в 1918 году Алексей Ильич был разведчиком у красных партизан, исходил все дороги и тропинки на Сумщине. Пришлось отправить старика проводником красноармейцев и одновременно нашим делегатом на Большую землю.

Встреча с усачами

Мы знали, что в противоположной, юго-восточной части Путивльского района, в Новослободском лесу, должна была базироваться ещё одна небольшая партизанская группа, вышедшая из нашего города. Командовал ею Семён Васильевич Руднев, отправившийся в лес вместе со своим шестнадцатилетним сыном Радиком. В прошлом у него многолетняя [17] служба в Красной Армии, был комиссаром в пограничной части на Дальнем Востоке, участвовал в боях у озера Хасан, награждён орденом «Красная Звезда». В последние годы Семён Васильевич работал в Путивле председателем райсовета Осоавиахима, был душой военной подготовки путивльской молодёжи. Активнейшим помощником его в этом деле по общественной линии был Григорий Яковлевич Базима, прапорщик старой русской армии, лучший учитель в нашем районе, старик, пользующийся большим авторитетом в народе, делегат первого всесоюзного съезда учителей. Во всех селах района Григорий Яковлевич свой человек. В одном его помнят семилетним пастушком, пасшим общественный скот вместе со своим батькой, в другом он батрачил на помещика, в третьем учился, в четвёртом был одним из организаторов колхоза, а в скольких сёлах он учительствовал за годы советской жизни! Базима ушёл в Новослободский лес вместе с Рудневым в качестве начальника штаба его отряда. С ними ушло около двадцати путивлян.

Больше месяца мы ничего не знали о судьбе этого отряда. И вот 17 октября ко мне в штаб приходят связные от Руднева. Оказалось, что его отряд совсем рядом с нами, в Новой Шарповке. На следующий день утром произошла встреча с «усачами», как называли себя бойцы Руднева, большинство которых в подражание своему командиру отрастили в лесу усы. У Семёна Васильевича усы были действительно завидные — чёрные, как смоль, большие, пышные, всегда тщательно расчёсанные. Он очень строго следил за своим внешним видом, и жизнь в лесу не заставила его изменить этой воспитанной в армии привычке. Даже белый подворотничок у гимнастёрки был у него, как обычно, безупречно чистым.

Решив перебазироваться в Спадщанский лес, Руднев точно не знал, найдет ли он нас здесь. Немецкие провокаторы успели уже распространить слух, что отряд Ковпака разбит, а сам он пойман и повешен в Путивле. Тем более радостной была наша встреча.

Командование обоих отрядов собралось на совещание, чтобы обсудить положение, сложившуюся в районе обстановку. Немцы во всех сёлах первым делом построили виселицы. Они говорили: «Это партизан вешать», а теперь хватают и вешают кого попало, хотят устроить народ. Люди боятся выйти за околицу села — немцы сейчас же схватят, объявят, что партизан, повесят или расстреляют. [18]

Стоит полицейскому найти на дворе затоптанную в землю заржавевшую патронную гильзу — расстреливается вся семья. В Путивле со двора тюрьмы ежедневно выезжает подвода, нагруженная лопатами, и по всему городу начинается крик, плач, женщины бьются в истерику — все знают, раз повезли лопаты, значит будут рыть за городом ров для расстрела, будет происходить очередная разгрузка тюрьмы. Кто-то пустил слух, что немцы привезли в Путивль тысячу собак-ищеек, будут ловить партизан по лесам. У кого нервы послабее, на того всё это подействовало. Есть такие, которые, оставшись в районе, как партизаны, сидят буквально в подполье, не решаются носа на свет высунуть. А сколько по лесам и оврагам бродят одиночками, по-двое, по-трое, увидят друг друга издали — и в кусты.

По дороге к нам один из разведчиков группы Руднева встретил в лесу знакомого мальчугана лет четырнадцати. Тот было скорее за дерево, но слышит, его по имени окликают:

— Коля Шубин, ты?

Мальчуган — сирота из села Харивки, что по другую сторону Путивля, километров за пятнадцать от нас.

— Ты чего здесь околачиваешься?

— Огуркив шукаю, — говорит. — Дид хворый, просит соленых огуркив.

— Який дид? У тебя ж нема ниякого дида?

— Да то не мой дид, Хапилин Яков.

— И что за огурки в лесу? Чего ты брешешь, Колька?

— Ей богу не брешу, — я ж не в лесу огуркив шукаю, я до хутора иду.

— А дид где?

— Со мной.

— Да где же он?

Сознаётся.

— В лесу.

— И что же вы делаете в лесу?

Мальчуган мнётся, запутался уже, не знает, что сказать, спрашивает:

— А ты партизан?

— Может быть и партизан.

Радостно:

— Ну и мы партизаны.

— Кто это — мы?

— Я и дид. Нас двое партизан. Да дид что-то захворал, просит солёных огуркив, не придумаю, що мне с ним робить. [19]

Этого хлопчика и его деда, председателя Харивского колхоза, Руднев взял в свою группу, привёл их с собой в Спадшанский лес.

Случай, характерный для тех дней. Побеседовали мы, обменялись опытом, своими соображениями и единодушно пришли к выводу, что обстановка в районе требует от нас смелых, активных действий. Надо приободрить людей, пособрать разбредшихся по лесам, показать всем, что есть против немцев сила, а это легче будет сделать, если откажемся от своего первоначального плана действовать самостоятельно, каждый со своей маленькой группкой, и объединимся в один отряд.

На досуге. Дед Мороз в компании юных партизан

— Ну, что же, Сидор Артёмович, ты командуй, а я по старой армейской привычке буду комиссаром, — сказал Руднев.

Начальником штаба назначили Базиму, а Курса — помощником ему. Подсчитали свои силы: 57 бойцов, 49 винтовок разных систем, 6 автоматов и один ручной пулемёт.

Бой с танками

Объединение произошло как нельзя во-время. На другой день, 19 октября, только собрались обедать — был приготовлен студень, блюдо с ним стояло на дворе, — как вдруг в лесу раздался крик:

— Танки!

Нас было в это время в штабе и возле него человек двадцать. Остальные стояли в заставах — на опушках леса, далеко.

Когда мы выскочили из домика, был уже слышен рев моторов. Танки подходили по главной дороге, со стороны Путивля. Их было два: тяжёлый и средний. Первым показался большой. На повороте, не останавливаясь, он открыл огонь из пушек и пулемётов. В лесу он казался особенно огромным. Дорога не вмещала эту громадину. Он мчался на нас, ломая деревья.

Второй следовал за ним.

Грохот, треск, огонь сверкает, но незаметно было, чтобы наш народ очень испугался.

Рассыпались все по лесу и стреляют из винтовок. Смысл в этом был: затрудняли наблюдение немцам. Танки промчались мимо с закрытыми люками. Однако немцы успели поджечь домик зажигательными снарядами. Тушить пожар не было времени, хорошо ещё, что удалось спасти имущество штаба, вынести в лес. [20]

Танки направлялись в сторону наших землянок. Я приказал Курсу бежать с минёрами и заминировать выход из леса, а сам с Рудневым, Базимой и остальными бойцами кинулся вслед за танками. Мы пробирались вдоль дороги. Здесь был густой кустарник, мелкоколесье, а дальше болото. Я надеялся, что танки далеко не уйдут, завязнут. И действительно, вскоре рёв моторов затих.

Рассыпавшись цепью, приближаемся к танкам. Лес вокруг редкий, молодой, преимущественно кусты на болотных кочках. Танки стоят на дороге борт к борту. На среднем открыт верхний люк. Один немец высунулся, ведёт наблюдение, другие возятся чего-то у гусеницы.

Руднев метким выстрелом снял наблюдателя. Тот, как мешок, сполз в люк. Наши сразу оживились. Кто-то уже кричит «ура». Коля Шубин садит из пистолета по броне танка. А я такие команды отдаю, будто у меня тут в лесу и артиллерия, и миномёты, и пехоты не меньше батальона.

— Батарея, огонь!

— Миномёты, огонь!

— Первая рота — влево, вторая рота — вправо, заходи назад, окружай, приготовь гранаты!

Смотрю, большой танк загудел, стал разворачиваться, подминая кусты, и помчался назад по дороге. Что бы это такое значило? Средний остался. Люк открыт. Никого не видно. Осторожно подбираемся ближе, кидаем в люк гранаты, выжидаем, потом бежим к танку. Он стоит, уткнулся в пенёк, обросший кустами. Гусеница повреждена, но повреждение пустяковое — один палец выскочил. Экипажа нет. Значит, пересел в большой танк, удрал. Словом, победа полная — и ещё какая! Первый бой — у нас ни царапины, и захвачен почти исправный танк.

Возбуждение большое. Все обязательно хотят залезть в танк, но куда уже — там полно. Кто-то поворачивает башню — народ хочет стрелять из пушки по удравшим немцам, а Коля Шубин ходит вокруг танка и чего-то присматривается к нему. Догадываюсь — ищет на броне следы своих пуль, не может понять: как же так — ни одной пробоины.

Вдруг неподалеку в лесу раздаётся сильный взрыв, как раз в той стороне, куда умчался большой танк. Так это же он, вероятно, взорвался на нашей mine! Тут уж радости не было предела. В воздух полетели шапки.

— Ура!

За первым взрывом последовали другие, не такие сильные, но частые и все в одном месте, похоже было на беглую [21] стрельбу из орудий. Что-то подозрительное. Народ затих, прислушиваясь, а потом по моему знаку все сразу кинулись в сторону взрывов, стараясь обогнать друг друга.

Издалека увидели на дороге большое пламя. Развороченная взрывом тёмная громада танка пылала, как костер. Башня была сорвана, лежала в стороне. Подойти к танку нельзя было. Внутри рвались снаряды и патроны.

Когда затихли взрывы и потухло пламя, внутри танка оказалось девять обуглившихся трупов. Экипаж обоих танков, проникших в Спадщанский лес, и проводник-предатель сгорели заживо. Наши военные товарищи, составлявшие отдельную группу, подоспели к месту боя, когда всё уже было закончено. Они не сразу поняли, что здесь такое случилось. То, что они увидели, с трудом укладывалось в их головах, а то, что им рассказывали, ещё того труднее. Одному казалось самым важным толковать, кто и как первым услышал шум моторов. Другому больше всего понравилось, что я командовал «артиллерия, огонь!», третьему не терпелось рассказать, как здорово вспыхнул подорвавшийся на mine танк, как хлопцы, быстро подскочив к нему, облили его горючей жидкостью. А Коля Шубин уверял всех, что ему нисколько не было страшно.

— Старикам может и страшно, а мне чего бояться, — говорил он. — Танк палит из пушки и пулемётов, а я бегу за ним прямо по дороге.

Это он воображал, что бежал за танком по дороге — бежал он лесом вместе со всеми. Вероятно в таком возбуждении был, что теперь ему действительно казалось, что по дороге бежал. Во всяком случае, мне, как командиру, не приходилось жаловаться на отсутствие боевого задора у людей. Очень радовало и то, что наши военные товарищи теперь должны были уже иначе смотреть на нас, путивлян.

Словом, мы имели полное основание быть довольными днём и возвращались к домику лесника в прекрасном настроении. Жаль только, что домика не было — сгорел дотла. Зато студень,

стоявший во дворе, сохранился в полной неприкосновенности. Это очень обрадовало нас, так как всем страшно хотелось есть.

Никогда, кажется, я не ел ничего с таким аппетитом, как этот студень. Впрочем, в этот день все казалось замечательным, даже землянка, в которой мы расположились на ночь, хотя от дождей воды в неё натекло по колено; чтобы ночью не утонуть, пришлось навалить в землянку уйму сена. [22]

Наши помощники

Как ни велики были возбуждение, радость, задор, вызванные первым успехом в бою, но мы хорошо понимали, что если и не хотим немедленно же уходить из леса, то должны быть готовыми к тому, что завтра немецкое командование в Путивле сделает всё возможное, чтобы уничтожить нас. Можно ли было думать, что немцы примирятся с бесследным исчезновением в лесу двух своих танков с экипажами, не заинтересуются их судьбой?

О том, чтобы уйти из Спащанского леса, перебазироваться где-нибудь подальше от Путивля, и речи не могло быть. Сейчас же после боя с танками мы начали готовиться к обороне. Прежде всего я приказал дополнительно поставить мины на всех лесных дорогах и тщательно проверить ранее поставленные.

С нашими силами строить оборону по опушке леса, тянувшегося в одну сторону на восемь километров, а в другую на пять, не представлялось никакой возможности. На опушке были выставлены только дозоры. Оборону решено было занять в глубине леса, на имевшихся здесь высотках, давно облюбованных Базимой.

Интересно, что Базима обратил внимание на эти высотки, может быть, не столько как начальник штаба, сколько как педагог, учитель географии, влюблённый в свой предмет. Песчаная почва и волнообразная форма высоток вызвали у него вопрос о их происхождении. Он завел речь о древних дюнах и очень сожалел, что в мирное время упустил из виду организовать сюда экскурсию школьников, говорил, что обязательно сделает это после войны. Всё-таки по характеру своему наши люди, несмотря на весь свой боевой задор, были глубоко мирные. Не только Базима — многие из нас, путивлян, в те дни, живя в землянках в глуши леса, думали о том, что не успели сделать до войны и что нужно будет сделать после окончания её в своём районе, городе, колхозе, школе. У меня самого не выходили из головы мысли о начатой мною кампании по ремонту домов в Путивле — уже порядочно было сделано, а сколько ещё предстояло! — и о своём любимом детище — городском парке на берегу Сейма.

С. В. Руднев и С. А. Ковпак

С уходом в лес не так уж всё изменилось у каждого из нас, как это можно было подумать, глядя со стороны. Внешне всё в жизни пошло совсем по-другому, и человек [23] как будто стал другим, но внутри, в душе, он остался тем, кем был до войны, только ещё больше любви стало у него к тому делу, к которому его пристроила советская жизнь. Конечно, появились совсем новые заботы. К примеру, сколько раньше положил я труда, чтобы в районе были хорошие дороги, мосты, а теперь я разрушаю их, но когда я делал это, меня не оставляла мысль, что дорога здесь грунтовая, а местность болотистая — осенью на машине трудно проехать и пора бы поставить вопрос о шоссе, что грузоподъёмность этого моста уже недостаточна, нужно

будет её увеличить. Иной раз у меня бывало такое чувство, что я попрежнему председатель горсовета, что штабная землянка в лесу — это мой временный кабинет. Как я уже говорил, с первого же дня жизни в лесу мы стали устанавливать связь с окружающими колхозами. Нам это было легко, потому что народ в сёлах нас знал, особенно трёх дедов, как называли меня, Базиму и Корнева. Бывало только приедешь в село на какую-нибудь кампанию или чтобы выступить с докладом на собрании, ребяташки уже бегут, кричат: — Дед приехал.

В Спадщину я и при немцах смело мог ходить один, хотя бы там было полно полицейских. В первой же хате от леса, жила хорошо меня знавшая колхозница-активистка Пелагея Соловьёва. За содействие партизанам немцы вешали, а вот эта женщина, получая от нас задания, и виду не показывала, что ей угрожает, как будто и немцев нет, и речь идёт о самом обыкновенном задании сельсовета. Часто в лесу раздавался вдруг днём голос женщины, громко звавшей заблудившуюся корову. Партизаны уже знали, что это идёт со Спадщины Пелагея с подарками от колхозников и новостями, — кличка её коровы была паролем. Через Соловьёву мы установили связь с другими колхозницами, которые тоже стали нашими помощницами — выпекали хлеб, заготавливали сухари, ходили в город, передавали письма, добывали нужные сведения, помогали нам, переправляя через фронт военнослужащих, оставшихся в окружении. Много помощников нашли партизаны среди сельских медицинских работников. В селе Воргол у нас был свой врач — Надежда Казимировна Маевская, в селе Новая Слобода по нашим заданиям работала фельдшерица Галина Михайловна Борисенко и Матрёна Павловна Бобина. Вскоре эти смелые девушки пришли в Спадщанский лес, вступили в отряд. Так организовалась у нас санчасть. [24]

Очень активно помогали нам и сельские учителя, особенно те, которых Базима лично знал по совместной педагогической или общественной работе, а таких было очень много. Мы провели с ними несколько совещаний. Одно из них было посвящено преподаванию истории. Путивляне издавна гордятся тем, что их город упомянут в «Слове о полку Игореве». Городской вал, сохранившийся со времён знаменитого похода Игоря Святославича, — излюбленное путивльской молодёжью место прогулок. В городском музее много собранных жителями Путивля экспонатов, воскрешающих историю нашего города, напоминающих о славном прошлом края, о совместной героической борьбе русского и украинского народов за родную землю.

Немцы хотели стереть эту память, заставить народ забыть о своём героическом прошлом, и они начали с того, что запретили в школах преподавание истории. Мы потолковали с учителями, попросили их подумать, как бы восстановить этот предмет в программе. Дело было очень рискованное, но учителя обещали подумать.

В селе Яцыно, неподалеку от Спадщанского леса, за Новой Шарповкой, в школе работала молодая учительница Вера Силина. Эта смелая девушка жаждала патриотического дела. Надо было только подсказать ей, за что взяться. Наше предложение воодушевило её. Подумав, она решила, что лучше всего будет связать преподавание истории с уроком грамматики. Она дала ученикам для грамматического разбора предложение, в которое входили слова «Союз Советских Социалистических Республик».

— Надо было видеть, — радостно рассказывала она нам потом, — как загорелись глазёнки у детей, когда они слышали эти дорогие слова.

Так, подбирая для грамматического разбора предложения, в которые входили дорогие народу слова, Вера Силина втягивала учеников в беседы на темы героической истории нашей родины. И такие нелегальные уроки истории усваивались детьми лучше всех других предметов.

Запуганные немецкими палачами, виселицами и расстрелами, разучившиеся уже было громко разговаривать — только шепотком по углам, — после этих уроков дети сразу ожили, снова почувствовали себя советскими школьниками.

Чем смелее мы действовали, тем больше становилось народа, который нам активно помогал, и тем смелее действовал он. Вскоре в Яцыне у нас было уже много помощников. [25] Здесь при школе возникла тесно связанная с нашим отрядом подпольная комсомольская организация. Молодые подпольщики регулярно доставляли нам сведения о передвижениях немецких войск по району, о расположении их постов и так далее.

Партизанская крепость

Утром 20 октября немцы начали наступление на Спадщанский лес. На этот раз из Путивля был выслан крупный отряд. Наши разведчики насчитали 5 танков, одну танкетку и 14 автомашин с пехотой. Танки остановились в поле и открыли по лесу огонь из всех своих орудий. Стреляли немцы наобум, так как где мы — толком не знали. Наломали деревьев, подбодрили себя шумом, потом, разбившись на две группы, рванулись вперёд; танки, пехота — все стреляют.

И в этот день наши минёры торжествовали. Одна группа немцев, не успев углубиться в лес, отскочила назад: передовой танк подорвался на mine. Такая же участь постигла и вторую группу, ей тоже пришлось вытаскивать на буксире танк, подорвавшийся на mine.

Отскочив от леса на почтительное расстояние, немцы подняли по нему пальбу из всех видов оружия. Со стороны, вероятно, это было очень странное зрелище: по лесу палят из пушек и пулемётов, а лес молчит, ни одной живой души в нём не видно. Наши дозоры отошли от опушки, ждут, пока у немцев успокоятся нервы.

К 12 часам дня стрельба прекратилась. Гитлеровцы укатили назад в Путивль, так и не узнав о судьбе своих танков, пропавших накануне в лесу.

Страх перед Спадщанским лесом стал у оккупантов ещё больше. То, что происходило в лесу, оставалось тайной, раскрыть её немцы были бессильны. Они не знали ни месторасположения нашего отряда, ни сил его, они ничего по существу не знали о нас, а мы знали о каждом их шаге. Наши люди были постоянными гостями в Путивле. Отличным разведчиком оказался Коля Шубин. Посмотришь на него — никогда не скажешь, что шустрый. Ходит возле землянки степенно, как взрослый, спросишь что-нибудь, отвечает подумавши, рассудительно, а на деле — огонь. Пойдёт в Путивль, целый день будет шнырять по базару, крутиться среди солдат, вроде дурачок, а потом проберётся с ними [26] в казарму. Всё мечтал себе автомат у немцев выкрасть. Это не удавалось ему, а патроны часто выкрадывал. Один раз полный подол принёс и всё горевал, что по дороге много растерял: бежал, споткнулся, рассыпал, а подобрать все не сумел, побоялся, что немцы заметят, стрелять будут.

С помощью таких вот разведчиков и женщин-колхозниц мы узнавали всё, что происходит в Путивле, что замышляют немцы. После неудачной попытки проникнуть в Спадщанский лес гитлеровцы пытались прибегнуть к услугам предателей, чтобы хоть трупы своих танкистов вытащить. Но после того как два немецких наймита не вернулись из Спадщанского леса — один был расстрелян нами, другой сгорел заживо в танке, — трудно было немцам найти желающих служить проводниками или разведчиками. Предателям Спадщанский лес внушал не меньший ужас, чем немцам.

Мы чувствовали себя в лесу, как в крепости, и постепенно обживались в нём. Землянки нашего отряда, разбитого на восемь боевых групп, раскинулись на большой площади. К двум самым отдалённым — к заставам, выдвинутым к опушкам, — протянули из штаба телефонные провода. Позывными были «Сосна» и «Остров». Так эти заставы и назывались у нас. Вслед за телефоном в штабе появился электрический свет. В качестве движка был использован мотор одной немецкой автомашины, подорвавшейся на нашей mine. Эту машину удалось отремонтировать на дороге и пригнать в лес своим ходом. Партизанские шоферы промчали её через четыре деревни, в которых была немецкая полиция. Отремонтирован был и захваченный у немцев средний танк.

Одновременно с объявлением в приказе по отряду состава танкового экипажа из бывших трактористов я объявил также состав артиллерийской батареи. Правда, батарея эта была не совсем обычной — без пушек. Артиллеристам предстояло самим добыть пушки и всё необходимое для батареи, о чём они и были предупреждены при назначении.

Неподалеку от штабной землянки, возле которой поставили на позицию танк, появились землянки санчасти, хозяйки, общая кухня. Была и своя баня, но далеко — в нескольких километрах, на посёлке лесосплава. К зиме решили перетащить её в лес, поближе. Устраивались надолго, основательно. Хозяйственной части приказано было приступить к созданию неприкосновенного продовольственного запаса, к изготовлению деревянных ящиков для зерна, к рытью погребов для картофеля, капусты. Зерно и овощи вывозились [27] с помощью колхозников с заготовительных баз противника, помещавшихся в соседних сёлах.

Для работы с населением была выделена группа партизан-агитаторов во главе с бывшим заведующим организационно-инструкторским отделом путивльского райкома партии Яковом Григорьевичем Паниным.

В ближайших к лесу сёлах и хуторах мы были уже полными хозяевами, немецкая полиция оттуда бежала. Наши агитаторы открыто проводили там собрания и митинги. Снова, как до прихода немцев, ребяташки, мои старые друзья, оповещали обо мне, когда я появлялся в селе, весёлым криком:

— Дед пришёл!

Молодёжь наша очень быстро перезнакомилась с девушками-колхозницами, повадилась к ним в гости ходить. На опушке леса, возле «Острова» и «Сосны», появились парочки, в деревнях начались гулянья.

Колхозники стали проситься в отряд. На первых порах мы требовали, чтобы подавали письменные заявления. После разбора заявлений и проверки за принятыми в отряд добровольцами посылались разведчики.

Без наших проводников, со стороны в расположение отряда никто не мог пройти. Лес охранялся заставами и дозорами — на опушках, часовыми — на дорогах. Чтобы пройти в лес, надо было знать партизанский пароль.

* * *

Взрывы на вражеских коммуникациях продолжались. В конце октября было сразу закрыто движение через Сейм в двух районах: одновременно взлетели на воздух четыре моста — два в Путивльском районе и два в Конотопском. Охрана мостов была снята боевыми группами, которые потом, выдвинувшись в сторону гарнизонов противника, прикрывали подрывников. Этим делом руководил наш комиссар. Человек неутомимый, он хотел всюду поспеть. Почти не было дня, чтобы Семён Васильевич не выходил на операцию. На следующее утро после взрывов сеймских мостов на дороге Путивль — Рыльск подорвался на нашей мине тягач, перевозивший танк на платформе. Надо было послать туда людей, чтобы снять вооружение, снаряды и уничтожить этот танк, пока немцы не вывезли его. Комиссар только что вернулся с Сейма, побрился у пенька и опять сам повёл на операцию новую группу. [28]

Семён Васильевич часу не мог в землянке отдохнуть. Иной раз придёт, разденется, ляжет на нары, выкурит несколько папирос, и смотришь — одевается уже.

— Ты куда это?

— На «Остров» схожу, боюсь, не устроили ли они там опять гулянки.

В те дни Семён Васильевич, куда бы он ни шёл, всегда со своим сынком Радиком. Я чувствовал, что он немного нервничает. Он не успел эвакуировать из района свою семью. Перед приходом немцев в Путивль она перебралась в одно село неподалеку от города, к знакомым. Семён Васильевич говорил, что не может простить себе этого. Он очень беспокоился за семью, старался только не показывать своего волнения, а в руках держать себя умел. Недаром его любимым выражением было «армейская привычка»: это-то он должен сделать по армейской привычке, этого он не может переносить по армейской привычке, а это само собой выходит, и тоже по армейской привычке.

Командиры подразделений разрабатывают план очередного удара по врагу

По правде сказать, на первых порах армейские привычки комиссара, его требовательность не очень-то по душе пришлись кое-кому из новых людей, присоединившихся к нам уже в лесу. Как-то вызываем «Остров» — никто не отвечает. Оказалось, что все ушли на гулянье к девушкам в деревню, на заставе никого не осталось. Семёну Васильевичу пришлось поставить

перед этими людьми вопрос о дисциплине со всей серьёзностью. И вот кое-кто начал поговаривать, что Ковпак, мол, хотя и ругается, но дед хороший, а это всё комиссар по своей армейской привычке закручивает.

Было среди новых бойцов несколько что называется отчаянных. Они не раз поднимали шум: мы-де партизаны, а не красноармейцы, обойдёмся и без комиссара. Рудневу пришлось много поработать с ними. Он заглядывал в их землянки чаще, чем к другим. Сначала у них разговоры бывали громкие, а потом начались и задушевные. Семён Васильевич хорошо знал людей и умел к ним подойти. Кончилось тем, что и эти люди заразились армейскими привычками комиссара и полюбили его как отца родного, как любили его все партизаны.

Я уже говорил, что наши путивляне даже во внешности старались подражать Семёну Васильевичу. Например, — мода на усы. Эта мода охватила весь отряд, началось соревнование — у кого усы больше, у кого пышнее. Или вот тоже — песни. Была у Руднева одна песня, которую он чаще [29] всех пел. Выйдет вечером из землянки, шинель внакидку, сядет на пенёк вместе со своим Радиком, обнимет его, прикроет полую шинели и затынет:

В чистом поле, поле под раkitой,
Где клубится по ночам туман
Там лежит, лежит зарытый,
Там схоронен красный партизан.

И слышишь у одной землянки подхватили, у другой — и по всему лесу песня пошла:

Я сама героя провожала
В дальний путь на славные дела,
Боевую саблю подавала,
Вороного коника вела.

Эта песня стала любимой у путивлян.

* * *

Алексей Ильич вернулся из Харькова, как настоящий Дед Мороз, — к празднику: готовились к встрече 24-й годовщины Октябрьской революции.

— Только, хлопцы, не гневайтесь, — говорит, — подарков я вам не принёс.

Мы ждали с «Большой земли» рацию. Алексею Ильичу не удалось её получить, но командование, с которым он связался в Харькове, взяло наши координаты и обещало, что рация будет сброшена нам с самолёта. Хорошо уже было то, что на «Большой земле» узнали о нашем существовании в Спадщанском лесу.

Вероятно, не только я, многие путивляне представили себе тогда Москву, кабинет, большую карту на стене, маленькое зелёное пятнышко на нём к северо-западу от Путивля и руку, делающую на этом зелёном пятнышке отметку красным карандашом. И ведь может быть эта карта — в кабинете Сталина, и перед ней стоит он сам — это его рука делает отметку на карте, он смотрит на нас, думает о нас. Одна мысль об этом была праздником. Хотелось, сделать что-то такое, чтобы Сталин порадовался в эти трудные дни.

А Дед Мороз говорил, что не принёс нам подарков!

Вернулся он, и в землянке сразу как-то уютнее стало. Какая бы погода ни была — Алексей Ильич в валенках, а то ещё и в овчинной шубе. Выпьёт несколько кружек горячего чая — красный, как кумач, а борода, брови, шевелюра — белые, как снег. И всё ближе к печке подсаживается, пока не взмокнет так, что пот градом с него катится.

— Эх, в баньку бы с дороги. [30]

Вот, кстати, и новое дело старику нашлось: поручили ему перевезти баню с лесосплава в расположение наших землянок. Ему всё под руку. Человек он мастеровой: в детстве с батькой-каменщиком к его ремеслу приучался, потом сам пошёл на отхожие заработки, сезонничать, кровельщиком работал. В отряде я назначил его своим помощником по хозяйственным делам.

Дел этих было очень много — тысяча мелочей, и все очень хлопотливые. Сапоги должны быть смазаны — это закон, приходилось гнать дёготь, или вот стирка белья — щёлок надо выварить из золы.

Интересно рассказывал Алексей Ильич, как он через фронт переходил. Рассказывает, а у самого слёзы от смеха. В одном месте надо было по большаку итти. Это когда он в ту сторону шёл, красноармейцев провожал. Они усомнились, спрашивают:

— Куда, дед, ведёшь? Видишь, как дорога наезжена немецкими машинами?

А дед показывает на поля. Была пора уборки картофеля, на полях полно народу. Говорит: «свои же все люди — не выдадут». Пошли по дороге, как только увидят немцев — в поле, рассыплются по нему и делают вид, что картошку выбирают. Колхозницы благодарят:

«Спасибо, товарищи, за помощь». А из мужчин некоторые смеются: «Попутчики, значит. Мы такие же копальщики, как и вы: к одну сторону пробираемся». Тогда много народу пробиралось к фронту по картофельным полям между копальщиц.

* * *

Октябрьские праздники встретили хотя и в тылу врага, но по заведенному в Советской стране обычаю. Во всех сёлах и хуторах вокруг Спадщанского леса провели праздничные митинги, рассказали народу правду о положении на фронте, то, что узнали от Деда Мороза. Побывали и у нас гости. В канун праздника 6 ноября встречаем в лесу хлопчика лет тринадцати. Ведёт вола.

Спрашиваем его:

— Ты куда, малый?

— До вас. Вы же ковпаковцы?

— Ковпаковцы.

— Ну так вот, до вас меня и послали делегатом.

— Кто послал?

— Ну, наш народ, мы — новшарповские. Завтра же праздник Октябрьской революции. Вот вам и отрядили в [31] подарок вола. Вы, дяденьки, его зарежьте, и будет к празднику мясо до борща. Он вол-то хороший, жирный-жирный.

Порадовал народ нас в эти дни своим вниманием, заботой. В селе Стрельники, километрах в восьми от леса, после собрания, проведённого партизанским агитатором, колхозники, выгрузили из амбара всё зерно на подводы, выгнали со скотного двора телят и отправили целый обоз в подарок нам. Мы отказывались, говорили, что у нас всего хватает, но колхозники и слушать не хотели:

— Пожалуйста, не обижайте Стрельники.

На север

Утром 13 ноября наши разведчики с восточной опушки заметили колонну немецкой пехоты, двигавшуюся по дороге от Путивля на север мимо леса, человек 70 с автоматами и ручными пулемётами. Я сейчас же послал на северную опушку в кустарниковые заросли, к Старой Шарповке, группу в 30 человек. С ней пошёл Руднев.

Вскоре другая, более многочисленная колонна немцев стала приближаться к южной опушке леса. И на карту не надо было смотреть, чтобы разгадать замысел немцев. Я понял, что они хитрят, что северная колонна послана с целью выманить нас из леса, оторвать от основной позиции, от базы, после чего главные силы должны были ударить нам в тыл. Решил, пусть они хитрят, а я буду придерживаться своего плана — прежде всего не разбрасываться: сначала помогу Рудневу быстрее разгромить меньшую колонну, а потом уже вместе повернёмся для отражения атаки с юга.

У северной опушки немцы развернулись, подходя к Старой Шарповке. Я выдвинулся вперёд и обстрелял их из танка орудийным огнём. Немцы стали уклоняться от опушки, где их поджидал Руднев. Семён Васильевич, видя, что немцы уходят, разбил своих бойцов на две группы. Он хотел отрезать движение противнику вперёд, одновременно зайти ему в тыл и прижать к реке Клевень. Но немцы, попав под огонь танка, очень быстро проскочили через Старую Шарповку. Когда партизаны вышли к ветряку, что на её западной окраине, немцы были уже на лугу за

рекой. Поспешность, с которой они отошли за Клевень, подтверждала мою догадку, что нас хотели выманить здесь из леса. Это не удалось немцам. Руднев преследовал отступавших [32] только ружейно-пулеметным огнём. А я сейчас же повернул танк, чтобы ударить по наступавшим с южной опушки. Немцам здесь удалось оттеснить заставу и прорваться к землянкам. Слышны были доносившиеся оттуда выстрелы и разрывы гранат. С танком напрямик лесом не пройдёшь, нужно было кружить по дорогам между болот. Бойцы одни быстрее могли добраться до землянок. Я приказал им бежать туда на помощь, а сам повёл танк. Дорога узкая, наскочили на толстое дерево. Вперёд нельзя, и назад танк не идёт. Водитель заглушил мотор. Пушкарь говорит:

— Теперь прочно стали на позицию.

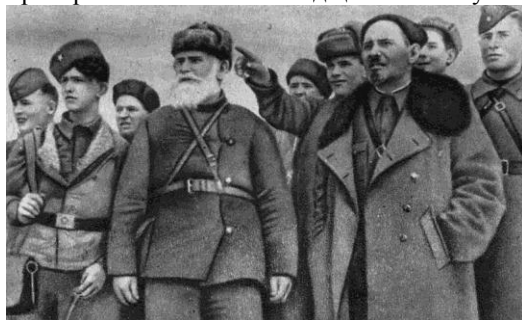
Позиция оказалась подходящей: стоим на высоте, впереди лес довольно редкий — обстрел хороший. И как раз во-время. Со стороны землянок прямо на танк бежали немцы. Первая мысль была, что это атака, но нет, что-то не похоже — бегут беспорядочно и танка, видимо, не замечают.

Оказалось, что у землянок немцам уже дали жару, хотя там находились только больные. Одну из землянок немцы окружили. В ней были три бойца, в числе их разведчик Попов Василий Фомич, партизан гражданской войны. Снаружи кричат «сдавайся». Изнутри никто не отвечает. Немцы бросают гранаты в дымовую трубу. Партизаны укрываются от них досками от нар. Решив вероятно, что в землянке никого в живых нет, немцы подошли к окошечку, чтобы заглянуть внутрь. Попов дал по ним очередь из автомата — убил офицера и несколько солдат. Остальные отбежали от землянки и попали под огонь посланных мною бойцов, побежали дальше в панике, увлекая за собой и тех, кто были у других землянок, и все наскочили на меня. Я встретил их огнём из танка — шарахнулись в сторону и заметались, не зная, как выскочить из этого проклятого леса: здесь болото — утонешь, там чаша — не пройдёшь, а тут, словно из-под земли, на высоте вдруг танк появился и бьёт прямо в упор. Словом, настоящая чертовщина, дай бог ноги унести.

В этом бою противник потерял около двадцати человек, а нам опять посчастливилось — обошлись без потерь, только пятки поотбивали и вспотели сильно, бегая туда и назад по лесу. Но в том, что мы могли так свободно бегать по лесу, не боясь потерять ориентировку, и было, собственно говоря, наше главное тактическое преимущество над противником, который двигался в лесу, как слепой. [33]

* * *

Нет такой карты Спадщанского леса, да и представить её нельзя, по которой мог бы работать мой начальник штаба. На его обязанности наметить расположение постов, засад, секретов, застав, основных позиций обороны на всякий возможный вариант наступления противника. Так. изволь не только каждую высоту, болотце, опушку, но и каждое дерево изучить, знать, откуда какой сектор обстрела, наблюдения. Да Григорий Яковлевич и сам предпочитал работать на местности. Вот тут оригинальная берёза. Из земли один ствол выходит, как пенёк, а из него три ствола растут: два по бокам, один сзади и с выгибом, как будто кто-то сидел на пеньке, когда они прорастали. Готовое кресло, к тому же и мягкое: пенёк весь во мху. Впереди что-то вроде просеки — полоска редкого леса, небольшой просвет, со стороны его и не видно. Чем не замечательный пост! Сидеть удобно, маскировка готовая и наблюдение исключительное. И сколько таких мест, подготовленных для нас самой природой, нашёл Григорий Яковлевич в Спадщанском лесу.

На командном пункте. В центре (справа) С. А. Ковпак и А. И. Корнов (дед Мороз)

Ходит по лесу, не торопясь, поглядывает по сторонам, точно грибы собирает. И по виду-то он больше на грибника похож был, чем на начальника штаба. Из города пришёл в лес в плаще. Планшетку с собой захватил, кажется, она у него с прошлой мировой войны, а тёплого ничего не взял. Первые дни всё ежился, у костра грелся. Потом променял у какого-то знакомого колхозника свой городской плащ на тёплую фуфайку — обрадовался, а когда по утрам подмораживать начало — сшил себе из одеяла не то пальто, не то халат, вернее просто мешок с дыркой для головы, и чувствовал себя прекрасно. Целые дни пропадал в лесу. Но вот замечаю, что Григорий Яковлевич начинает что-то засиживаться за картой. Придёт в землянку, наденет очки, разложит на столике одновёрстку и сидит над ней молча, свёртывая одну цыгарку за другой. И Руднев всё чаще подходит к нему. Прикурит и долго стоит, не отходя, тоже косится на карту. На столе уже не только лист Путивльского района, а и листы прилегающих к нему с севера районов, которые до сих пор не раскладывались. От Спадщанского леса взгляд Григория Яковлевича медленно поднимается выше, за Клевень, за Вишнёвые горы, к лесам Марица, Кочубейщина, Довжик, ещё выше, за Глухов, к Хинельским лесам. И Руднев косится туда же. И самого меня начинает тянуть к карте. Тоже встаю, надеваю очки, [34] заглядываю через плечо Григория Яковлевича, и тоже взгляд мой невольно поднимается от Спадщины к северу, туда, где на карте всё больше зелёных пятен, где они сливаются в одно сплошное зелёное поле, к южной зоне Брянских лесов. Несмотря на все наши успехи, с приближением зимы не могла не приходить в голову мысль о том, насколько труднее станет нам в Спадщанском лесу, когда по урочищу Жилень, до сих пор надёжно прикрывавшему нас с запада, можно будет не только пройти, но и проехать, когда замёрзнут все лесные болотца, окружающие наши землянки, когда опадут последние листья, лес поредеет, и там, где можно было пройти в двух шагах от землянки и не заметить её, станет просвечивать от одной дороги до другой. К тому же для нас не было тайной, что в Путивле с каждым днём солдат и полиции прибавляется, что немецкое командование готовится к новому наступлению на Спадщанский лес, как к серьёзной военной операции. Вот почему приходилось подумывать об огромных лесах, лежащих к северу от Глухова, за Севском, Серединой Будой, о старых партизанских гнездовьях, где в годы гражданской войны собирали против немцев украинских повстанцев Щорс и Боженко. Но разговоров об этом пока не было. Продолжалась подготовка к зимовке в Спадщанском лесу.

* * *

Морозы, которые предвещали для нас бои, начались сразу сильные, болото Жилень быстро замёрзло. Немцы зашевелились, и не только в Путивле. Наши разведчики, ездившие на базары под видом крестьян, и колхозники, служившие у нас разведчиками, начали сообщать о движении автомашин с отрядами противника в сторону Путивля из Бурины, Конотопа, Кролевца, Глухова, Шалыгина. То в одном, то в другом селе с юга, запада, севера, востока от Спадщанского леса, все ближе к нему, появлялись немецкие войска и полиция, стянутая из соседних районов.

В Октябрьские праздники, тесно сблизившие партизан с населением, мы задумали провести в одном из сел вблизи Спадщанского леса учительскую конференцию в масштабе всего района. Агитгруппа под руководством Панина уже вела подготовку к ней, втянула в это дело много сельских учителей, налаживала связь с учителями из отдалённых сёл, с городскими педагогами, намечала уже место и срок созыва конференции. Эту работу, которой мы придавали очень большое значение, пришлось прекратить. Положение стало такое, [35] что о созыве конференции не могло быть и речи. Кольцо окружения Спадщанского леса быстро замыкалось. Из леса уже трудно было выходить. В сёлах и хуторах, где мы ещё недавно открыто проводили собрания, митинги, откуда колхозники привозили нам продовольствие, снова появились немцы. Выпал снег. Теперь по лесу уже не пройдёшь, как осенью, когда дождь за тобой следы смывает. Немцам не надо было уже искать предателей-проводников: от опушки по нашим следам они могли прямо выйти к расположению отряда.

Из-за этих следов, на которые мы невольно стали обращать внимание, обжитый уже лес сразу показался другим. Да он и действительно был уже не тот: как будто жили под крышей, а теперь под открытым небом.

Некоторые партизаны, поторопившиеся с наступлением морозов обменять у колхозников свои сапоги на валенки, стали подумывать, не прогадали ли. Командиры поглядывали на карты, а бойцы — на обувку. У тех и других мысль одна: всё-таки должно быть предстоит далёкий поход, придётся уходить на север.

Во всяком случае без отчаянной борьбы никто из путивлян не хотел покидать своё лесное гнездо, свой район, где не у одного Руднева, а у многих оставались семьи, близкие, где после проведённой нами большой работы в сёлах народ почувствовал присутствие советской власти, смотрел на нас как на своих защитников.

В кольцо, стягивавшемся вокруг Спадщанского леса, численность немецких войск и полиции достигала, по сведениям нашей разведки, трёх тысяч человек. У нас же к этому; времени было 73 бойца, а на вооружении отряда имелись, кроме винтовок и автоматов, танк, два ручных пулемёта и батальонный миномёт с 15 минами. Этот миномёт наши артиллеристы называли своей батареей. Такое неравенство сил не очень пугало нас. Мы были уверены, что и на этот раз устоим, что страх у немцев перед Спадщанским лесом ещё достаточно велик и при всей своей многочисленности они будут действовать в лесу попрежнему трусливо. Продержаться бы ещё немного, думали мы, и нам сбросят обещанную рацию, — ведь координаты наши известны, расположение наше отмечено на карте, — а тогда, установив регулярную связь с «Большой землей», мы будем знать, что делать дальше. Самое главное — получить рацию. Мы ждали её со дня на день, прислушивались к шуму пролетающих над лесом самолётов — не свой ли, советский, краснотрёхзвёздный, не нас ли [36] ищет, чтобы сбросить рацию? А где он нас найдёт, если мы уйдём отсюда? Покружится и улетит назад — не искать же с воздуха наших следов по лесам. Мы и без того очень боялись, как бы при эвакуации Харькова наши координаты не были утеряны.

В ночь на 1 декабря немецкие войска появились и на хуторах, прилегающих к самому лесу. Наша тактика заключалась в том, чтобы заманить противника поглубже в лес и не распылять сил отряда. Круговая оборона была построена вокруг наших баз — землянок. В центре был танк. Он так и остался на той же высотке, где застрял в предыдущем бою, когда наскочил на дерево.

По окружности оборона отряда занимала около двух километров. В некоторых местах, где было много оврагов, представлявших надёжную защиту, бойцы окопались на расстоянии ста и больше метров друг от друга, только чтобы поддерживать между собой зрительную связь. Большинство бойцов было собрано на нескольких наиболее опасных участках. На левом фланге, где немцы наступали с восточной опушки, расположились боевые группы общей численностью в 33 бойца под командой Руднева. Противоположную сторону обороны, лицом к Жилени, заняли боевые группы, объединявшиеся Базимой, — 30 бойцов. С ними был Курс с миномётом. Там же в засаде сидел Дед Мороз с несколькими разведчиками.

Танк должен был прикрывать землянки и поддерживать огнём все группы.

Хотя танк был уже неподвижен, но и на этот раз он сослужил нам очень хорошую службу. Высотка, на которой он стоял среди редкого леса, оказалась неприступной крепостью. Со стороны Новой Шарповки немцы подходили к ней так близко, что были видны лица солдат. Но танк встречал их огнём, они рассыпались, отбегали, собирались, снова шли в атаку и опять отступали, оставляя убитых, которых наш танкист-пушкарь, высываясь из люка после стрельбы подсчитывал про себя, тыкая пальцем в воздух. Не помню его фамилии: такая, что никто выговорить не мог, — все звали его по имени, Абрам, или просто — пушкарь.

Один раз немцы уже чуть было не подобрались к самому танку, их отделяло от него несколько десятков шагов, несколько деревьев. Но танкисты по моей команде во-время повернули башню, и Абрам двумя или тремя снарядами раскидал по лесу бежавших к танку немцев. Их было человек 70. [37]

Я не отходил от танка, всё время подавал команды пушкарю, корректировал его стрельбу. У меня не выходила из головы мысль: танк — наша крепость, если немцы прорвутся здесь — всё пропало. От огня противника я укрывался деревьями. Броня танка была бы более надёжным укрытием, но тут уже не приходилось об этом думать. В танке, может с непривычки, я ничего не видел и не слышал, как будто меня наглухо колпаком накрывали, а стоя возле него, я не только наблюдал все подступы к высотке, но по выстрелам и голосам, хорошо разносившимся по лесу, ясно представлял себе всё, что происходит, мог в любую минуту направить огонь туда, где он больше всего был нужен. Башня танка непрерывно крутилась. Абрам так хорошо знал

свой лес, что по звуку стрелял как по видимой цели. Один крупнокалиберный пулемёт немцев, бивший со стороны Жилени на участке Базимы, замолк после нескольких выстрелов нашего пушкаря.

В этом бою по всему кругу обороны партизаны дрались не сходя с места, если не считать коротких контратак. Немцы пытались прорваться к землянкам со всех сторон. Они проникли в лес и через урочище Жилень, воспользовавшись тем, что болото замёрзло. Тут у них действовала даже кавалерия. От неё отбивался Дед Мороз со своими разведчиками.

Граничащий с Жиленью участок леса сейчас оказался самым уязвимым. Боевые группы Базимы с трудом сдерживали натиск наступавшей здесь под прикрытием станковых пулемётов пехоты противника и его кавалерии, пытавшейся прорваться в тыл. В критический момент на помощь Базиме прибежал Руднев, только что отбивший атаку на своём участке. Увидев комиссара, который бежал прямо на немцев и стрелял на ходу, бойцы поднялись и с криком «ура» устремились за ним. Первыми поднялись бойцы группы Карпенко, тот самый народ, который кричал, что в партизанском отряде ни к чему армейские привычки, что он не желает знать комиссара. Теперь этот народ готов был голову положить за Руднева, идти за ним в огонь и в воду.

В этот день всем было ясно: если не выдержим, всё погибло, весь отряд, всё дело путивлян. Бой продолжался дотемна. Народ наш выдержал. Немцы отступили на ночь, оставив в лесу сотни полторы неподобранных трупов. Мы захватили пять пулемётов. Но за день были израсходованы почти все боеприпасы, и это [38] заставило меня сейчас же после боя задать Алексею Ильичу вопрос, который давно был в мыслях:

— Знаешь, Ильич, дорогу в Брянские леса?

Ильич сразу меня понял:

— Значит, все-таки в поход?

— В поход, Ильич.

— Что же, добре, проведу хлопцев по старым партизанским тропкам.

Хотя не хотелось, а уходить из Путивльского района пришлось. Я приказал, сняв с танка вооружение, заминировать его, зарыть в землю всё, что не можем взять с собой, в том числе и продовольствие. Сахар, наваренное нам колхозниками варенье и небольшое количество сухарей были выданы бойцам на руки. В приказе, объявленном по отряду, говорилось: «Дабы сохранить людской состав для дальнейшей борьбы, считать целесообразным 1.12.41 г. в 24.00 оставить Спадщанский лес и выйти в рейд в направлении Брянских лесов». Я писал о выходе в рейд для того, чтобы сказать этим, что мы ещё вернёмся в свое родное гнездо, что уходим ненадолго. Тогда я и не предполагал, конечно, какой смысл приобретёт для нас в будущем это слово «рейд».

Присяга

Перед уходом из Спадщанского леса путивляне похоронили трех бойцов — Ильина, Челядина и Воробьева. Недолго они воевали, но мы никогда не забудем этих первых павших в бою партизан, молодых смелых ребят. Место для их могилы выбрали недалеко от землянок, в глухой чаще, чтобы немцы не нашли могилы и не осквернили её. Земля уже промёрзла, рыли с трудом, торопились. За ночь надо было выйти из леса и скрытно проскочить между хуторами, в которых расположился после боя противник, намеревавшийся утром возобновить наступление. Перед могилой собрались все семьдесят бойцов и командиров, с оружием, гранатными сумками, заплечными мешками. Тут же стояли две запряженные в подводы лошади — весь наш обоз.

Темно было очень, люди стояли молча, и вдруг раздался голос:

— Товарищи! Поклянёмся...

Кто говорит — не видно, только по голосу узнали — Руднев. [39]

Все придвинулись к могиле, сбились вокруг неё тесной кучкой.

Что было тогда у людей на душе, всё высказали они в клятве, которую произнесли, повторяя слова комиссара. Высказали всю накипевшую ненависть к немцам — за погибших товарищей, за то, что приходится уходить из родного района, за семьи, оставшиеся в сёлах, за горе и муки

народа, за. всё, и за то, что может быть завтра прилетит с «Большой земли» самолёт и не найдёт нас в Спадщанском лесу.

Поклявшись жестоко отомстить врагу, отряд двинулся в поход.

Вдоль северной опушки леса по реке Клевень немцы расположили свои заставы, предполагая, что если мы попытаемся вырваться из окружения, то можем сделать это только здесь, чтобы, проскочив через речную низину, выйти сразу в леса урочищ Вишнёвые горы, Марица, Кочубейщина.

Мы же решили прорываться на восток, открытой местностью, между Новой Шарповкой и Кардашами на село Стрельники и оттуда уже повернуть на север, за Клевень. Отряд с обозом, на котором везли раненых, миномёт и пулемёты — трофеи последнего боя, благополучно прошёл полями в нескольких сотнях метров от хутора, где стояли немцы. Назавтра мы были уже за Клевенью.

Оккупанты, чтобы стянуть к Спадщанскому лесу три тысячи солдат и полицейских, оставили без войск несколько районов. К северу от Клевени путь оказался совершенно свободным.

Имевшиеся кое-где небольшие полицейские группы разбегались при нашем появлении. Только в одном селе несколько не успевших удраť полицейских попытались оказать сопротивление. Они были убиты.

Вступая в сёла, бойцы с ожесточением рубили поставленные немцами виселицы. Руднев с Паниным собирали колхозников, проводили митинги, говорили народу, что мы скоро вернёмся, чтобы нас ждали, не выполняли немецких поставок, зарывали хлеб в землю.

Поход продолжался четыре дня, не считая днёвки в хуторе Окоп. За это время мы прошли маршем 160 километров, пересекли Путивльский, Шалыгинский, Эсманский районы и вышли в Севский район Орловской области. В декабре отряд остановился в селе Хвощевка, на опушке Хинельских лесов.

В голове колонны (справа) командир партизанского соединения С. А. Ковпак, комиссар С. В. Руднев, начальник штаба Г. Я. Базима. Докладывает начальник разведки

Этот лесной массив лежит к югу от Хутора Михайловского, за которым начинаются уже Брянские леса, и тянется широкой полосой с запада на восток от Новгорода-Северского [40] к Севску. Нам представилось выгодным обосноваться здесь: не отрывались от своего района, всегда имели возможность вернуться туда, и в то же время у нас был надёжный тыл — Брянские леса.

Хорошей базой для отряда мог служить лесокombинат, расположенный в 35 квадрате лесного массива. С целью разведки туда было послано несколько бойцов во главе с Дедом Морозом. Вернувшись, Ильич сообщил, что в посёлке лесокombината живёт какой-то странный народ. Большинство занимается сапожным делом, но видно, что люди все не здешние, пришлые, должно быть скрываются от немцев. Узнать от них ничего нельзя, относятся с подозрением, боятся, не подосланы ли полицией. Вблизи посёлка землянки, построенные недавно, пустые, говорят, что в этих землянках жили какие-то партизаны, но где они сейчас — никто не знает или не хочет говорить. В одном доме нашли человека, спрятавшегося в чулане. Хозяйка долго не хотела открывать этот чулан, а когда её убедили, что бояться нечего, крикнула человеку через дверь, что свои пришли. Человек сидел в чулане с пистолетом в руке. Поговорили с ним, оказался командиром какого-то партизанского отряда, собирался будто бы в лес уходить, но толком объяснить, где его отряд, не мог, разбредлись куда-то люди.

— Словом, треба побалакать с ними, як Микола Щорс балакал с хлопцами, — закончил свой рассказ Дед Мороз.

8 декабря мы заняли лесокombинат. В посёлке были дома, вовсе покинутые жителями. Тут расположились штаб, хозчасть, санчасть, разведка и одна боевая группа. Остальные группы разместились в лесу, в пустовавших землянках.

Поговорили с людьми, жившими в посёлке, со всеми этими «сапожниками». Оказалось, как и думали, — частью военнослужащие, попавшие в окружение, пробиравшиеся откуда-то издалека и застрявшие здесь, частью партизаны, которым надоело сидеть в лесу, ничего не делая.

Поставили перед всеми вопрос прямо: что же вы, дорогие товарищи сапожники, всю войну будете сапожничать? Люди откровенно сознались: а что делать, если нет даже патронов? То ли пробираться через фронт — так где он, фронт, неизвестно, говорят вот, что немцы будто бы уже в Москве, то ли в лес уходить к партизанам, а что толку в лесу сидеть, как вон они сидели тут в землянках, сами же потом в посёлок пришли. Спрашивают: нет ли у вас, товарищи, [41] радио, не знаете ли, что на фронте происходит? Чувствовалось по всему, что страшно оторвался этот народ от жизни, а услышал бы он только голос с «Большой земли», сразу забросил бы сапожные колодки, взялся за своё настоящее дело.

Радио у нас не было, но мы с Рудневым нашли способ встряхнуть этих людей, напомнить им о долге. Приближался к концу третий месяц существования Путивльского отряда. Эту дату предполагалось ознаменовать принятием присяги. Сейчас это было как нельзя более кстати.

Надо только сделать всё, решили мы, чтобы наша клятва Родине была произнесена в торжественной обстановке, по-армейски и на виду всех людей, собравшихся в посёлке лесокombината.

11 декабря я отдал приказ о приведении к присяге бойцов и командиров отряда.

Боевые группы выстроились возле штаба. После команды «Смирно, под знамя!» знаменосцы пронесли перед фронтом боевых групп только что сшитое отрядное знамя и остановились с ним у стола, на котором лежал текст присяги. Он был составлен нами самими.

Я обратился к бойцам и командирам с короткой речью. Подвёл итоги трёхмесячной борьбы и сказал, что когда мы уходили из Путивля, каждый из нас в душе поклялся бороться, не считаясь ни с чем, до полной победы, что недавно мы повторили эту клятву над могилой своих товарищей, павших смертью храбрых, а сегодня поклянёмся ещё раз здесь, в Хинельском лесу; дадим святую воинскую клятву «Большой земле», товарищу Сталину, по призыву которого мы поднялись на борьбу с врагом. И я первый прочёл текст присяги: «...Как партизан, клянусь перед всем советским народом, перед партией и правительством, что буду бороться за освобождение моей Родины от ига фашизма до полного уничтожения его».

Выступил с речью и Руднев, потом все в порядке старшинства читали присягу, подписывались на обороте, я каждого поздравлял. Всё это, как и следовало ожидать, произвело большое впечатление не только на принимавших присягу, но и на всех окружавших нас людей.

В тот же день я прошёл по посёлку, заглянул в один, другой дом, спрашиваю: «Ну, как дела? Не возьмётесь ли шить сапоги для нашего отряда?» — «Нет, говорят, довольно, посапожничали, хватит, надо воевать». [42]

* * *

Регулярных немецких войск в районе Хинельских лесов не было. В сёлах имелись только небольшие группы полиции. После занятия лесокombината отряд приступил к их уничтожению. За несколько дней были очищены от полиции все окрестные сёла. Во время этой операции партизаны захватили на немецких базах много оружия, боеприпасов, лошадей, обмундирования, и продовольствия, часть которого была роздана населению, а часть оставлена для нужд отряда. На паровой мельнице лесокombината начался помол зерна, в пекарне круглосуточная выпечка хлеба и заготовка сухарей. Мы и здесь почувствовали себя уже хозяевами.

Одного только не доставало: не знаем, что происходит на «Большой земле». И вот приходит в штаб какой-то человек и сообщает под секретом, что у него есть радиоприёмник, что он ежедневно слушает Москву — в Москве всё в порядке, наступление немцев как будто приостановлено. Кто он такой? Учитель, живёт тут под лесом. Где у него радиоприёмник, я не стал расспрашивать. Не до того. Шутка ли сказать — Москву слушает! Да он бы и не сказал, вероятно конспирировал. Он обещал регулярно передавать нам сводки Совинформбюро.

Я сразу отнёсся к нему с доверием, понял, что свой. Так оно и оказалось. Это был один из подпольщиков, оставленных здесь местной партийной организацией.

Условились, что я буду посылать в указанное им место к определённому часу кого-нибудь из партизан и чтобы посланный имел на чём записать сводку, которую ему продиктуют там.

В тот же день боец, посланный в лес к этому учителю, принёс записанную на морозе, карандашом, не очень разборчиво, сводку Совинформбюро. Это было событие, которое и сейчас кажется вехой, отмечающей один из крупных поворотов на нашем пути.

Руднев начал читать сводку вслух, но все деды — я, Базима, Алексей Ильич — надели очки. Ладно, пусть он прочтёт, а потом мы сами будем читать. Каждому хотелось увидеть эти дорогие слова из Москвы собственными глазами. Я побоялся, что бумажку так захватают, что буквы совсем сотрутся, ничего не разберёшь, и велел переписать сводку. Переписывать стали все, кто только ни прибежал [43] в штаб, услышав, что там читают сводку Совинформбюро. Дождался наш народ весточки из Москвы!

В дальнейшем был установлен порядок: приносят из лесу сводку, сейчас же все, у кого хороший почерк, переписывают её и — в народ, в партизанские землянки, в окрестные сёла.

13 декабря боец, посланный в лес за сводкой, принёс сообщение Совинформбюро о разгроме немцев под Москвой. Вот это был праздник! Все бойцы и командиры тотчас засели за переписывание. В домах посёлка, в лесу, в землянках — все писали, карандашом, чернилами, у кого что было и на чём было — на листках из тетрадей, блокнотов, на страницах, вырванных из книг, на обрывках старых газет. Панин собирал и отправлял в сёла агитаторов.

Как раз в это время у нас окончательно оформилась и парторганизация отряда. Панин был выбран секретарём партбюро. По профессии он каменщик, его воспитала партия, когда в годы сталинских пятилеток он работал на стройках. Очень скромный человек. Ему всегда казалось, что он должен делать больше, чем он делает, и если я или Руднев заговаривали о том, кому бы поручить то или иное дело, всё равно какое — боевое, политическое или хозяйственное, — Панин убеждал, что это дело надо обязательно поручить ему, и мотивировка у него обычно такая была:

— Я свободнее всех.

На этом основании он даже выговорил себе право в качестве общественной «нагрузки» варить суп для товарищей, с которыми он жил вместе при штабе. Так как суп он варил отлично, против этого не стали возражать.

Парад в Дубовичах

Совсем по-другому стало в Хинельских лесах, когда узнал здесь народ о победе, одержанной Красной Армией под Москвой. Самые морозы начались, деревья трещат, выюги, а в лесу оживление.

Кто-то обнаружил под снегом несколько патронов и вспомнил, что осенью здесь дралась в окружении красноармейская часть. Десятки людей сейчас же вооружились лопатами, переворошили горы снега, и оказалось, что в Хинельских лесах целые россыпи патронов. На золотую жилу не так бы ринулся народ, как на эти россыпи, — патроны были для нас дороже золота. [44]

Партизанская колонна на марше

Много пота пролили в Хинельских лесах путивляне, пополняя свои иссякшие боезапасы. Километры проходили бойцы глубоким снегом с лопатами в руках, собирая в карман по одному патрону. За несколько дней целые гектары были расчищены от снега.

Отряд начал быстро расти. Прежний порядок приёма новых бойцов оказался уже непригоден, и мы больше уже не требовали от добровольцев письменных заявлений, зачисляли их по-армейски, приказом, целыми группами, хотя по-прежнему со строгим отбором. До того, как подписать приказ о зачислении новых бойцов, я беседовал с каждым из них и предупреждал: подумай, не будет ли тебе трудно у нас. Для того чтобы люди, вступающие в отряд, были готовы ко всему, я говорил им о таких трудностях, которых мы ещё не переносили, нарочно преувеличивал, рисовал довольно-таки страшную картину; некоторые говорили, что подумают, и уходили в другие отряды. Оставались орлы.

Обстановка подсказывала, что теперь надо создавать более крупную боевую единицу, способную не только совершать диверсии, очищать от полицаяв сёла в окрестности своих баз, но и громить войсковые гарнизоны противника, достаточно сильную, чтобы не только суметь отразить врага, но и вести бой на уничтожение его. В то же время не хотелось, чтобы отряд хоть сколько-нибудь потерял, в своей маневренности из-за того, что слишком разросся.

В Хинельских лесах мы были уже не одни. Возродился распавшийся было здесь Севский партизанский отряд, возникла партизанская группа из бывших военнослужащих, впоследствии отряд имени Ворошилова, появилась группа партизан Ямпольского района. Все эти отряды были «подняты» с помощью путивлян, и в случае необходимости мы, конечно, могли договориться с ними о действиях сообща.

Неподалеку, в Барановских лесах, базировался небольшой отряд партизан Эсманского района. Командир и комиссар этого отряда пришли к нам, предложили установить связь. Тут же мы разработали план первой совместной операции по разгрому эсманского гарнизона немцев, которая и была проведена в ночь на 25 декабря. Налёт оказался успешным. Были уничтожены комендатура, районная полиция, узел связи, истреблено десятка два немцев и предателей.

Партизаны обошлись без потерь. [45]

Всё это подсказывало, что партизанская тактика должна строиться на взаимопомощи отрядов. Мы приходили к мысли о необходимости объединения самостоятельных групп и отрядов, подчинив их одному штабу. Объединяя таким путём вокруг себя партизан соседних районов, Путивльский отряд мог, оставаясь сравнительно небольшим, быть легко маневренным, проводить крупные операции. Поэтому, если к нам приходило несколько партизан из одного района, из них создавалась новая боевая группа, а когда эта группа вырастала до размеров отряда, мы выделяли её как самостоятельную боевую единицу, связанную с Путивльским отрядом только оперативным подчинением ему. Так постепенно сложилось наше партизанское соединение, называвшееся сначала Путивльским объединённым отрядом, а потом Группой партизанских отрядов Сумской области.

* * *

После нашего ухода из Спадщанского леса немецкое командование в Путивле объявило, что партизаны уничтожены. Оккупанты осмелели, начали насаждать по всем сёлам полицейские гарнизоны, безудержно грабить население, зверски расправляться с непокорным народом. По особым спискам, составленным полицией, немцы забирали в колхозах людей, связывали их, бросали на машины и увозили куда-то на смерть. Мы решили, что надо напомнить о себе в Путивле.

28 декабря, оставив в Хинельских лесах «поднятые» нами партизанские группы, Путивльский отряд отправился в поход, чтобы, как говорилось в приказе, передислоцироваться в Путивльский район. По маршруту движения намечалось выйти в восточную часть района, граничащую с Курской областью, к Новослободскому лесу, где до соединения со мной базировался Руднев. Но так как в этом направлении у немцев оказались значительные силы, мы изменили маршрут, решили зайти в Путивльский район с другой стороны, западнее. Повернув на север, отряд сделал большую дугу, прошёл по краю Курской и Орловской областей и 10 января вступил в Путивльский район через Глуховский, по пути очистив от полиции с десяток сёл и уничтожив линии связи на шляхах Воронеж — Глухов, Глухов — Ярославец. Отряд расположился в селе Кагань на реке Клевень. Отсюда до Спадщанского леса было не больше 15 километров. Но теперь этот лес уже мало интересовал [46] нас. Всё изменилось: и размах наших

действий и наша тактика. Обосноваться здесь или где-нибудь в другом месте мы не собирались. Достаточно было того, что имелась, тыловая база — Хинельские леса, за ними ещё более глубокая база — Брянские леса, куда в случае нужды можно было на время уйти.

Прекрасным местом для зимовки в Путивльском районе представлялся нам Новослободский лес. Там над торфяным болотом на высокой круче стоял старинный Софроньевский монастырь, обнесённый каменной оградой. Базима, ходивший туда в разведку, встретил в бывшем монастыре, одного только лесника, никуда не выходившего из леса с тех пор, как пришли немцы. Соблазнительно было прожить эту на редкость морозную зиму в тёплых домах, окружённых, как крепость, стеной и, кроме того, лесом и болотом, Вряд ли немцы смогли бы нас выбить из этого каменного лесного гнезда. Но зимовать там значило обрекать себя на окружение, на оборонительные бои. Поговорили о монастыре и оставили мысль о нём. Зачем было отказываться от свободы манёвра?

На Клевень отряд вышел 11 января. Полиция из ближайших деревень бежала в большое село Воргол. Там собралось 35 полицейских и старост. На следующий, день я с группой партизан настиг здесь эту банду и разгромил. После этого мы начали проводить в сёлах собрания колхозников. 14 января я выступил перед колхозниками в селе Ховзовка. Здесь меня каждый знал: от этого села я был послан в 1939 г. депутатом в райсовет трудящихся. В тот же день я провёл митинг на хуторе Окоп, где у нас была днёвка, когда уходили из Спадщанского леса. 15 января Руднев созвал народ в селе Бруски. 16 января было проведено собрание в селе Бывалино. На всех этих собраниях стояли два вопроса: положение на фронте, сообщение о разгроме немцев под Москвой, и задачи колхозников оккупированных районов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Наше неожиданное возвращение в Путивльский район само по себе убеждало колхозников, что оккупанты не так уж сильны, как думали некоторые. Неделя прошла, прежде чем немцы решились высунуться из Путивля. Кроме полиции, опять стянутой со всех соседних районов для борьбы с вновь появившимися партизанами, как оповещено было в городе, немецкое командование выделило батальон с тремя орудиями. [47]

В ночь на 18 января наш отряд уже ушёл из Путивльского района, на другой день был за лесом Кочубейщина, под Глуховом. С 19 января мы маневрировали по Глуховскому району, громя мелкие группы противника. Подрывники выходили на железную дорогу Конотоп — Брянск, взорвали там два моста. В начале февраля отряд остановился в селе Новоселица, расположенном на поляне между лесными урочищами Кочубейщина и Марица, и опять начал действовать в сторону Путивля, — немецкий батальон, выделенный для борьбы с нами, был уже куда-то переброшен. Боевые группы отряда приближались к городу с северо-запада. Эта часть района была под нашим контролем почти весь февраль. 8 февраля отряд полиции, человек 50, приблизился к селу Зазирки. Из здешних колхозников была организована партизанская группа в 20 человек. Партизаны встретили полицаяв, подъезжавших к селу на подводах и верхом, ружейно-пулеметным огнём из засады. Остатки разгромленного здесь полицейского отряда бежали в Локню, за 10 километров, но на следующий день мы настигли их там и уничтожили.

14 февраля путивляне вновь появились в селе Воргол, откуда уже виден Спадщанский лес. В Старой Шарповке оказался взвод немцев. Я послал туда на нескольких санях группу партизан с пулемётами, и она преследовала отступавших немцев до самого города.

Всё это время, начиная с декабря, к нам чуть ли не ежедневно присоединялись десятки новых бойцов.

Есть, вернее, было, в Слоутских лесах небольшое село Гутка. Мы пробыли в этом селе всего несколько дней, но оно стало нам родным. Из мужчин остались тут тогда, кажется, одни только деды. Встретили они нас, как сыновей, и расхвастались сразу:

— А у нас, товарищи партизаны, тоже есть свои хлопцы.

Своими хлопцами на Украине при немцах называли партизан.

Спрашиваем:

— Где же они?

Шепчут на ухо:

— В лесу, недалече тут. Да мы зараз скличем тебе ихнего командира. Может чул — товарищ Кульбака?

На другой день после нашего прихода в Гутку был здесь небольшой бой. Подошёл отряд немцев, около ста человек. Партизаны рассыпались цепью по окраине деревни. [48] Завязалась перестрелка. Стою на крыльце. Вдруг вижу — из хат деда выскакивают. Из одной, другой, третьей. У кого берданка, у кого старая шомполка.

— Куда? — кричу.

Они бегут, руками машут, показывают в поле: немцы, мол, наступают, сейчас мы им жару дадим. Боевые деды, едва уговорили их, что не следует зря соваться под огонь, без них справимся. Бой закончился тем, что немцы, потеряв убитыми с десятков солдат и офицеров, отступили от Гутки.

После боя приводят к нам гутковские деды своего командира. Одет он по-граждански, но на пиджаке медаль «За отвагу», участник советско-финляндской войны 1939/40 г. Потолковали с ним. Это был работник Глуховского райпотребсоюза Пётр Леонтьевич Кульбака. И по разговору сразу видно — хозяйственный человек. Жаловался, что трудно, отряд маленький — всего 24 бойца, не высунешься далеко из леса. Говорит:

— Поддержку бы иметь, тогда совсем другое дело. Без поддержки, одни, что можем сделать? Трудно очень.

Предложили присоединиться к нам. Подумал, сказал, что это дело подходящее, посоветовался со своими людьми и дал согласие.

Из Гутки ушли вместе.

Пришлось нам потом ещё раз проходить через это село. Было уже лето или даже осень.

Подходим к нему: что такое, где Гутка? Местность как будто та же, а Гутки нет. Остались от села только угольки, да и угольков из бурьяна не видно. Спалили немцы Гутку дотла. Где деды? Оказалось, чуть ли не все заживо сгорели. Немцы никого не выпускали из горящих домов, держали под обстрелом все окна и двери. Много ещё пришлось нам видеть на родной Украине пустырей и пожарищ на месте уничтоженных немцами сёл, в которых были у нас днёвки, но Гутка особенно запомнилась. Когда проходили бурьяном, где зимой хаты стояли, кулаки сжимались: за всё, злодеи, расплатитесь! За всё отомстим!

* * *

1 февраля, когда мы стояли в селе Новоселица, из леса Кочубейщина к нам пришла группа партизан Шалыгинского района — 13 товарищей. И эта группа была присоединена к Путивльскому отряду так же, как и глуховская, как ещё раньше конотопская. Путивльский отряд стал называться Объединённым. В течение февраля в него влились ещё две небольшие партизанские группы — Кролевецкого и [49] Севского районов. Теперь Путивльский объединённый отряд, выросшей с декабря в несколько раз, насчитывал в своих рядах уже больше полтысячи бойцов.

Немецкое командование бросило на борьбу с нами регулярные части венгерской армии. В середине февраля мадяры начали выгружаться из эшелонов на ближайших железнодорожных станциях и концентрироваться в Путивле, Глухове и Кролевце. Противник опять пытался зажать нас в кольцо. Мы ничем не были связаны, имели полную свободу маневра, могли уйти в любом направлении, вернуться в Хинельские леса, но, чувствуя себя достаточно сильными, чтобы разгромить пытающегося окружить нас врага, решили принять бой.

Когда командир партизанской группы, Войцехович, вернувшись из разведки, прибежал ко мне и доложил, что мадяры уже в 15 километрах, что они расквартировываются по хуторам вокруг нашей стоянки, я сказал ему:

— Иди, сынок, отдыхай спокойно.

Это было вечером накануне дня Красной Армии. На этот день у нас был назначен парад в селе Дубовичи Глуховского района, народный смотр партизанских сил.

Чтобы ввести в заблуждение противника относительно численности отряда и его расположения, мы объявили, что в параде примут участие не все партизанские отряды, а только представители частей, входящих в наше соединение, и что приедут люди из далеких лесных урочищ.

Вокруг Дубовичей большие Слоутские леса. Партизаны прибывали на парад в разное время, с разных сторон лесными дорогами, пешие, на лыжах, верхом, на санях. Строгой нормы представительства, конечно, не было. На параде побывать хотелось всем, и большинство боевых групп выслало в качестве своих представителей всех свободных от нарядов бойцов. Так что, когда на улице Дубовичей выстроились стрелки, автоматчики, пулемётчики, миномётчики, лыжники и кавалеристы — «представители всех частей соединения», как мне доложено было

громогласно в рапорте с упоминанием о том, что «охрана обеспечена», у присутствующих на параде зрителей должно было создаться очень внушительное представление о партизанских силах.

Тысячи две колхозников и колхозниц приняли участие в нашем празднике, происходившем на улице при тридцатиградусном морозе, сначала под музыку партизанского оркестра, состоявшего из четырёх баянов и одной скрипки, а потом, когда у школы был установлен появившийся откуда-то [50] радиоприёмник, — под музыку, передававшуюся из Москвы.

В это время отряд мадьяр приближался к селу Тули голово, а от Тулиголово до Дубовичей лесом несколько километров. О том, что мадьяры недалеко, что может быть уже сегодня они будут здесь, знали все, и с утра колхозники, по всему видно было, не очень-то верили, что мы к параду готовимся, думали — к бою. А когда увидели, что верно — для парада строятся партизаны, а не для боя, — сразу на улице гуляние, хотя и лютый мороз. Услышали по радио музыку из Москвы — о мадьярах и думать забыли, в селе так стало, как будто советская власть и на день не уходила отсюда. Кто-то вдруг крикнул:

— Тише! Приказ товарища Сталина...

Как выразить, что значили для нашего народа, пришедшего, из леса в Дубовичи на праздник Красной Армии накануне боёв с наступающими мадьярами, донесшиеся из Москвы сталинские слова, сталинское приветствие нам: «Да здравствуют партизаны и партизанки!»

Многие ли знают, что есть на северной Сумщине, в Глуховском районе на Украине, такое село Дубовичи! А нам, когда мы слушали в Дубовичах голос московского диктора, передававшего приказ товарища Сталина, представлялись на карте советской земли только два пункта: Москва и Дубовичи. В Москве — товарищ Сталин, а в Дубовичах — мы, и товарищ Сталин обращается к нам по случаю нашего парада.

Весь советский народ празднует день Красной Армии, разгромившей врага под Москвой, и мы здесь, в лесах Сумщины, не забыты: товарищ Сталин обращается к нам, приветствует нас.

Красная Армия на фронтах и мы в тылу врага — одно неразрывное целое. Красная Армия наливается новыми силами, и наши силы растут вместе с ней. Сколько было нас, когда мы в декабре ночью вырвались из окружения и ушли из Спадшанского леса «в дальний путь на славные дела», как поётся в нашей партизанской песне, а сейчас сколько нас! Мы боролись с врагом маленькими группами, каждая сидела в своём лесу, у Путивля, у Глухова, Шалыгина, Кролевца, Конотопа, и думала: где же другие, что они делают, почему не дают знать о себе? Мы не видели друг друга, но всех нас, своих сыновей, видела наша мать — советская Родина, и она подала нам голос с «Большой земли», собрала нас здесь воедино, украинцев, русских, белоруссов! Красная Армия наступает, и мы, маленькая [51] частица её, здесь, в тылу врага, тоже берём инициативу в свои руки. Одна кровь у нас с Красной Армией, одна мать — Родина, один отец — товарищ Сталин.

Мы горячо отвечали нашему вождю на митинге, в котором вместе с партизанами участвовало всё население Дубовичей. После каждого выступления играл наш оркестр. Баянисты, чтобы не замёрзнуть, играли попеременно: двое на улице, двое в школе. А скрипач был один, ему всё время пришлось играть без смены.

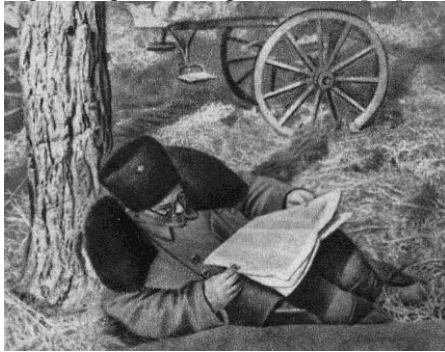
Бой в селе Веселом

Мадьяры подошли к Дубовичам на другой день с разных сторон двумя колоннами, каждая по численности приблизительно равная всему Путивльскому отряду. Но попав под пулемётный огонь наших застав, обе колонны быстро отступили. Вероятно, слухи о партизанском параде дошли до мадьяр, и окружённое лесом село показалось им ловушкой.

Чтобы вынудить мадьяр к бою, мы стали искать открытой позиции и остановили свой выбор на селе Весёлом Шалыгинского района.

Это село, расположенное между Шалыгиным и Путивлем, лежит в небольшой котловине, имея в центре маленькую высотку. Местность вокруг открытая, лес есть только к северу, в отдалении от села. Нас прельстили здесь хорошие условия ведения огня: мадьяры издали должны были наступать под обстрелом, глубокой снежной целиной. Но, будучи окружёнными в этом селе, мы уже не могли рассчитывать, что в случае чего найдём какую-нибудь лазейку, на которую можно

надеяться в лесу. Располагая большим численным превосходством, противник должен был вообразить, что на этот раз партизаны сами попали в ловушку. Мы это именно и имели в виду, когда решили дать мадьярам бой в Весёлом. Тут-то, думали мы, противник уже проявит упорство, его соблазнит возможность сразу покончить со всем нашим отрядом, запертым в котловине села, и он будет наступать, невзирая на тяжёлые потери, введёт в дело все свои резервы. Мы хотели перемолоть здесь как можно больше сил противника, показать мадьярам, с кем им придётся иметь дело, против кого их прислали бороться, заставить их испытывать ужас перед встречей с партизанами. [52]

Получена газета с «Большой земли»

Основным в нашем замысле была организация засады с сильными огневыми средствами в лесу у дороги из Шалыгино, откуда, судя по концентрации сил противника, надо было ожидать главного удара. Засада не должна была обнаруживать себя до решающего момента боя, её задача заключалась прежде всего в том, чтобы при подходе вражеских резервов уничтожить их кинжальным огнём во фланг. В засаду была послана конотопская группа Кочемазова с пулемётами и миномётами. Большое значение придавали мы также обороне хутора, стоявшего неподалеку от восточной окраины Весёлого. Из этого хутора был очень хороший обстрел подступов к селу. Здесь была поставлена группа Павловского, отчаянно храброго человека, партизанившего первые месяцы войны где-то в низовьях Днепра, а потом пробравшегося в наши районы и вступившего в Путивльский отряд перед боем у Весёлого.

Этот бой, который предстояло провести в условиях, отличающихся от фронтовых по существу только тем, что мы не имели соседей ни справа, ни слева, был для наших партизан первым серьёзным экзаменом на военную зрелость и прежде всего на стойкость. Руднев так и ставил вопрос перед всеми бойцами и командирами. В Дубовичах мы показали себя на параде как частица Красной Армии, созданная народом в тылу врага, а сейчас должны показать себя достойными этого в бою. Это была постоянная идея Семёна Васильевича, старавшегося внушить каждому бойцу, что на оккупированной немцами территории партизан — представитель Красной Армии.

Бой в Весёлом произошёл 28 февраля. В ночь перед этим мы слышали стрельбу, доносившуюся со стороны Шалыгино, и терялись в догадках: кто там с кем сражается? Оказалось, — это мы установили потом из дневника одного убитого мадьяра, — что венгерский батальон, двигавшийся к Весёлому, встретил у Шалыгино немцев, и так как после нашего парада и немцам и мадьярам всюду чудились партизаны, они со страху в темноте приняли друга друга за партизан. «Завязался бой. Ошибка выяснилась только к утру. В 8.00 пошли дальше на Весёлое, где много партизан», — писал автор этого дневника, венгерский офицер.

Противник стянул к Весёлому около полутора тысяч солдат с миномётами и 45-мм артиллерией. Наступление началось утром на южную окраину села, где три партизанские группы при поддержке резерва, расположенного на высоте в центре села, в течение двух часов отбивались от трехсот [53] мадьяр, в то время как остальные наши группы, находившиеся на противоположной, северной, окраине Весёлого, с минуты на минуту ожидали атаки главных сил противника, которые уже подходили со стороны Шалыгино.

В полдень против северной окраины Весёлого развернулся отряд мадьяр силой до 500 человек. Противник, наступая цепями, загибал свои фланги с целью полного окружения села. В бой вступили все наши группы, за исключением конотопской, сидевшей в засаде. Первой нашей потерей был Руднев, получивший тяжёлое ранение. На южной окраине он сам решил руководить огнём пулемётчиков, давал им направление ракетами, вылезая при этом, чтобы лучше видеть противника, на самые открытые места, под пули. В этом отношении с ним вечно беда была: в бою держал себя так, как будто он за всё один отвечает, где бы что ни произошло. Всегда приходилось бояться за него. Но тут уж ничего нельзя было поделать: имело большое значение, когда такой опытный военный, как Руднев, появлялся в бою среди вчера ещё штатских людей, это очень подбадривало их. Поэтому в трудный момент Руднев иногда и ходил под пулями во весь рост, хотя сам же учил бойцов зря не высовываться, сердился, когда люди кичились храбростью.

В этом бою рану он получил страшную: пуля попала в лицо, задела язык, пробила челюсть и вышла ниже уха. Когда Радик и ещё кто-то из бойцов несли его по селу с лицом, залитым кровью, думали, что мёртвый. Но он был в полном сознании, не выпускал из рук пистолета. Его положили в хате санчасти. Наш партизанский врач Маевская и фельдшер Бобина с трудом остановили кровь, бившую из раны фонтаном. Во время перевязки Семён Васильевич на несколько минут потерял сознание, Открыв глаза, он прежде всего стал искать рукой свой парабеллум. Увидел его и попросил положить поближе к себе. Видимо, боялся попасть живым в руки врага. Боль он терпел адскую: нёбо, челюсть, язык — всё разбито, говорить совершенно не мог, только кровь брызгала пузырьками изо рта, а он всё время пытался спросить, как идёт бой, очень волновался, не обнаружила ли себя раньше времени наша засада. Перед боем он сказал: «Ну, товарищи, драться так, чтобы песни потом петь про село Весёлое», а самому в хате пришлось лежать. От этого он мучился, пожалуй, больше, чем от боли. Народ партизанский, очень чуткий к своим боевым товарищам, понимал его состояние, и всем хотелось позаботиться, чтобы [54] комиссар их не волновался; при каждой возможности прибегали к нему, успокаивали, что всё в порядке, все держатся хорошо. До конца боя продолжалось это беспокойство за комиссара, и люди дрались так, как я ещё не видел.

Тяжелее всех положение было у Павловского, защищавшегося с 30 бойцами на хуторе, который мадьяры атаковали с особым ожесточением. Он был нужен мадьярам, чтобы сомкнуть кольцо вокруг Весёлого. Хутор горел, но Павловский и в огне отбивался. Будучи дважды ранен, он продолжал командовать своей группой.

В центре мадьяры шли тремя цепями, одна за другой, все на виду у нас. Некоторые проникли уже в село, стреляли из-под молотилок, стоявших где-то на задворках хаты, в которой помещалась санчасть, но их быстро перебили. Потом наши смельчаки лазили к этим молотилкам под пулеметным обстрелом противника, чтобы достать автоматы и патроны. Не выдержав огня, мадьяры вскоре залегли, рассыпавшись, как галки, по снежному скату перед селом. Нас за постройками, плетнями, садками не видно было, мадьярам приходилось стрелять по всей площади села, а мы били их на выбор.

Несмотря на огромные потери от огня, противник не отходил, он боялся выпустить нас из села Весёлого, ждал подкрепления. Мороз был такой же, как на параде в Дубовичах, — градусов в 30. Гитлеровцы, лежавшие на открытом скате, обдуваемом ледяным ветром, замерзали на наших глазах.

В 2 часа дня со стороны леса стала подтягиваться на санях новая группа мадьяр, тоже человек пятьсот. Залегшие было опять поднялись, и снова со всех сторон густой массой противник стал надвигаться на село. Но не успела вновь прибывшая группа мадьяр слезть с саней и развернуться, как из лесу ударили пулемёты и миномёты нашей засады.

Неожиданный для противника фланговый огонь конотоповцев расстроил центральную часть наступающих, и это решило исход боя. Всё произошло, как мы предполагали, когда обсуждали свой план с Рудневым и Базимой. Не думали мы только, что мадьяры примут нашу засаду за десант Красной Армии, выброшенный им в тыл с самолётов! Оказалось, что у них на этот счёт даже сомнений не было. «Когда батальоны стали отходить от Весёлого, русские самолёты высадили в тылу у нас десант», — писал в своём дневнике тот самый венгерский офицер, что со своим батальоном [55] по пути в Весёлое ночью с перепугу сражался с немцами.

— Это всё после парада в Дубовичах! — смеялись наши бойцы, страшно гордые тем, что противник принял их за красноармейский десант.

Партизанская столица

Мадыяры откатились от Весёлого, потеряв здесь несколько сот человек убитыми и замерзшими. Мы потеряли десять товарищей. Похоронив их, отряд опять двинулся на север, в направлении своей тыловой базы, в Хинельские леса. Шли, не торопясь, так как везли на санях раненых, останавливались на днёвки в сёлах, где проводили по обыкновению собрания. По пути слышали доносившиеся со стороны Весёлого разрывы авиабомб. Там продолжался переполох: немецкая авиация, вызванная, вероятно, паническими радиограммами мадьяр о советских десантах, бомбила мадьяр же.

Неподалеку от Весёлого на одном хуторе скрывались от немцев жена и семилетний сынишка Руднева. При виде Семёна Васильевича, молча лежавшего под овчиной на санях, рядом с которыми шагал неразлучный с отцом Радик, нельзя было не подумать, как он, вероятно, беспокоится сейчас за судьбу своей семьи, как он обрадовался бы, увидев её.

Не помню уже, кто первый предложил послать за семьёй Руднева несколько верховых бойцов. Сейчас кажется, что эта мысль возникла сразу у всех. В качестве проводника с группой конных отправился Радик. Они заскочили в село ночью, взяли на седло жену и ребёнка, захватили кое-что из одежды, самое необходимое, и к утру вся семья комиссара была уже в сборе.

Это была большая радость для всех путивлян. Огорчало только наш народ, что Семён Васильевич очень мучится от раны, ослабел сильно. Он не мог ничего есть, молоком одним питался и то с трудом пил его. Бойцы опасались, что наши медработники, девушки, недостаточно опытные, чтобы оказать ему нужную помощь, и на каждой дневке в сёлах расспрашивали население о врачах — нет ли поблизости хорошего хирурга. Кто-то где-то сказал, что есть замечательный хирург, местная знаменитость, в Хуторе Михайловском. Это большая станция, там стоял немецкий гарнизон, полно было полиции. Но так всем хотелось, чтобы [56] Семён Васильевич скорее встал на ноги, чтобы жена не убивалась, глядя на него, что сейчас же нашлись смельчаки, решившие во что бы то ни стало выкрасть этого хирурга у немцев. И выкрали. Приехали в Хутор Михайловский ночью на санях, явились к нему, сказали, что от советской власти даётся ему важное задание, попросили скорее одеваться и потеплее, так как дорога дальняя, и увезли в лес, по пути уничтожив из автоматов немецкий патруль.

Осмотрев Руднева, хирург успокоил бойцов, сказав, что опасности нет, что наши девушки-медработники лечат его правильно и он скоро будет здоров. В благодарность за это он в ту же ночь был доставлен обратно в Хутор Михайловский прямо на свою квартиру.

Руднев действительно оправился от тяжелого ранения очень быстро. Спустя несколько недель он уже опять молодцом выглядел. Но голос у него возвращался медленно, первое время Семён Васильевич мог говорить только шопотом.

В Хинельские леса мы вернулись в десятых числах марта. Как изменилась здесь обстановка с декабря, когда мы в первый раз пришли в Хинельские леса из-под Путивля! Была дикая глушь, люди жили в лесу, как барсуки в своих норах, боясь выглядывать на свет, а сейчас — большой шумный партизанский лагерь, вокруг — целый советский район.

Небольшие партизанские группы, «поднятые» нами в декабре, к нашему возвращению выросли в крупные отряды, насчитывавшие по несколько сот бойцов. Тут действовали Эсманский, Севский, Хомутовский, Ямпольский отряды и два отряда имени Ворошилова. Они имели 45-мм артиллерию. Командиры их съезжались на совещания, подготавливали совместные операции, поддерживали связь с орловскими партизанами, базировавшимися в южной зоне Брянских лесов.

Немецкое командование, чтобы не допустить соединения украинских партизан с русскими и закрыть нам путь в Брянские леса, расставило сильные заслоны по сёлам севернее Хутора Михайловского. После этого началось прочёсывание Хинельских лесов венгерскими войсками. Наступление противника не застало нас врасплох. Отряды успели заблаговременно занять участки обороны. 20 марта два батальона мадьяр четыре раза бросались в атаку на нашу оборону и каждый раз, понеся потери, быстро откатывались назад. Ночью захваченные нами пленные показали, [57] что противник подтягивает крупные силы, артиллерию, миномёты, что в каждый батальон мадьяр влило по сто немцев, которым приказано идти позади мадьярских

цепей и расстреливать бегущих назад. Узнав об этом, я решил линию обороны перенести дальше в лес, а на том месте, где мы оборонялись сегодня, оставить только небольшие заслоны, приказав им при появлении противника бежать в лес. Так всё и было сделано. Утром противник начал наступление тремя цепями. Позади шли немцы. При преследовании притворно бегущих партизан задние цепи влились в переднюю цепь и вместе с нею попали под шквальный огонь с дистанции в 50–60 метров. Оставив в лесу около двухсот трупов, мадьяры и гнавшие их в бой немцы бежали назад с одинаковым проворством.

Днём над Хинельскими лесами появилась немецкая бомбардировочная авиация. Противник опять начал наступление. Ударом во фланг мы отразили ещё одну атаку, после чего решено было прорываться в Брянские леса. Так как все дороги были перехвачены немецкими заставами, мы двинулись снежной целиной. Для прокладывания пути в голову колонны было выделено несколько саней, запряженных самыми сильными конями. За ночь линия вражеских застав была обойдена, утром мы были уже в тылу немцев, приближались к опушке Брянских лесов.

Там на большой лесной поляне есть село Старая Гута. Где бы потом путивляне ни бывали, всюду они вспоминали это село с каким-то особенно тёплым чувством; партизанская столица — так называли Старую Гуту её жители. Народ здесь был исключительно смелый, ничего не боялся, жил, как при советской власти, немцев ни во что не ставил. Старогутовцы прямо сказали нам, как только мы пришли к ним:

— Одна у нас с вами судьба, товарищи партизаны, бояться нам нечего, в случае чего — в лес уйдём, народ мы лесной.

Леса здесь огромные, не то, что на Сумщине, их не окружишь, как Спадщанский лес окружили немцы. К северу от Старой Гуты они тянутся за Брянск, десятки километров можно пройти ими, не видя просвета, а за тем краем — фронт, «Большая земля», Москва. Ближе к «Большой земле», и народ чувствовал себя увереннее.

В Старой Гуте мы получили долгожданную рацию. 9 апреля сбросили, здесь с самолёта на парашютах трёх радистов с походной радиостанцией. [58]

— Москва прилетела в Старую Гуту, — говорили жители и были очень горды: значит знают в Москве, что есть в Брянских лесах такое село — Старая Гута и что там стоят партизаны.

В Старой Гуте сводки Совинформбюро уже не переписывались от руки, а печатались на типографском станке, захваченном при разгроме одного из гарнизонов противника. Панин организовал в этом селе настоящую типографию, ежедневно выпускавшую листовки. Была тут организована также оружейная мастерская, даже портняжная, перешивавшая трофейное обмундирование на красноармейский лад. Действительно — настоящая партизанская столица. Здесь мы впервые встретились с представителями брянских партизан, договорились с ними о созыве совещания всех командиров и комиссаров отрядов, действовавших в Брянских лесах. Мы хотели обменяться опытом.

Ясно было, что борьба предстоит упорная и долгая, что мы всерьёз должны стать военными людьми, что надо как следует учиться воевать.

Сначала основным для нас было изучение оружия. На вооружение отряда поступало то, что захватывали у противника, а это было оружие самых разнообразных систем, зачастую никому из нас не известных. Каких только винтовок, пулемётов, автоматов, пистолетов немцы ни собирали по всей Европе, а нам приходилось всё это оружие изучать и, конечно, без всяких наставлений, руководств. Ещё в Спадщанском лесу вопрос об изучении оружия был у нас поставлен так: у тебя пока только винтовка, но ты должен добыть себе в бою автомат или пулемёт и сразу же обратить это трофейное оружие против врага, — значит изволь предварительно изучить его. Каким образом? А вот у твоего товарища трофейный автомат — он научит тебя владеть этим оружием. Появился в отряде новый пулемёт — изучайте его все. Захватили миномёт — каждый готовься быть миномётчиком.

Новое трофейное оружие сперва изучали несколько человек, а потом каждый из них в свою очередь обучал группу бойцов. Вначале у нас было всего четверо или пятеро знавших минное дело, прошедших курсы минёров, организованных для партизан обкомом партии, а вскоре уже любой боец сам мог обучать этому делу новых людей, приходивших в отряд. Точно так же все стали автоматчиками ещё тогда, когда на весь отряд было не больше десятка трофейных автоматов. [59]

Свободного времени для учёбы не было — совмещали её с выполнением боевых заданий, несением караульной службы. Назначаются на пост или в секрет три бойца, автоматчик и два

стрелка — один стрелок ведёт наблюдение, а другой, резервный, рядом где-нибудь в кустах сидит с автоматчиком и изучает с его помощью автомат.

Пройдёшь иной раз по землянкам, постам, заставам, и кажется, не партизанский отряд в лесу стоит, а осоавиахимовцы здесь учебным лагерем расположились: всюду, где вокруг пенька, где просто под деревом группами занимается народ сборкой и разборкой оружия, изучением взаимодействия частей пулемётов, автоматов. Молодежь быстрее схватывала, и не только городская, но и сельские хлопцы, привыкшие в колхозах к технике. Смотришь, какой-нибудь связист или разведчик, вроде Коли Шубина, объясняет, показывает, а усахи и бородачи внимают ему.

В Брянских лесах Руднев, оправившийся уже после ранения, установил обычай производить разбор каждой проведенной нами боевой операции. Возле штаба собирались все командиры, приходили и рядовые бойцы — никому это не запрещалось. Я, комиссар или начальник штаба начинали с того, что вызывали какого-нибудь командира. «Ты имел задачу выйти со своей группой к такому-то пункту, — говорили мы, — а вышел куда? Почему не точно выполнил приказ?» Он оправдывался, объяснял, например, опоздание тем, что ночь была очень тёмная и группа потеряла ориентировку. Тут вот и начинается разбор: а почему вы потеряли ориентировку, когда все другие группы вышли точно к назначенным пунктам?

Рудневу и Базиме очень пригодился их опыт осоавиахимовской работы. По сути дела они её продолжали и отчасти даже с теми же людьми, приспособляя прежний учебный опыт к партизанским условиям. Вообще в партизанской борьбе нам очень многое пригодилось из того, что дала нам советская жизнь, наша партия, чему приучила прежняя работа в мирных условиях. Вспоминаю партизан гражданской войны. Тогда говорили: вот это бывший солдат, фронтовик, его командиром, конечно, надо назначить. Я сам так вот стал тогда командиром. А теперь у нас оказалось много штатских, которые могли командовать. Армейские привычки обнаружились даже у тех, которые никогда не служили в армии. Если товарищ был хорошим председателем колхоза, сельсовета или бригадиром, он быстро вырастал в хорошего партизанского командира, как бывшие [60] трактористы-колхозники в Спадщанском лесу за несколько дней становились у нас танкистами. Существовавшее вначале разделение бойцов на «военных» и «невоенных» быстро исчезло. К тому времени, когда мы расположились у Старой Гуты, все путивляне стали военными. Это и на внешнем виде сказалось.

Руднев и Базима — до чего они разные по характеру люди: об одном говорили «орёл», а о другом — «душа-человек». Бывало, посмотришь на Семёна Васильевича — ну, прямо только что из города человек приехал, а посмотришь на Григория Яковлевича и подумать можно: а этот наверное никогда из лесу не выходил, оброс как — ужас! И вдруг вижу, Григорий Яковлевич щёки начал подбривать, появилось у него что-то вроде бородки. У меня самого в Спадщанском лесу лицо так заросло, что люди пугались. Прошло это время. Теперь не побреешься пару дней, и кто-нибудь, намыливая у пенька товарища, уже приглашает: — Товарищ командир, не хотите побриться?

Потрогаешь щёки:

— Что ж, побрей.

С мылом очень трудно было, но для бритья у каждого имелся обмылочек. Большой ценностью считался, на него можно было трофейные часы променять.

* * *

В апреле я побывал на партизанском совещании в селе Красная Слобода, в штабе партизанского соединения Сабурова. Это село, расположенное в глубине Брянских лесов, представляло собой в то время такую же партизанскую столицу, какой была наша Старая Гута. В большом доме, занятом штабом Сабурова, собралось несколько десятков командиров и комиссаров партизанских отрядов, съехавшихся с разных сторон Брянских лесов. Мы поделились друг с другом опытом борьбы. Меня подробно расспрашивали о нашем зимнем походе по северным районам Сумщины. Видно было, что маневренные действия Путивльского объединённого отряда всех очень заинтересовали.

Совещание в Красной Слободе ещё больше сплотило нас, украинцев, с орловскими партизанами. Был создан объединённый штаб партизан Брянских лесов. После этого против немцев и мадьяр, блокировавших Брянские леса, начались активные операции всех партизанских отрядов, действовавших от Новгород-Северского до Суземки. Образовался [61] почти сплошной партизанский фронт протяжением приблизительно в 150 километров.

Наши отряды громили вражеские гарнизоны в сёлах Середина-Будского района, не допуская создания противником заградительной зоны между Брянскими и Хинельскими лесами. Середина-Будский район был для нас воротами из Брянских лесов на родную Украину. За эти ворота мы вели ожесточённую борьбу с конца марта до начала мая и не позволили врагу закрыть их. Основными опорными пунктами противника были здесь сёла Жихов, Пигаревка, Чернатское и Середина Буда, расположенные приблизительно на одной линии, с запада на восток, километров в восьми друг от друга. Местность вокруг них открытая, леса в этом районе лежат только островками, так что ни к одному из этих сёл нельзя было подойти лесом. Для скрытности подхода, внезапности удара мы использовали тёмные ночи. Боевые группы выходили из леса с наступлением темноты и наносили удар по противнику в середине ночи. В селе Жихов стоял гарнизоном 3-й батальон 51-го венгерского полка. Операция против него была проведена совместно с Хомутовским отрядом. Это было наше первое наступление. Тут мы действовали уже с артиллерией. В 3 часа ночи с расстояния в несколько сот метров от села был открыт огонь из 45-мм пушек и миномётов. Разведчик Саша Стариков пробрался с ротным миномётом в самое село. Выпустит мину, отбежит в сторону, даст очередь из автомата, перетащит миномёт на другое место и опять выпустит мину. Разбуженные стрельбой мадьяры выскакивали из хат, не обувшись, не одевшись, и, как ошалелые, кидались из стороны в сторону. Все пути отступления были перехвачены партизанами. Бегущих из села мадьяр встретил ружейно-пулемётный огонь с дистанции в 100–150 метров. Противник потерял здесь только убитыми 197 человек, из них 14 офицеров. А сколько мы выловили потом мадьяр, бегавших по лесу в одном белье!

Вслед за уничтожением жиховского гарнизона противника последовали такие же ночные удары по опорным пунктам немцев в сёлах Чернатское и Пигаревка.

В результате этих боёв немецкое командование вынуждено было признать, что мадьярские солдаты «потеряли чувство полноценности», как выражался автор одного перехваченного нами документа — инструкции № 555 по 108-й венгерской пехотной дивизии. Для поднятия упавшего духа солдат инструкция предлагала следующий метод: «В первую [62] очередь нужно перед солдатами ставить такую задачу, которая наверняка будет иметь успех, например: перед нашей линией обороны находятся группы домов или часть леса, где наверняка нет противника. Мы ставим солдатам задачу осмотреть этот лес или эти дома».

Эта инструкция составлена 20 сентября 1942 года, но предлагавшийся в ней метод фактически применялся гораздо раньше.

Мы простояли в Старой Гуте около двух месяцев. Противник не раз бомбил нас с воздуха, но наступать на партизанскую столицу не решался. Однажды он, правда, попытался напасть на наши заставы, которые стояли в сёлах и хуторах на опушке леса и защищали подступы к Старой Гуте. Противник подкрался к партизанским заставам в селе Большая Березка и в хуторе Васильев под прикрытием насильно согнанного из колхозов народа. Гитлеровские бандиты под угрозой расстрела гнали впереди себя женщин и детей. Притаившись за хатами, партизаны пропустили крестьян, дали им знак молча идти дальше и огнём с короткой дистанции срезали мадьярские цепи. Это надолго отбило у мадьяр охоту приближаться к партизанской столице. Только после нашего выхода из Брянских лесов в новый поход на Сумщину противник осмелился подойти к опустевшей Старой Гуте.

Возвращение в Путивль

Из Брянских лесов мы вышли в поход, чтобы парализовать движение на железнодорожной магистрали Конотоп — Ворожба — Курск и на параллельных ей шоссейных дорогах на Рыльск. Эти коммуникации приобретали важное значение в связи с начавшейся подготовкой немцев к наступлению на Воронежском направлении. Теперь наши удары нацеливались командованием Красной Армии, с которым мы установили в Брянских лесах прочную связь. Опять мы шли в Путивльский район. Для выполнения плана намеченных диверсий решено было обосноваться в Спадщанском лесу и окружающих его сёлах. В приказе точно были указаны пункты нашей будущей дислокации.

К этому времени Путивльский отряд уже превратился в соединение, насчитывавшее около 750 бойцов. Глуховская, шалыгинская, конотопская и кролевецкая группы выделились из его состава как самостоятельные отряды, с оперативным [63] подчинением объединённому штабу, которым оставался штаб Путивльского отряда.

После ожесточённых боёв в апреле система обороны противника в Середина-Будском районе была нарушена, и выход из Брянских лесов не представлял для нас трудности. На нашем пути был только один мадыарский гарнизон в селе Каменка. Это село находится в нескольких километрах от Хутора Михайловского, где у немцев были крупные силы. Вступать в бой здесь не представляло смысла. Надо было проскользнуть мимо Каменки незаметно. При подходе к ней я послал нескольких разведчиков, приказав им подойти к селу со стороны, противоположной нашему движению, и обстрелять противника. Это было ночью 16 мая. Обстрелянные нашими разведчиками мадыары прибегли к своему обычному способу «освещения» местности при ночных налётах партизан — подожгли дома на окраинах. Из Хутора Михайловского сейчас же выслан был на помощь мадыарам отряд немцев. Так как немцы подошли с той стороны, откуда незадолго до этого стреляли наши разведчики, мадыары приняли их за партизан и открыли огонь. Немцы, решив, что село уже занято партизанами, начали наступать на него. Завязался очередной ночной бой между немцами и мадыарами. Пока они разобрались, что колотят друг друга, партизанское соединение со всем своим обозом спокойно прошло мимо Каменки на юг.

Мы шли к Путивлю прямой дорогой через Хинельские и Слоутские леса, через сёла, в которых уже бывали зимой несколько раз. В пути нас обстреливали издалека полицейские отряды, но они быстро рассеивались выбрасывавшимися вперёд партизанскими группами. Движение отрядов не приостанавливалось. Только на днёвке в Хинельских лесах пришлось вступить в бой с пытавшимся атаковать нас батальоном противника. Потеряв 50 человек убитыми, этот батальон разбежался по лесу.

Весь марш, включая дневки, продолжался десять дней. 24 мая, взорвав по пути железнодорожный мост на перегоне Ямполь — Маков и гужевой мост на дороге Глухов — Маков, партизанское соединение вышло в Путивльский район и остановилось в лесу Марица, рядом с урочищем Вишнёвые горы. Там есть высотка, курган, где незадолго до войны Базима со своими учениками производил раскопки в поисках старинного оружия и утвари. Этот самый курган, господствующий над низиной Клевени, стал моим командным пунктом. [64]

Во всех сёлах по ту сторону реки — Старой Шарповке, Яцыне, Черепове, Стрельниках — стояли заслонами прикрывавшие Путивль мадыарские и полицейские гарнизоны. В Спадщанском лесу работали две роты немцев — заготавливали лесоматериал. С командного пункта видно было всё наше родное, такое знакомое: сёла, лес, ветряки, дороги, по которым сновали немецкие машины, на горизонте колокольни старинных путивльских церквей. Странное было чувство на душе, когда вокруг меня на командном пункте собрались кучкой путивляне, вместе со мной ушедшие из города в лес осенью прошлого года. Бинокли держим в руках, но никто не смотрит в бинокль, никому он не нужен. Внизу под нами, в сёлах за болотистой низиной Клевени, — противник, с ним ночью предстоит бой, но народ смотрит не сюда, а дальше через голову противника, туда, где над поймой Сейма темнеет Путивль. То, что хочется увидеть, в бинокль всё равно не увидишь. Не о домиках и садах своих думал наш народ, а о всей своей жизни. Весь город был нашим домом. Какой бы уголок ни вспомнил — вспомнишь свои заботы, свои дела. Одни колокольни торчат на горизонте, а ты видишь всё, как будто по улице идёшь: вот райпартком, возле него запыленная машина, кто-то из области приехал, не вызовут ли сегодня на бюро; вот большое здание райисполкома, у подъезда несколько бричек, на втором этаже все окна настежь, кто-то на подоконнике сидит спиной к улице — должно быть совещание в кабинете у председателя; а вот горсовет, у дверей толпа женщин — меня, конечно, ждут. Вспоминаешь и думаешь: когда это было, сколько времени прошло с тех пор? И все, знаю, то же самое думают, одни у нас, у всех путивлян, были тогда мысли: мы, хозяева города, стоим на лесном кургане и смотрим на свой город, как будто сон видим.

Я, Руднев, Базима, Панин, Корнев — на командном пункте, а рядом в лесу сотни людей, и у всех одни мысли. Сотни глаз из-за деревьев смотрят вверх лежащих у Клевени сёл, как будто нет им никакого дела до противника. Кто-то влез на ветвистый старый дуб и смотрит туда же.

Что он видит на горизонте? Едва заметную зубчатую полоску, а у него, наверное, вся жизнь перед глазами.

Магьярские гарнизоны, прикрывавшие Путивль со стороны Брянских лесов, были расставлены по фронту в двадцать [65] километров. Мы предприняли наступление сразу по всему этому фронту четырьмя группами.

Это было ночью, шёл дождь, ничего не было видно. В Стрельниках магьяры слышат вдруг, что в Вязенке стрельба поднялась, выскакивают из хат, бегут на восточную окраину, устанавливают пулемёты в направлении Вязенки, а партизаны уже у них в селе, перешли через мост, бесшумно сняв часовых. И с другой стороны, из Яцыно, уже доносится стрельба. Магьярский гарнизон в Яцыно, внезапно атакованный из-за Клевени, отходит, отстреливаясь, к Старой Шарповке, а там тоже бой. К утру все сёла были очищены от противника, только в Старой Шарповке магьяры ещё сопротивлялись, пока одна наша группа, проникшая ночью, обойдя село, в Спадщанский лес, не ударила оттуда в тыл им.

370 трупов солдат и офицеров оставили магьяры в сёлах на Клевени при бегстве оттуда. В этих сёлах стояла какая-то велосипедная часть. Мы нашли здесь множество велосипедов, разбросанных по всем улицам и дворам.

Наша задача состояла в том, чтобы очистить от противника пункты намеченной дислокации отряда; занятие Путивля не предполагалось, думали — когда-то увидим родной город, а оказалось, что все дороги к нему свободны, как будто бурей смело все заставы противника.

Когда в Путивль начали сбегаться с Клевени остатки разгромленных здесь ночью гарнизонов, полиция и старосты со всей северной части района, солдаты, работавшие в Спадщанском лесу на заготовке лесоматериалов, в городе среди немцев поднялась невероятная паника. Немцы должно быть вообразили, что на них идёт целая армия партизан, что все Брянские леса двинулись к Путивлю. К вечеру в городе не осталось уже ни одного оккупанта: все их учреждения опустели, всё начальство, солдаты, полиция — кто на машинах, кто на лошадях, кто пешком — бежали за Сейм. Некоторые в панике переправлялись через Сейм вплавь и прибежали в Бурын голышом. Мы нашли потом на берегу много обмундирования. Среди него мундир немецкого майора с десятком орденов.

На другой день немецкая авиация уже бомбила Путивль, хотя там была только наша разведка, заскочившая в город на трофейных велосипедах. Узнав о том, что произошло в Путивле, мы решили занять город, чтобы вывезти из него оставленные немцами склады. [66]

Боевые группы вступили в Путивль ночью 27 мая. Штаб расположился в помещении райпарткома. На окраинах города были выставлены заставы, на улицах начали курсировать партизанские патрули, пешие и конные. С утра приступили к вывозке складов, на которых оказалось много награбленного немцами по сёлам масла, яиц, табака, соли, зерна. Часть этих продуктов мы роздали голодающему населению города.

В мыслях всё время родной город был перед глазами, а когда я прошёлся по нему, каким-то чужим показался. До войны, если перед кем-нибудь из нас, путивлян, поднимался вопрос о переводе на работу в другое место, прежде всего начинались разговоры о том, что красивее Путивля нет города. Мы думали, что нас привлекает к родному городу его природа, красивое месторасположение. Этим мы особенно хвалились перед приезжавшими к нам на лето дачниками. Но вот город по виду такой же, те же прямые широкие улицы, все в зелени, те же дома, сады, так же пышно цветёт сирень в Городке, как всегда в это время, и вид отсюда на Сейм, на его пойму такой же, как обычно весной, а всё-таки как будто что-то не то.

На сквере нет памятника Ленину, один пьедестал остался. И город кажется таким же пустым, как этот пьедестал, хотя народ по улицам ходит, из окон, из калиток выглядывают люди.

Зашёл по пути в музей. Оказалось, что музей и при немцах открыт, но в залах его остались одни только чучела птиц, скелеты разные и куски минералов. Наиболее ценные исторические экспонаты, все экспонаты, относящиеся к советскому периоду истории, всё самое дорогое, связанное с нашей жизнью, с нашей работой в городе, посетителю музея удалось скрыть от немцев, спрятать в подвале, на чердаке, в церкви за иконостасом. По существу то же самое во всём городе произошло: дома, улицы, природа — всё это на своих местах осталось, а жизнь спрятана куда-то, всё дорогое, советское, где-то бережётся людьми. Оттого и пусто показалось нам здесь.

Приходит в штаб пожилой интеллигентный человек, шепчет на ухо так, что трудно понять его. Прошу говорить громко — не может, оглядывается, боится чего-то. Партизаны освободили его

из тюрьмы вместе со всеми заключёнными: он просидел у немцев в тюрьме несколько недель. Каждый день он видел в окно, как выносили из сарая лопаты, клали их на телеги, покрывали сеном и увозили со [67] двора, а потом на дворе начинали готовить верёвки, которыми связывали заключённых, когда вывозили из тюрьмы на расстрел. Вывозили небольшими партиями, сколько на одну машину погрузить могли. Отвезут за город ко рву и возвращаются за новой партией, и так иной раз целый день. Целый день, пока не вернётся во двор телега с лопатами, человек ждёт своей очереди, вся тюрьма ждёт. К концу дня у людей в глазах уже темно, всё расплывается и руки, как тряпки, висят. Но если сегодня очередь не дошла, то завтра ведь опять то же самое начнётся, опять с утра смотри в окно — не начинают ли выносить из сарая лопаты. Так несколько недель. И всё-таки этот человек выдержал, сберёг в себе советское зернышко.

Хотели мы собрать всех горожан, поговорить с ними, приободрить людей, как это делали в каждом селе, но не успели. Только закончили вывозку немецких складов в Спадщанский лес, отправили туда три воза с оружием и боеприпасами, как в Путивль ворвалась колонна немецких танков.

Вести бой в городе мы не намеревались. Когда танки подошли к базару, партизаны отдельными группами начали садами выходить из Путивля в разных направлениях. К вечеру все собрались в Спадщанском лесу. Вместе с нами из города ушло в лес много новых бойцов.

* * *

Лагери объединённых отрядов растянулись на большом пространстве по обоим берегам Клевени в стыке Путивльского, Конотопского, Кролевецкого, Глуховского и Шалыгинского районов. Путивльский отряд расположился в Спадщанском лесу, Конотопский — в лесу Займа, Глуховский — в лесу Довжик, Шалыгинский — в лесу Марица, Кролевецкий занимал село Литвиновичи. Каждый отряд был обращён лицом к своему району, к сёлам, из которых вышли его бойцы, где у многих из них были десятки родственников и знакомых — партизанских помощников. Благодаря этому наше влияние распространилось далеко за пределы партизанского лагеря. Уже в июне почти вся часть Сумской области, лежащая к северу от Сейма, была под контролем партизанского соединения. Немецкие гарнизоны оставались только в районных центрах, где они фактически были блокированы, занимали круговую оборону. Партизанские группы свободно передвигались по всем районам, наши агитаторы проникали в сёла, отстоявшие на десятки километров от расположения [68] отрядов. Все большаки, проходившие через северную Сумщину в сторону фронта, из Конотопа на Путивль, из Путивля на Рылск, из Кролевца и Шостки на Глухов, Крупец, были закрыты для немецкого автотранспорта. Партизанские группы подрывников выходили из Спадщанского леса поймой Сейма на железную дорогу Конотоп — Ворожба. В июне здесь были пущены под откос один за другим три воинских эшелона. Движение на этой железнодорожной магистрали прекратилось на восемь дней.

Немцы, вернувшись в Путивль, первое время все свои усилия направляли против Спадщанского леса, в северо-западном углу которого, у речки Звань, одного из рукавов Клевени, под прикрытием Путивльского отряда располагался наш объединённый штаб. Несколько шалашей, покрытых зелёными ветками, среди молодого дуба, вяза и орешника, походная радиостанция, связывающая этот уголок леса с «Большой землей», крошечный столик, за которым в ясные дни Базима работал на лужайке под ветвистым деревом, — вот и весь наш штаб, управлявший боевой деятельностью пяти отрядов и по существу являвшийся советским центром значительной части Сумской области.

Стремясь разгромить партизанский штаб, немцы предпринимали одну операцию за другой с участием танков и артиллерии. 28 мая в лес ворвалось 8 танков, 4 броневики и пехота, прибывшая на 30 автомашинах. Двум немецким танкам и сопровождавшей их пехоте удалось дойти до того места, где стоял домик лесника, сгоревший ещё осенью. Потеряв около тридцати человек, немцы не решились идти дальше. На следующий день они опять проникли в глубь леса, но после того как два танка подорвались на минах и партизанами было убито около полусотни солдат, повернули назад.

4 июня новое наступление немцы начали артподготовкой из двух батарей 122-мм пушек, тщетно пытаясь нащупать расположение штаба. На этот раз десяток танков и сопровождавшие их автоматчики вошли в лес с севера, со стороны Старой Шарповки. Танки, наткнувшись на болото, вскоре принуждены были повернуть назад, но автоматчики продолжали углубляться в

лес в направлении штаба. Танки, остановившись перед Старой Шарповкой, поддерживали их орудийным огнём. Противник стремился отрезать штаб и боевые группы путивлян от остальных отрядов, расположенных за Клевенью, однако в решительный [69] момент, очевидно, испугался, как бы эти отряды не ударили ему в тыл, и отступил к Путивлю.

После этого в Спадщанском лесу стало тихо. На берегу реки Звань у партизанского штаба появились даже рыболовы с удочками. Первым, кажется, открыл здесь рыбалку сын комиссара Радик, за ним вооружилась удочками вся компания наших боевых подростков.

К этому времени в отряде было уже много подростков, таких, как Радик Руднев, Коля Шубин. Дружная это была компания. Мы, старые путивляне, относились к ним как к своим внукам. И они нас дедами называли. Все — земляки, из соседних сёл; один другого тянул. И в отряде все они держались вместе, своей кучкой. Они у нас служили разведчиками и связными.

Замечательные хлопцы. Придумают что-нибудь такое, что потом ахнешь. Бывало, вернётся такой из разведки — сразу вижу, что фокус какой-нибудь выкинул, глаза у него так и горят. Были у нас два Лёни, очень похожие друг на друга шестнадцатилетние комсомольцы Чечёткин и Забелин. В одном ночном бою наши трофейные пулемёты остались без патронов. Вдруг возле пулемётчиков, как из-под земли, появляется один из этих Лёней — Чечёткин, ведёт на поводку вьючную лошадь.

— Вот вам патроны!

Откуда? Оказывается, прямо от немцев. Воспользовался тёмной ночью, пробрался каким-то способом через цепи немцев в занятое ими село, увидел стоявшую у изгороди вьючную лошадь с двумя ящиками патронов, взял её за повод и преспокойно отправился с ней обратно через цепи противника к своим.

За старшего в этой компании был Радик Руднев. Вылитый папаша, только без усов и в гражданской кепочке, очень серьёзный и развитой мальчик, он пользовался большим авторитетом не только у своих юных товарищей, но и у взрослых бойцов. Любимым его занятием на отдыхе была игра в шахматы. Увлечение шахматами сблизило его с разведчиком Ваней Архиповым. Этот высокий сутулый боец, первый в отряде одевшийся в трофейное обмундирование, был таким же страстным шахматистом, как и Радик. Он вечно таскал за поясом шахматную доску. Встретится в лесу на дорожке с Радиком и сейчас же:

— Сыграем?

— Давай. [70]

Поставят доску под кустик, Радик ляжет, подопрёт голову рукой, долго размышляет, а Архипов ходит рядом, заложив руки за спину. Остановится, быстро передвинет фигуру и опять зашагает. Часами так играли, молча.

У села Новая Слобода

Затишье в Спадщанском лесу, наступившее после 4 июня, продолжалось недолго. Немецкое командование, готовясь к большому летнему наступлению 1942 года, в обход Москвы на Волгу, перебрасывало на восток все свои свободные резервы. Мы стояли на пути их, держа под ударом железнодорожную магистраль Конотоп — Курск. Это заставило противника выделить против партизан северной Сумщины несколько венгерских полков, предназначавшихся для фронта. 18 июня мадыарские части начали надвигаться на Объединённые отряды со стороны Путивля и со стороны Кролевца. 20 июня завязались ожесточённые бои. Противник силой до трёх полков с танками предпринимал одну атаку за другой одновременно против всех отрядов, стремясь их окружить и прижать к болотистым берегам Клевени. На следующий день запылали подожжённые мадыарами сёла на правом берегу реки, где защищались наши братские отряды. Путивльский отряд был зажат в северо-западном углу Спадщанского леса вместе с объединённым штабом. Оставался один выход отсюда — через речку, болотами на горящие Литвиновичи.

Решено было оторваться от противника.

В ночь на 22 июня после двухдневного тяжёлого боя путивляне переправили на другой берег по узенькому мостику, сложенному из нескольких бревен, жердей и досок, весь свой обоз и

болотом, местами на руках, протащили его до Литвиновичей, откуда вместе с защитниками этого горящего села двинулись на Воргол, который тоже горел.

К утру все Объединённые отряды, оторвавшись от противника, были уже в лесу Марица. Можно было идти дальше на север, в Брянские леса, путь туда был свободен, но нам нельзя было ещё удаляться от железной дороги Конотоп — Курск, по которой опять один за другим шли в сторону фронта немецкие воинские эшелоны. Объединённые отряды направились из леса Марица на восток, к границе [71] Курской области, параллельно железнодорожной магистрали, с тем чтобы продолжать на ней подрывную работу.

23 июня, перейдя у села Берюх снова на левый берег Клевени, партизанское соединение вышло к железной дороге Хутор Михайловский — Ворожба. Братские отряды расположились здесь в лесах по обе стороны этой дороги, а Путивльский с объединённым штабом, выдвинувшись километров на десять к югу, в сторону магистрали Ворожба — Курск, занял бывший Софронтьевский монастырь у села Новая Слобода.

Таким образом партизанское соединение расположилось в углу двух железных дорог, вблизи узловой станции Ворожба, до неё от монастыря около 20 километров.

1 июля наши подрывники уже ознакомили начало своей деятельности в районе Ворожбы одновременным взрывом двух мостов на Сейме: железнодорожного — у станции Теткино и гружевого — у села Корыж. В этот же день были уничтожены паром у села Марково и паром на дороге Конотоп — Путивль.

Только что оторвавшись от противника, мы снова навлекали его на себя, но в создавшейся обстановке это было неизбежно. Без тяжёлых оборонительных боёв нельзя было держать под ударом немецкие коммуникации в районе, наводнённом войсками оккупантов. Поэтому мы и выбрали для месторасположения своих баз бывший Софронтьевский монастырь и прилегающий к нему лес, представлявшие нам удобными оборонительными позициями. Новослободский, или Монастырский, как его называли раньше, лес тянется полосой в шесть-семь километров между сёлами Новая Слобода и Линово по высокому берегу обширного торфяного болота в долине Сейма. Когда въезжаешь в лес из Новой Слободы, дорога, выходящая среди зелёных зарослей, круто поднимается на изрезанную оврагами гору, к бывшему монастырю, стоящему в самой высокой части леса. Здесь торфяники сгибают его с юга на восток, так что монастырь высится на горе, полуокружённой болотом. В ясные дни местность отсюда просматривается на десятки километров, на горизонте за Сеймом видна Ворожба.

У ограды монастыря растут по лугу вековые дубы в два обхвата толщиной. Дальше по дороге на Линово местность понижается, лес становится моложе и гуще, среди дуба появляются клён и вяз, а у Линова — сплошные заросли орешника и ольхи. До войны бывшие монастырские дома и огромный фруктовый сад за каменной оградой принадлежали [72] нашей детворе. Это был шумный детский городок. Он так и назывался — Городок. Когда мы пришли сюда, в Городке было пусто. Двор зарос травой. Нас встретил один лесник — Георгий Иванович Замула, ни за что не желавший расстаться со своим родным лесом. Наши разведчики уже раньше навещали его здесь по разным делам. У него всегда можно было получить полезные нам сведения и перебыть в безопасности день, другой. Он был тут полным хозяином. Немцы не решались заглядывать в монастырь, так как ходил слух, пущенный, вероятно, самим же лесником, что туда подземным ходом часто проникают партизаны, которые будто бы живут в тайных лесных пещерах. Здесь действительно есть какой-то полуразвалившийся подземный ход. Кажется, он соединял в своё время монастырь со скитом, выстроенным монахами в самой чаще леса. Есть тут и пещеры, тоже, вероятно, вырытые монахами. Нас это, конечно, мало интересовало, хотя, может быть, кто-нибудь из партизанских разведчиков и укрывался когда-нибудь от непогоды в этих старинных тайных убежищах. Больше интересовались ими ребяташки соседних сёл, которых привлекал сюда фруктовый сад. От этих ребятшек, лазивших по пещерам с деревянными кинжалами, воображая себя партизанами, Замула, не выходя из леса, узнавал всё, что происходило в районе.

Как только мы пришли к монастырю, Замула вступил в отряд, чтобы защищать свой родной лес. Он знал, что противник идёт следом за нами и что мы намерены принять здесь бой. Пришлось зачислить в отряд и кое-кого из здешних «пещерных партизан», оказавшихся сыновьями наших бойцов.

Вижу — шныряет по шалашам какой-то незнакомый мальчуган лет четырнадцати, кого-то ищет. Спрашиваю:

— Чего тебе?

— Батьку шукаю.

— А ты кто такой?

— Иван Иванович Черняк.

— Что же ты, Иван Иванович, тоже в партизаны собрался?

— Чего мне собираться? Мы с Замулой давно уже здесь в лесу базируемся.

После появления этого Ивана Ивановича всех подростков в отряде стали величать по имени и отчеству, и они сами себя так величали.

Взорвав мосты на Сейме в районе Ворожбы, наши [73] группы подрывников с боевым прикрытием ушли на главную железнодорожную магистраль, а основные силы Путивльского отряда, оставаясь на месте, отвлекали войска противника на себя. Уже 3 июля все сёла вокруг Новослободского леса были заняты немцами и мадьярами. Противник стянул сюда три полка. Кольцо вражеского окружения оказалось таким плотным, что связные, посланные нами ночью через болото в братские отряды, вернулись назад, нигде не сумев проскочить. Немцы, заняв гарнизонами разбросанные по торфяникам посёлки рабочих, стерегли все проходы через болото. Послали ещё несколько пар связных, и только одной из них удалось топким участком болота по горло в воде и грязи пройти в темноте незаметно мимо немцев. Это было уже в ночь на 6 июля, после двухдневного боя с противником, наступавшим на Монастырский лес с трёх сторон.

Рассчитывать на то, что одному нашему отряду удастся своими силами прорвать кольцо окружения, нельзя было. Мы надеялись на помощь братских отрядов. Но противник это учёл и выставил в их сторону сильный заслон. Видны были танкетки, курсировавшие далеко на возвышенности севернее Новой Слободы и за болотом. Эти танкетки, не принимавшие участия в наступлении, тревожили нас больше всего.

6 июля с утра противник под прикрытием артиллерийского огня ворвался в лес и начал быстро продвигаться вдоль центральной дороги со стороны Линово к монастырю. Одновременно он прочёсывал опушки. Группа Карпенко, занимавшая оборону по опушке против Линово, сразу же оказалась в тылу противника. Отрезана была и отдалённая от штаба группа Деда Мороза. Окружив эти группы, засевшие в чаще мелколесья и кустарника, мадьяры по центральной дороге приблизились к шалашам штаба, стоявшим на склоне монастырской горы. Их отделяла от штабных шалашей только небольшая лесная ложбинка.

Штаб прикрывали одна боевая группа и комендантская команда — несколько десятков бойцов во главе с Базимой. Они окопались возле самых шалашей. Там был молодой дубовый лес, он весь просматривался, а деревья насквозь простреливались. За ними стояли обозы, теснившиеся всё ближе и ближе к монастырской ограде, за вековые дубы. Под этими же дубами лежали раненые. Противник пытался зажать нас на этой горе, нависшей над болотом, и уничтожить артиллерийским огнём. Из Новой Слободы и со стороны [74] рабочих посёлков немецкая артиллерия непрерывно била по монастырю. Разбитая снарядами колокольня осыпалась от сотрясения. Весь двор был завален кирпичом.

Под монастырской кручей на дороге, проходящей краем болота, завязалась рукопашная схватка. Группа партизан, занимавшая здесь оборону, пошла в контратаку, чтобы отбросить отряд мадьяр, пытавшийся обойти низом центр нашего сопротивления, ударить во фланг и прорваться к ограде монастыря. В этой рукопашной схватке геройски погиб хозяин Новослободского леса лесник Замула.

Положение уже было такое, что обоз пришлось втягивать за ограду, хотя артиллерия противника крошила там всё. Тяжело раненые переползали с места на место, ища какого-нибудь уголка, защищённого если не от снарядов, то от разлетающихся повсюду осколков кирпича.

Раненые готовились к рукопашной — все, кто ещё в состоянии был держать в руках оружие, встали у проломов ограды. Казалось, что не остаётся ничего больше, как драться здесь до последнего человека. Нельзя было уже рассчитывать, что братские отряды успеют притти на выручку.

Целый день по всей изрезанной оврагами площади леса происходили самостоятельные, изолированные одна от другой схватки. Бойцы, расстрелявшие все патроны, вырывали оружие из рук немцев и мадьяр и продолжали драться.

С наступлением темноты к монастырю стали прорываться партизаны с отдалённых участков леса. Последним вырвался из окружения Дед Мороз со своей группой. Весь отряд собрался на монастырской горе, люди изнемогали от усталости. Три дня они ничего не ели, не пили, не отдыхали. Они могли бы ещё продержаться, но патронов уже почти не оставалось. Это всегда было самое страшное для нас.

Что будем делать завтра, если за ночь братские отряды не помогут нам прорвать кольцо окружения? Я знал, что этот вопрос у всех на уме, но вслух его никто не задавал. В трудных случаях люди рассуждали про себя так: раз мне тяжело, значит, всем тяжело, о чём же тут разговаривать? А в те дни, когда мы дрались, окружённые в Новослободском лесу, на фронте немцы рвались к Дону и Волге. И если мы в такое время отвлекали с фронта несколько полков противника, одного сознания этого было для наших партизан вполне достаточно, чтобы не беспокоиться о своей судьбе. Когда дерёшься в таких условиях, в каких приходилось [75] драться нам, и знаешь, что на фронте происходят решающие события, особенно ясно чувствуешь, что твоя судьба — капля в судьбе советского народа.

Вечером, когда все собрались на монастырской горе, мы услышали вдруг ружейно-пулеметную стрельбу за болотом, в тылу противника, и прежде чем мы поняли, что это пришли к нам на помощь братские отряды, оттуда же, где вспыхнула стрельба, донеслось пение. Стрельба была ясно слышна, а пение едва-едва, как будто стреляли близко, а пели где-то очень далеко. Что-то в этом пении мне сразу напомнило годы гражданской войны, Царицын, Каховку, Перекоп. Только потом уже я уловил родной мотив «Интернационала» и невольно стал подпевать: «Это есть наш последний и решительный бой». Бывает так, случается с тобой что-то, и кажется тебе, что много лет назад происходило то же самое. Вот такое чувство испытывал я тогда. Как будто бы 1919 год, и я — красноармеец, только что вступивший в партию большевиков.

То, что произошло, похоже было на сказку. В темноте с пением «Интернационала» бросившись в атаку, наш братский отряд конотопцев обратил в бегство танкетки, выставленные противником в качестве заслона по ту сторону болота. Конотопцы заняли рабочий посёлок, расположенный против монастыря. В кольце окружения Новослободского леса была пробита брешь, в нее мы и проскользнули под покровом ночи. Рассвет нас застал уже далеко от монастыря, на дороге, проходящей другой стороной болота. Из низины нам было хорошо видно, как на освещённой утренней зарёй возвышенности у Новой Слободы какая-то колонна противника развёртывалась в цепь для наступления на лес. Наша колонна, растянувшаяся по совершенно открытой дороге, тоже была как на ладони перед противником. Но взоры мадьяр были прикованы к лесу, ни один не взглянул в сторону болота. Мы прошли незамеченными.

Отсутствие боеприпасов не давало нам возможности продолжать борьбу в этом районе, наводнённом регулярными частями противника. Решено было двигаться обратно в Старую Гуту. Наши подрывники тем временем сделали своё дело на железной дороге. Пока мы отвлекали на себя противника, они пустили под откос в районе Ворожбы ещё два воинских эшелона, один из них с танками.

Мы поджидали возвращения подрывников в Казённом лесу за селом Бруски. Это километров 15 от Новой Слободы, на границе Курской области. Здесь мы узнали о [76] страшном злодействе, которое совершили немцы и мадьяры в Новой Слободе и окружающих её деревнях. Обнаружив, что партизаны исчезли, ни в монастыре, ни в лесу никого нет, они вернулись в Новую Слободу и стали уничтожать в отместку мирных жителей. Гитлеровцы, как бешеные, бегали по дворам, хатам, стреляли из автоматов направо и налево, швыряя гранаты в окна, подвалы, сараи, закалывая детей кинжалами. В течение может быть получаса было убито 700 стариков, женщин, детей. Потом на всех убитых, в том числе и на грудных младенцев, был составлен поименный список, как на расстрелянных партизан. Этот список немцы и мадьяры увезли с собой в доказательство того, что отряд Ковпака уничтожен. Так эти подлые трусы боролись с партизанами.

Разведчики сообщили, что в Новой Слободе осталось много тяжело раненых, сумевших уползти из заваленных трупами хат и прятавшихся на огородах, в ямах и оврагах. Чтобы оказать им помощь, были немедленно посланы под прикрытием группы автоматчиков наши медработники. Девушки эти знали, что не было на свете более подлых злодеев, чем гитлеровцы, но то, что они увидели в Новой Слободе, буквально перевернуло их души. Мы старались беречь девушек, не брали на очень опасные операции, но после того, как они побывали в Новой Слободе, их нельзя было удержать. Была у нас замечательная медсестра Галина Борисенко, пришедшая в

Путивльский отряд ещё осенью 1941 года, когда народ только собирался в Спадщанском лесу. Эта высокая, энергичная, мужественная девушка плакала навзрыд, если её не брали в бой. Вот что такое была Новая Слобода, вот как мирные советские люди становились народными мстителями.

Старая Гута — Москва

Из Путивльского района Объединённые отряды возвращались в Брянские леса старым маршрутом, отбрасывая с пути мелкие группировки противника. Когда мы натыкались на сильные заслоны, встречавшие нас артиллерийским огнём, сворачивали в сторону, делали петлю и снова выходили на прежний маршрут. 24 июля 1942 г. отряды вступили в южную зону Брянских лесов, немного западнее Старой Гуты. Наша «столица» была занята 3-м батальоном 47-го венгерского полка. Несколько дней мы отдыхали в лесу в близком соседстве с мадярами, не подозревавшими [77] о нашем возвращении. В ночь на 29 июля старогутовский гарнизон противника был наголову разгромлен.

Пусто было в Старой Гуте, когда мы вступили в неё. Зайдёшь в знакомую хату — ни души и никаких признаков крестьянского жилья. Только следы мадярского постоя. На огородах полное запустение. Одни заросли лопуха и репейника, на картофельных грядках такой бурьян, что и ботвы не видно. Всё погигло, один подсолнух кое-где пробился из сорняка. Время было уборки. Хлеба на полях перезревали.

Где народ, куда девался? Спасаясь от гитлеровцев, чуть ли не вся Старая Гута вместе со скотом ушла в леса. Забился народ в лесные трущобы, питался ягодой и молоком, ждал, пока вернутся «колпачки», как называли нас здесь, в Брянских лесах. «Ковпак» не выговаривали, говорили «товарищ Колпак», отсюда и пошло «колпачки».

Весть о том, что «колпачки» уже вернулись и прогнали фашистов из Старой Гуты, тотчас пронеслась по лесу. Возле партизанских шалашей залаяли выбежавшие вдруг из чащи собаки, за ними появились люди, старые и малые, тащившие на себе узлы и мешки со всяким домашним скарбом.

Большое, окружённое лесом село заново начинало жить. Партизаны, чем могли, помогали своим старым друзьям, всё лето прятавшимся от немцев. Наши радисты поспешили установить в селе репродуктор, и ожившая Старая Гута услышала Москву. Какая это радость для советского человека — услышать во вражеском тылу голос из Москвы! Артистка какая-нибудь песенку поёт в Москве, а люди здесь слушают её и плачут. Помню одну женщину. Стоит у репродуктора с девочкой на руках, слушает передачу из Москвы и слезы рукой вытирает. Девочка маленькая ещё, ничего не понимает, а тоже кулачком глазки трёт.

Многие колхозники пришли из леса больными. Больше всего народ страдал от цынги. Где получить медицинскую помощь? Только у партизан. И люди стали ходить в нашу санчасть, как в свою колхозную амбулаторию. Сначала из Старой Гуты, а потом и издалека. На подводах привозили тяжело больных, разыскивали в лесу партизанского доктора. У шалаша санчасти всегда толпился народ, в очереди стояли женщины, дети. Никому не отказывали в помощи, в экстренных случаях Маевская, наш врач, тут же у шалаша на подводах делала и хирургические операции. Потребовалось много медикаментов, а у нас и для себя самого необходимого не было. Передали об этом по радио на «Большую [78] землю». Думали, что сбросят на парашюте, а нам ответили, что вышлют самолёт.

Самолёт из Москвы! Он приземлился на поляне, в стороне от нашего лагеря. Мало кто видел его, но несколько дней в Старой Гуте только и было разговоров, что об этом первом самолёте, доставившем нам медикаменты с «Большой земли». Больных в санчасть ещё больше стало приходить. Каждому, хоть он и здоров, хотелось получить какой-нибудь целебный порошок из Москвы. Москва, Москва родная!

* * *

На много километров по опушке леса раскинулись вокруг Старой Гуты шалашные лагеря наших объединённых отрядов — Путивльского, Глуховского, Шалыгинского, Кролевецкого, Конотопского. В мае из Старой Гуты ушло в рейд около 750 человек, а в августе, когда мы вернулись в Брянские леса, в наших рядах уже насчитывалось больше 1300 бойцов.

Приближалась годовщина Путивльского отряда. Мы могли с гордостью смотреть на проделанный нами тяжёлый, полный лишений путь. Вытяни в одну прямую эту запутавшуюся в клубок на карте Сумщины линию наших боевых маршрутов, и она протянется не на одну тысячу километров. За год борьбы в тылу фашистов отряды провели, если не считать мелких стычек, двадцать боёв и уничтожили около четырёх тысяч фашистов. Но время было такое, что оглянешься назад, а думаешь о том, что впереди, какую сводку примет ночью радист с «Большой земли». Немцы были у Воронежа, на Кубани, подходили к Сталинграду. Тут хочешь — не хочешь, а берёшь не карту Сумщины, а другую, где Волга, Кавказ. Что значит наш маленький островок со «столицей» Старая Гута, когда в опасности вся «Большая земля»! Правда, в Брянских лесах партизанских островков было уже много и они сливались друг с другом, но съедутся командиры и, смотришь, карты-то вынимают из полевых сумок тоже не своих районов, а всей европейской части СССР — школьные, железнодорожные, административные, какие кому удалось раздобыть. Вот возьмёшь такую карту и станешь измерять расстояние от Десны до Волги.

В один из этих тревожных дней — это было во второй половине августа — я получил радиogramму с вызовом на совещание командиров партизанских отрядов в Москву. Понятно, в каком состоянии я был, когда прощался с товарищами, окружившими подводу, на которой мне предстояло [79] пробираться до аэродрома орловских партизан, чтобы оттуда лететь в Москву на самолёте. Все почему-то были совершенно твёрдо уверены, что в Москве я увижу Сталина, и, конечно, все просили, чтобы я передал вождю горячий партизанский привет и не просто общий ото всех — это мол, само собой, Сидор Артёмович, этого вы не забудете, — а от нас особо, то-есть от каждого отряда в отдельности. Разведчики, минёры, миномётчики, артиллеристы, женщины-медработники, подростки-связисты тоже требовали, чтобы от них передать особый привет. Карманы моего пиджака были набиты письмами, которые я должен был опустить в Москве. Я обещал выполнить все просьбы и поручения, от каждого передать привет товарищу Сталину, а сам всё ещё не верил, что полечу в Москву, что на самом деле буду ходить по её улицам, вот точно так же, как только что ходил по лесу, что увижу хотя бы издали Кремль. Я никак не мог представить себя идущим по тротуару в Москве, а тут мне кричат что-то о новых станциях метро, которого я вообще не видел, — в Москве я не был с 1931 года. Пробираясь к аэродрому — до него было около ста километров — глухими лесными дорогами, я нет-нет да и подумывал, какое это будет огорчение для нашего народа, если полёт почему-либо не состоится, если придётся вернуться назад, не побывав в Москве. Но стоило мне только увидеть стоявший в лесу на аэродроме огромный «Дуглас», собиравшихся возле него пассажиров, как Москва стала казаться совсем уж не такой далёкой. Все пассажиры, как и я, получили радиogramмы с вызовом в Москву; будучи в лесу, в землянках или шалашах, большинство добиралось до аэродрома на лошадях, издалека. То, что нужно была ещё пролететь над территорией, занятой врагом, пересечь линию фронта, как будто и не имело уже никакого значения. Раз столько людей получило радиogramмы и «Дуглас» прилетел, значит тут уже дело надёжное, будем в Москве.

Удобно усевшись в мягкое кресло, я почувствовал себя так, словно отправлялся в обычную командировку. Не успел «Дуглас» набрать высоту, как начались у нас деловые разговоры: о том, что прежде всего надо будет сделать, прилетев в Москву, какие вопросы решить, на что можно рассчитывать, на что нельзя, — например, если будет идти речь об оружии, что следует просить, а о чём не стоит и заикаться, учитывая тяжёлую обстановку на фронте, крайне напряжённое положение под Сталинградом, где, повидимому, начались решающие бои. [80] Мы ещё не могли, конечно, представить себе, что произойдёт под Сталинградом, но уже один тот факт, что нас вызывают в Москву на совещание, что в такой момент мы летим на «Дугласе» из вражеского тыла в родную Москву, внушал уверенность в прочности положения на «Большой земле». Уже забывалось то время, когда мы сидели в Спадщанском лесу, как моряки, выброшенные бурей на необитаемый остров. Потеря связи с Москвой была, пожалуй, самым тяжёлым из всего, что нам пришлось испытать в тылу; врага. Не враг был страшен, а сознание, что Москва стала очень далёкой. Когда мы говорили «Москва» или «Большая земля», в этих словах было всё, что спланивало нас, разбросанных по лесам среди врагов, в одно целое, что давало нам силы.

Нас очень ободряли успехи, которые мы, партизаны, одерживали в неравных боях с врагом, но ещё большее значение в поднятии боевого духа наших людей, в росте общей уверенности в

окончательной победе имело быстрое восстановление временно нарушенной связи с Москвой. Ничто не могло нас так воодушевить, как воодушевила всех в Спадщанском лесу одна мысль о том, что о нашем существовании, о нашей борьбе узнали в Москве, что там на карте, быть может в Кремле, быть может рукой самого Сталина наше расположение уже отмечено красным карандашом. Это была первая нить, вновь связавшая нас с Москвой. В Хинельских лесах мы стали получать сводки Совинформбюро. Сначала получали их, как я уже рассказывал, из вторых рук, нам приносили их откуда-то из лесу записанными карандашом на клочках бумаги. Иногда в этих записях не всё можно было понять, но как дороги для нас были и несколько слов, принятых из Москвы таинственным радистом. Из этих первых полученных нами в лесу сводок Совинформбюро мы узнали о разгроме немцев под Москвой, и сейчас, когда вспоминаешь Хинельский лес, декабрь 1941 года, кажется, что тогда не было ничего более важного, чем переписка этих сводок, которые мы старались как можно скорее и в возможно большем количестве экземпляров распространить среди населения. Нить, связавшая нас с Москвой, протянулась дальше, в народ, и она делалась всё крепче.

Затем мы сами услышали знакомый голос московского диктора, голос Москвы, приказ товарища Сталина, его слова, обращённые к нам, партизанам. А когда из Москвы прилетел самолёт, сбросивший нам рацию и радистов, связь с «Большой землёй» стала регулярной. Потребовались медикаменты, [81] мы запросили Москву, и она прислала нам самолёт с медикаментами. И вот, наконец, я сам лечу в Москву на «Дугласе». Все опять на своих местах, крепко, надёжно.

Линию фронта мы пролетали ночью на высоте трёх тысяч метров. С земли по нас стреляли, видны были вспышки огня, метались лучи прожекторов, но среди наших пассажиров вызвал некоторое оживление только один зенитный разрыв, давший себя почувствовать довольно сильно. Экипаж в отместку немцам высыпал вниз на их головы ящик мелких бомб, а мы заспорили, на каком расстоянии от хвоста «Дугласа» разорвался снаряд — в двадцати, пятидесяти или ста метрах, а потом снова разговор перешёл на деловые темы.

Под нами была уже советская территория, тылы Брянского фронта, но и та земля, что лежала позади, временно оккупированная немцами, тоже оставалась советской землёй, и мы летели в Москву, как её представители. Вероятно, в эту ночь не один наш самолёт под огнём немецких зениток летел в Москву из занятых немцами районов. Может быть, летели и из Белоруссии, откуда-нибудь из Полесья, и с Смоленщины, и из-под Новгорода, Пскова, Старой Руссы.

Разрежь советскую землю на тысячи кусочков, а Москва, как магнит, притянет их к себе, сольёт в одно целое.

В Кремле

Когда мы говорили — Москва, в мыслях был Сталин. Летя на «Дугласе», никто ещё не знал, предстоит ли нам встреча со Сталиным, но мысль о вероятности этой встречи не оставляла нас всю дорогу, и на самолёте и потом на автомашинах, доставивших нас из штаба Брянского фронта прямо в гостиницу «Москва».

Вскоре по приезде, 31 августа, нас предупредили по телефону, чтобы мы никуда не расходились из номеров — поедem в Кремль на приём к товарищу Сталину. И хотя это не было для меня неожиданностью, я ещё в самолёте представлял, как это может произойти, но по пути в Кремль я думал только одно: сейчас войду в кабинет Сталина, увижу его, он будет со мной разговаривать.

Прежде чем попасть в кабинет Сталина, мы прошли несколько комнат. Я думал: вот сейчас увижу. Сталин всё время стоял перед глазами, такой, каким я его знал по портретам. [82] И точно таким я увидел Сталина, когда раскрылась дверь в его кабинет. Ну вот прямо как будто я его уже много раз встречал, лично знал. Сталин стоял посреди комнаты в костюме, всем известном по портретам. Рядом Ворошилов в маршальской форме.

— Так вот он какой, Ковпак! — сказал товарищ Ворошилов.

Сталин улыбнулся. Он пожал мне руку, поздоровался со всеми и предложил сесть. Соседом за столом оказался Молотов. Я увидел Вячеслава Михайловича, когда уже сидел рядом с ним. Не могу понять, как я его сразу не увидел. Вероятно, вначале я волновался, хотя и не замечал этого.

Товарищ Сталин сидел за столом наискосок от меня. Я думал, что приём будет очень короткий — ведь какое тяжёлое время. Но Сталин не торопился начинать деловой разговор, расспрашивал о наших семьях, поддерживаем ли мы с ними связь и как. Иногда ему приходилось отрываться, подходить к телефонам. Возвращаясь к столу, Сталин повторял вопрос. Он обращался то к одному, то к другому. Обратится ко мне, и у меня такое чувство, как будто Сталин взял меня тихонечко за руку и приблизил к себе. У всех, вероятно, было такое чувство, все пришли в себя, успокоились. Сталин, очевидно, заметил это и начал разговор о партизанских делах. Меня он прежде всего спросил, как мы держим связь с народом, как относится к нам население. Я встал, хотел докладывать, но Сталин сказал, что докладывать не нужно, чтобы я сел и отвечал на вопросы, которые он будет задавать.

Вопросов мне задано было товарищем Сталиным много. Когда, отвечая на первый вопрос, я стал рассказывать, как мы держим связь с народом, как народ нам помогает, Сталин сразу дал почувствовать, что это очень важно, что этому он придаёт очень большое значение. Он несколько раз кивал головой, как бы говоря: «так, так, вот это очень хорошо, что с народом крепко связаны».

На некоторых вопросах товарищ Сталин останавливал наше внимание, другие задавал попутно, мимоходом. Между прочим, когда речь шла о связи с народом, Сталин спросил меня, нужны ли в партизанских отрядах комиссары. А когда я стал говорить, что одному командиру трудно справиться со всей политической работой, что эту работу мы ведём не только в отряде, но и во всех сёлах, через которые проходим, Сталин сказал:

— Понятно, — и на этом разговор о комиссарах закончился. Больше уже к этому вопросу Сталин не возвращался. [83]

На вопрос Сталина, как мы вооружены, обмундированы, какой у нас источник пополнения вооружения и боеприпасов, я ответил:

— Один источник, товарищ Сталин, — за счёт противника, трофеи.

— Ничего, — сказал Сталин, — теперь мы поможем отечественным вооружением.

Отвечая на вопросы Сталина, мне вдруг показалось, что то, о чём я говорю, ему хорошо известно, что он спрашивает меня не для того, чтобы получить от меня какие-нибудь сведения, — у него их достаточно, — а чтобы навести меня на какую-то мысль, помочь мне самому что-то уяснить. Только потом я понял, к каким выводам он всё время незаметно подталкивал меня, и, когда понял, поразился, до чего же это просто, ясно.

После того как я ответил на ряд вопросов, Сталин спросил, почему наш отряд стал рейдирующим. Я рассказал о тех выгодах маневренных действий, в которых мы убедились на своём опыте борьбы на Сумщине. Выслушав это, Сталин задал мне неожиданный вопрос: если всё это так, если рейды оправдывают себя, то не можем ли мы совершить рейд на правый берег Днепра. Дело было очень серьёзное, ответить сразу я не мог.

— Подумайте, — сказал Сталин и обратился с каким-то вопросом к другому.

О выходе на Правобережную Украину у нас никогда не заходило речи. Мы не смели и мечтать об этом. Товарищ Сталин назвал наш отряд рейдирующим. Это совершенно точно, в этом вся суть нашей тактики, Сталин одним метким словом определил её. Но мы совершали рейды из одного района в другой. А тут предстояло пройти несколько областей, форсировать Десну, Днепр. Масштабы совсем другие. Ну, и что же из этого? — думал я. — Разве операции, которые мы предпринимали из Хинельских лесов, из Старой Гуты, по своим масштабам не превосходили всё, что мы делали, выходя из Спащанского леса, разве летний рейд на Путивль не оставил далеко позади зимний рейд из Хвощевки? Масштабы наших операций непрерывно расширяются. Сначала мы не выходили из пределов района, потом рейдировали уже по всей северной части Сумской области, а теперь мы вышли уже и из пределов Сумщины. Так что ничего неожиданного в предложении товарища Сталина нет. Просто он сделал из нашего опыта выводы, которых мы сами не смогли сделать, направляет нас туда, куда это сейчас, видимо, нужнее всего. [84]

Действительно, почему мы должны всё время кружиться на Сумщине, вокруг своего гнезда? Ведь всё преимущество нашей маневренной тактики в том, что мы всё время оставляем инициативу за собой, всегда можем нанести врагу удар в самое больное место. Это для меня решало вопрос, поставленный товарищем Сталиным.

Сталин, разговаривавший в это время с другим, мельком взглянул на меня, сразу, должно быть, по моему виду принял, что я могу уже ответить, жду, когда он обратится ко мне. Меня страшно поразило, когда он вдруг, повернувшись ко мне, сказал:

— Пожалуйста, я слушаю вас, товарищ Ковпак.

— Я думаю, товарищ Сталин, — сказал я, — что выйти на правый берег Днепра мы можем.

— А что вам нужно для этого? — спросил Сталин.

Я ответил, что больше всего нам нужны будут пушки, автоматы, противотанковые ружья.

— Всё будет, — сказал Сталин и приказал мне тут же составить заявку на всё, что требуется для рейда на Правобережье.

Я написал заявку и потом подсчитал количество самолёто-вылетов, необходимых для того, чтобы перебросить всё, что я прошу, и ужаснулся — цифра мне показалась огромной. Разве можно сейчас просить столько, — подумал я и переписал свою заявку, сильно урезав её. И всё-таки, передавая свою заявку товарищу Сталину, я боялся, что он скажет: «Да, размахнулись вы, товарищ Ковпак». Произошло совсем по-другому. Взглянув на поданную мной бумажку, Сталин спросил:

— Разве это вас обеспечит?

А когда я сказал, что не решился просить большего, Сталин вернул мне заявку и приказал составить заново.

— Мы можем дать всё, что нужно, — сказал он.

Пересоставляя заявку, я подумал, что было бы очень хорошо получить для бойцов сапоги, но решил, что это будет уже чересчур, и вместо сапог попросил ботинки. Сталин, прочитав новую заявку, тотчас вычеркнул ботинки. Ну вот, а я ещё хотел сапоги просить! Но не успел я выругать себя, как над зачёркнутым словом «ботинки» рукой Сталина было написано «сапоги». Разговаривал с нами товарищ Сталин так, как будто времени у него много, не торопил нас, давал нам спокойно собраться с мыслями, а решал всё тут же, при нас, не откладывая ни на минуту. [85]

На прощание, напутствуя нас, товарищ Сталин, сказал:

— Главное, товарищи, крепче держите связь с народом, — и, улыбнувшись, провёл рукой, показал на всех нас, сидящих у стола: — Пока вы наш второй фронт.

Возвращаясь на «Дугласе» обратно через фронт в Брянские леса, я был уже твёрдо убеждён, что приближаются дни коренного перелома в ходе войны. Беседа с товарищем Сталиным и приказ на выход в рейд, который я прочёл под расписку перед вылетом из Москвы, не оставляли на этот счёт никакого сомнения.

Нам было приказано выйти в районы Житомирской и Киевской областей. В приказе говорилось, что эти районы, расположенные в Правобережной Украине, с разветвлённой сетью железных и шоссейных дорог, с многочисленными переправами через реки, являются в данный момент важнейшими стратегическими путями. Наша задача состоит в диверсионной работе на этих путях подвоза из Германии живой силы и техники к Волге и предгорьям Кавказа, где происходили тогда решающие бои. Одновременно нам ставилась задача по разведке укреплений, возводимых немцами на правом берегу Днепра, и тут же указывалось, что этот господствующий берег несомненно будет скоро представлять собой плацдарм ожесточённых боёв.

Приказ был совершенно секретный. Вернувшись в свой лагерь у Старой Гуты, я мог сообщить его содержание только Рудневу. Мы заперлись с Семёном Васильевичем в трофейную венгерскую санитарку, стоявшую в лесу рядом со штабным шалашом на случай, если кому нужно уединиться, чтобы поработать спокойно.

— Вот, — сказал я, постучав пальцем по карте в районе междуречья Волги и Дона, — вот куда мы смотрели. А вот куда показал нам Сталин, — я очертил пальцем указанные в приказе районы Правобережной Украины. Наверное у меня так блестяли тогда глаза, что Семён Васильевич и без слов мог понять, что это означает.

Он молча посмотрел на меня.

— Понятно? — спросил я.

— Кажется, — ответил Семён Васильевич, — ты хочешь сказать, что мы идём на правый берег Днепра?

— Да, идём пока только мы.

Я сказал это так, что Семён Васильевич тоже сразу понял, что означает «пока». Вообще, нам не надо было много слов, чтобы понять друг друга. Во время этого памятного разговора Семён Васильевич вдруг спросил меня: [86]

— А карту видел?

Нечего было спрашивать, какой картой он интересуется. Эта карта у нас с ним всегда была в мыслях. Сколько раз мы представляли Сталина, отмечающего на этой карте наш боевой маршрут. И всё-таки я не заметил её, был у Сталина и не обратил внимания на его карту, не мог сказать даже, была ли вообще в кабинете какая-нибудь карта. В кабинете Сталина мне ничего не запомнилось, за исключением телефонов, и то, вероятно, только потому, что Сталин часто подходил к ним.

Мы просидели тогда с Рудневым в санитарке несколько часов, и никто не прерывал нашей беседы, хотя вокруг штаба нетерпеливо похаживало очень много нашего народа, жаждавшего поскорее услышать от меня что-нибудь о Сталине. Боевой у нас народ был, но скромный. На следующий день на митингах, проведённых по отрядам, командиры объявили, что нам предстоит выполнить личное задание Сталина. Народ ответил на это восторженным криком «ура», и ни один боец не задал командиру вопроса — какое задание, куда пойдём, как будто никого это не интересовало. Достаточно было того, что пойдём по заданию Сталина.

В дальний путь на славные дела...

Я прилетел из Москвы с таким чувством, как будто вся наша прошлая борьба, весь её опыт вдруг приобрели какое-то новое, большое, непредвиденное нами значение, новый, большой смысл. И в то же время мне казалось, что всё то, что мы делали до сих пор, это только подготовка к тому, что нам ещё предстоит.

Действительно, что показал нам собственный опыт, к чему он толкал, чему учил?

Труднее всего нам приходилось в оборонительных боях, которые навязывал нам противник.

Только в этих боях он мог использовать своё превосходство в численности и технике.

Наибольших успехов мы достигали, когда пользовались свободой манёвра. Все наши расчёты и планы с момента выхода из Спадщанского леса всегда строились на стремительности марша, скрытности подхода, внезапности нападения. Находясь в движении, маневрируя, имея возможность в любой момент изменить маршрут, мы были неуловимы для врага: не успевая сосредоточить силы для удара, [87] он уже терял наш след. Даже когда ему удавалось окружить нас превосходящими силами, благодаря своей подвижности мы выскальзывали из кольца. Маневренные действия давали нам неизмеримые тактические преимущества над противником. Насколько же возрастут эти преимущества, когда мы выйдем из ограниченного пространства нескольких смежных районов, по которым мы до сих пор петляли вокруг своих родных сёл, когда вырвемся на широкий простор Украины!

Чем больше думали мы, изучая по карте маршрут предстоящего рейда, тем яснее становился нам смысл собственного опыта. Сталинский приказ, сталинские указания как будто сразу осветили нам и предстоящее и прошедшее.

Товарищ Сталин сказал: «Главное — крепче держите связь с народом». И действительно, чему мы прежде всего обязаны своими успехами? Разве только тактике? Разве наша тактика имела бы такой успех, не располагай мы поддержкой всего народа? Наша борьба — частица всенародной борьбы. В этом наша сила, это определило и нашу тактику. Разве мы могли бы выйти из Спадщанского леса и свободно маневрировать по всей северной Сумщине, если бы в сёлах нас не встречали как родных сыновей, если бы в каждом колхозе, где останавливались на дневку, не находили десятки помощников? И, с другой стороны, достаточно было нам пройти через село, чтобы в этом селе народ уже почувствовал себя увереннее, чтобы сопротивление его немцам стало активнее, смелее. Там, где во время нашей стоянки создавалась небольшая партизанская группа, к нашему возвращению она вырастала в крупный отряд. Если мы проходили через какое-нибудь село два или три раза, это село называло себя партизанским, туда уже больше ни один предатель не осмеливался показываться. Мы были для народа представителями советской власти, Красной Армии.

Сейчас нам предстоит пройти несколько областей Украины, сотни сёл, проникнуть в глубокий тыл противника, раздуть пламя народной борьбы в районах, где немецкие захватчики хозяйничают второй год. Мы идём туда как посланцы советской власти, как посланцы Сталина, вестники скорого освобождения.

Как не подумать было, какое это произведёт впечатление на народ в Правобережье, когда там появятся наши отряды. Немцы кричат, что они разгромили Красную Армию [88] на Волге, вышли на Кавказ, а мы вдруг появляемся на Днепре, на Припяти, появляемся вооружённые как регулярная часть Красной Армии.

Сейчас же после моего возвращения из Москвы у Старой Гуты была подготовлена посадочная площадка для транспортных самолётов, и вскоре на нашем партизанском аэродроме началась выгрузка доставленного нам воздушным путём через фронт оружия и боеприпасов.

— Сталинские посылки, — говорили партизаны, выгружая с самолётов пушки, противотанковые ружья, автоматы, снаряды, патроны, медикаменты, обмундирование. Среди этих посылок были и пачки с литературой, листовки. Для выполнения нашей задачи это оружие было не менее необходимо, чем пушки.

И на партийных, комсомольских собраниях, посвящённых подготовке к рейду, наряду с такими вопросами, как овладение новым отечественным вооружением, уход за конём, тщательное оборудование повозки, говорилось также о том, что там, куда мы идём, народ второй год не слышал советского слова, что наш боец — не просто боец, а боец-агитатор, боец-пропагандист.

* * *

Без боя из Брянских лесов выйти нельзя было. Ворота на Украину, которые мы пробивали в прошлом году, опять были закрыты, и на этот раз куда крепче. Противник занимал теперь здесь укреплённую оборону с системой опорных пунктов, дзотов и других фортификационных сооружений. Все подступы к населённым пунктам были пристреляны артиллерией и заминированы, все дзоты имели огневую связь.

В ночь с 4 на 5 октября Объединённые отряды в полном составе провели операцию по уничтожению опорных пунктов немцев в сёлах Голубовка, Большая Березка и хуторе Лукашенков. Задача этой операции состояла в том, чтобы расшатать оборону противника, блокировавшего Брянские леса. В то же время это была проверка боевого мастерства партизан перед выходом в рейд.

Впервые нашему народу приходилось наступать на укреплённую оборону противника, преодолевать заграждения, штурмовать дзоты. Противник ожесточённо сопротивлялся, переходил в контратаки. Однако мы выбили его из Голубовки, уничтожив при этом около 30 дзотов и до [89] 500 солдат и офицеров. Стоявший здесь штаб вражеского батальона был разгромлен.

В ночном бою у Голубовки наши артиллеристы имели уже солидную материальную часть. На самолётах с «Большой земли» нам были доставлены два 76-мм орудия, кроме того, на вооружении отрядов имелось одиннадцать 45-мм пушек, захваченных у противника. Таким образом, задача, поставленная ещё в Спадшанском лесу, когда, не имея ни одной пушки, командование отрядом отдало приказ о формировании батареи, была более чем выполнена. Особенно гордились наши артиллеристы новыми 76-мм орудиями, присланными нам по воздуху. Они называли их сталинскими. С прибытием этих орудий мы укрепили личный состав батареи самыми надёжными людьми. Комиссаром батареи был назначен Дед Мороз. Мы сказали ему:

— Ильич, боезапас пополнять будет трудно, значит надо стрелять исключительно прямой наводкой, подтаскивать ночью пушки к самому противнику и бить в упор. Может быть, это покажется кому-нибудь невозможным, но ты, как большевик, должен обеспечить это дело. У Голубовки я сам командовал батареей, показывал артиллеристам, что от них требуется. Они быстро поняли это и постарались подтащить свои пушки к немецким дзотам на такое расстояние, что ни один снаряд не пропал даром.

После этой операции, показавшей, что партизанское соединение уже может действовать как регулярная воинская часть, отряды были переименованы в батальоны, группы — в роты. Подготовка к Сталинскому рейду была завершена пробным выходом, производившимся побатальонно. Члены комиссии, проверявшей готовность к походу, придирались к каждой мелочи, которая могла бы помешать в пути, затруднить или демаскировать движение колонны, например: колёса сильно стучат, хомут маловат. Чтобы взять с собой побольше боеприпасов, с

повозок снимали всё, без чего можно обойтись в пути. Бойцы, ничем так не дорожившие, как боеприпасами, готовые всё выбросить из карманов, чтобы только взять с собой побольше патронов, на этот раз особенно постарались: при прощании старогутовцы получили от них на память массу ценного — партизаны раздали, всё, что имели.

В ночь с 25 на 26 октября, отправив в Москву на тех самых самолётах, которые доставили нам вооружение, всех тяжело раненых и женщин с детьми, партизанское [90] соединение двинулось в поход. Шли обычным армейским походным порядком: разведка, головная застава, авангард, главные силы, обоз, арьергард, боевое охранение.

Параллельно нам шло в рейд из Брянских лесов на правобережье Днепра партизанское соединение Героя Советского Союза Сабурова, вместе со мной летавшего в Москву и тоже получившего сталинское задание.

Укреплённая линия противника, блокировавшего Брянские леса, так же как и в прошлый раз, при выходе в рейд на Сумщину, была преодолена без боя. Под покровом темноты колонны, растянувшиеся на несколько километров, в полной тишине прошли мимо разгромленных в последнем бою опорных пунктов противника, и к утру мы были уже в лесу у Ямполья.

Десна, Днепр, Припять

Днём — отдых в лесу, варка пищи, ночью — скрытый марш, стремительный бросок на 30–40–50 километров и по пути — взрывы мостов, железнодорожных водокачек, уничтожение складов противника.

28 октября, после разгрома нами железнодорожного хозяйства станции Ямполь, немцы, собрав все силы ямпольского и шостенского гарнизонов, пытались атаковать партизанское соединение, остановившееся на днёвку в лесу у села Червона Дубрава. Противник был отброшен нашими заставами.

Партизанские колонны, продолжая беспрепятственно двигаться на запад, вступили в Черниговскую область. На Сумщине мы везде чувствовали себя, как дома, знали, что в каждом селе найдём помощников. Как-то встретит нас народ здесь?

Нужно было пройти город Короп, чтобы выйти к мосту на реке Десне. В Коропе стоял крупный немецкий гарнизон. Решили спросить у жителей, нельзя ли как-нибудь миновать город. В соседнем селе Вольное первая же женщина, которой был задан этот вопрос, сама вызвалась проводить нас обходной дорогой.

— А артиллерия пройдёт?

— И танки пройдут, — сказала она. — Идите за мной.

Она провела нас к мосту почти по окраине города. Рядом немцы, вот-вот они могли обнаружить движущуюся [91] в темноте колонну и открыть огонь, а эта смелая женщина шла впереди колонны совершенно спокойно, как будто шла на базар. Я спросил её фамилию, но она ответила, что её фамилию мне не к чему знать. Настаивал, говорил, что она заслуживает благодарности, но женщина ни за что не хотела назвать себя.

— Я не спрашиваю вашей фамилии, и вы не спрашивайте моей. Придёт время, и может быть встретимся, тогда узнаем друг друга и поблагодарим, — смеясь, сказала она, когда мы прощались с ней у моста, по которому уже переходили на другой берег партизанские батальоны.

У меня осталось впечатление, что эта простая украинская колхозница прошла уже хорошую школу нелегальной работы, что это настоящая подпольщица

[1]

. И сколько таких безымянных помощников и помощниц нашли мы на своём пути через оккупированные немцами районы Украины!

3–4 ноября наши колонны пересекли Щорсовский район, родину Николая Щорса, чьё прославленное имя носили многие партизанские отряды, действовавшие на Черниговщине. Тогда в народе мало кто знал ещё имя дважды Героя Советского Союза Фёдорова, секретаря Черниговского обкома партии, оставшегося в области на подпольной работе и, как Щорс в своё

время, собравшего вокруг себя тысячи черниговских партизан. Неизвестны ещё были и фамилии, таких наследников щорсовской славы, как Герои Советского Союза Збанацкий, Попудренко, Бовкун, Кривец. Местные крестьяне всех партизан называли щорсовцами, а командиров действовавших поблизости отрядов знали только по подпольным кличкам. Черниговскую область, партизанское соединение прошло без боев. Здесь, так же как и на Сумщине, были целые районы, контролируемые партизанами, партизанские столицы, такие, как Старая Гута, сёла, из которых все жители ушли в леса, заросшие бурьяном пожарища, вроде того, какое мы нашли на месте Гутки.

7 ноября отряды вышли на берег Днепра, к месту впадения в него реки Сож, и остановились в лесу против города Лоева.

Здесь мы услышали по радио приказ товарища Сталина, его поздравление с днём 25-летия победы Великой Октябрьской [92] социалистической революции, его слова: «Недалёк тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!» Эти уверенные слова нашего вождя и отца прозвучали для нас как напутствие, как напоминание, что уже мы на берегу Днепра. В этот день мы вспомнили, конечно, прошлогодние Октябрьские праздники, проведенные в Спадщанском лесу. Год назад нас было полсотни бойцов, а теперь больше полутора тысяч; в Спадщанском лесу мы были счастливы уже только тем, что сумели передать свои координаты в Харьков командованию Красной Армии, а сейчас мы идем на запад как частица Красной Армии, как её разведка, как посланцы Сталина.

Мысль, что мы посланцы Сталина, — под этим лозунгом проходил наш рейд на Правобережье, — так подняла людей в собственных глазах, что некоторых просто узнать нельзя было.

Одним желанием горели все: скорее перейти через Днепр, скорее выйти в районы, куда направил нас Сталин, приступить к выполнению его задания.

Никаких средств переправы, кроме нескольких рыбацких лодок, найденных в прибрежных деревнях, у нас не имелось. Паром стоял на правом берегу, у города. Решено было, как только стемнеет, перебросить на лодках в город роту автоматчиков с тем, чтобы она захватила паром и обеспечила переправу отрядов.

Был у нас боец по кличке Сапёр-водичка. Сапёр — потому, что когда-то служил в армии сапёром, любил говорить «мы — сапёры», а «водичка» — потому, что ни о чём не мог коротко рассказать, увлечётся, расписывая подробности, и не поймёшь у него, в чём существо дела.

Командир как-то предупредил его сердито, когда он явился к нему с докладом:

— Только поменьше, сапёр, водички.

С тех пор и пошло: Сапёр-водичка.

Между прочим, у нас были большие мастера по изобретению кличек. Только поступил в отряд новый боец, как, слышишь, его уже окрестили. Давали, конечно, и такие клички, которые приходилось сейчас же запрещать.

На Днепре Сапёр-водичка, отправившийся ночью на лодке с автоматчиками в Лоев, впервые изменил своему прозвищу. Вернувшись спустя два часа, он доложил мне без единого лишнего слова:

— Товарищ командир, переправа готова. [93]

— Паром где? — спросил я, так как усомнился, — услышав такое необычное для него лаконичное донесение.

— Тут, у берега, товарищ командир, пригнали его.

Мне всё-таки не верилось, подозрительно было, что Сапёр-водичка отвечает так коротко и ясно, да и что-то уж очень быстро переправа обеспечена. Послал конных на берег проверить.

Прискакали назад, докладывают то же самое:

— Паром пришвартован к левому берегу.

Автоматчики переправились на правый берег в полночь, к двум часам захваченный врасплох гарнизон Лоева был уничтожен, в три часа началась переправа отрядов, и утром на городской пожарной вышке уже развевался красный флаг.

Переправа продолжалась до вечера 10 ноября. Трое суток на Днепре курсировали паром и лодки с бойцами и обозами. Противник, пытаясь сорвать переправу, подбрасывал к Лоеву с разных сторон наскоро собранные отряды из соседних гарнизонов. Одни роты переправлялись, а другие прикрывали переправу, отражая атаки пехоты и бронемашин противника. Бои шли на обоих берегах Днепра. Одна вражеская колонна силой до батальона на подходе к Лоеву была

рассеяна огнём нашей артиллерии, переправившейся на правый берег вслед за первыми ротами. В городе всё это время шла раздача населению продовольствия, захваченного на немецких складах, агитаторы проводили беседы с жителями, в штабе происходил приём добровольцев, являвшихся толпами.

10 ноября вечером, отбросив противника от Лоева, наши отряды выступили из города по своему маршруту.

Вслед за нами, на том же пароме, начало переправляться через Днепр партизанское соединение Сабурова.

Наш путь лежал Полесьем в районе Олевска, откуда мы должны были нанести удар по важнейшему на Правобережье железнодорожному узлу — Сарны. Для того чтобы войти в этот район, предстояло переправиться ещё через Припять.

Быстрота продвижения имела сейчас решающее значение. Выход крупной партизанской массы на правый берег Днепра заставил немецких оккупантов забить тревогу. Надо было проскочить через Припять раньше, чем немцы сумеют сосредоточить против нас крупные силы.

Мы вышли к Припяти 18 ноября. По пути взорвали мост на железной дороге Гомель — Калинковичи, уничтожили [94] путевое хозяйство станции Демихи и несколько тысяч метров телефонной связи.

Припять уже замёрзла, но ледяной покров был ещё очень неустойчивый, толщиной всего в 5–10 сантиметров. У села Юровичи, куда отряды вышли для переправы, лёд лежал между промоинами полосой от одного берега к другому, как наплавной мост. Местные жители сказали, что пока ещё никто не решался переезжать по нему на тот берег.

Спустили на лёд одну подводу, и проба показала, что если переправа будет происходить в полном порядке с соблюдением дистанции между бойцами и подводами в 10–15 метров, то лёд может выдержать. Но выдержат ли люди, сохранят ли необходимую дистанцию? Это требовало большого хладнокровия, так как противник уже наседали на арьергард.

Путивльский отряд переправился по тонкому колеблющемуся ледяному мосту без каких-либо осложнений. Потом положение ухудшилось — вода выступила из промоин и начала растекаться по льду. К тому же батальон противника, прибывший на автомашинах в район переправы, пошёл в наступление. Немцы атаковали Глуховский отряд, стоявший заставой в посёлке Большие Водовичи. Однако порядок переправы не был нарушен, положенная дистанция попрежнему строго соблюдалась. В то время как часть Глуховского отряда переправлялась, остальные группы огнём из пулемётов и миномётов заставили противника залечь. Кролевецкий отряд, ожидавший своей очереди на переправу, пошёл в контратаку и ударом во фланг обратил врага в бегство.

Последние группы партизан форсировали Припять уже ночью по льду, залитому водой. Всё обошлось благополучно, если не считать маленькой неприятности с несколькими волами, которых никак нельзя было заставить соблюдать необходимую дистанцию. Но это произошло недалеко от берега, и волы всё-таки выбрались на сушу.

В глуши Полесья

Мы вышли в рейд из Брянских лесов на Правобережье с мыслью, подсказанной приказом Сталина, что недалеко уже то время, когда наступит коренной перелом в ходе войны. Мы шли воодушевлённые сознанием того, что в выполнении гениального замысла Сталина и мы, украинские [95] партизаны, должны будем сыграть свою роль. И вот это время наступило. Как раз в те дни, когда партизанское соединение вышло в район Олевска, на границу Украины и Белоруссии, и подрывники отправились к Сарнам для взрыва железнодорожных мостов на реках Горынь и Случь, наши радисты: приняли весть из Москвы о переходе Красной Армии в решительное наступление под Сталинградом. Наш удар в глубоком тылу немцев по их важнейшей коммуникации наносился одновременно с ударом Красной Армии на решающем участке фронта. Вот оно, сталинское предвидение! В район Олевск — Сарны мы были нацелены Сталиным ещё в конце августа, когда он принял нас в Кремле. Теперь — конец ноября. Значит то, что происходит сейчас, было во всех деталях предусмотрено Сталиным почти три месяца назад!

Здесь, в глуши Полесья, мы боролись в тесном взаимодействии с Красной Армией, чувствовали себя частицей войск Сталинградского и Юго-Западного фронтов, перешедших в наступление. Нужно ли говорить, как это поднимало дух наших бойцов и командиров!

Партизанская артиллерия выезжает на огневые позиции

Когда партизанское соединение перешло Припять, немецкие войска, разбросанные в Полесье небольшими гарнизонами по местечкам, окружённым труднопроходимыми лесами и болотами, начали рыть окопы и приспособливать для обороны все каменные здания. В местечке Лельчицы, на берегу реки Уборть, немцы при нашем приближении очистили окраины и укрепились в центральном квартале и в парке. Вместе с полицейскими, сбежавшими из окрестных сёл, гарнизон местечка составлял около 300 человек.

Из села Буйновичи я связался по телефону с немецкой комендатурой в Лельчицах. Потребовал коменданта, но его не оказалось. Со мной разговаривал какой-то офицер, довольно прилично изыскавшийся по-русски. Не знаю, известно ли ему было уже об ударе, нанесённом Красной Армией немецкой группировке под Сталинградом, но этот волк уже напялил на себя овечью, шкуру и научился блеять.

— Что вы хотите? — спросил он, когда я сказал, что с ним разговаривает командир части Красной Армии, действующей в тылу немцев.

— Хочу, чтобы и духа вашего не осталось на советском земле... — ответил я. [96]

— Да, собственно говоря, я и сам непрочь поехать домой, — сказал он.

— В чём же дело?

— Да, видите ли, у меня есть начальник, и разговаривать с ним на эту тему совершенно невозможно, оги фашист.

— А вы кто такой?

— Я просто немецкий офицер.

— Приказываю гарнизону сложить оружие, в противном случае все вы без различия будете уничтожены.

— Хорошо, я передам ваш ультиматум своему начальнику.

Этот разговор происходил 23 ноября. В ночь на 26 ноября партизанские роты подошли к Лельчицам с разных сторон и окружили центр местечка, где засел немецкий гарнизон.

Артиллеристы подтащили 76-мм пушку к каменному зданию, превращённому немцами в главный опорный пункт своей обороны. Утром по этому зданию был открыт орудейный огонь с расстояния в 80–100 метров. Окопы в парке взяли под обстрел миномётчики. Несколько часов продолжалось это побоище. Потом партизаны говорили: «В Лельчицах мы ходили по щиколотку в крови немцев». Был уничтожен весь гарнизон. Спасся только начальник гарнизона, под каким-то предлогом укативший из Лельчиц сразу же после того, как ему стал известен наш ультиматум.

27 ноября партизанское соединение расположилось в полесских сёлах Глушкевичи, Милашевичи, Приболовичи., Это — в лесах между Лельчицами и Олевском, вблизи железной дороги Сарны — Коростень. Отсюда группы наших подрывников нанесли удар по сарнскому железнодорожному узлу. Было взорвано девять больших железнодорожных мостов на участках Сарны — Луинец, Сарны — Ковель, Сарны — Ровно, Сарны — Коростень, то-есть нарушено

движение на всех дорогах, скрещивающихся в Сарнах. Работа сарнского железнодорожного узла была полностью парализована на полтора месяца.

Эта операция получила у нас название «Сарнского креста». Все мосты были взорваны одновременно пятью ударными группами, выступившими из Глушкевичей в ночь на 30 ноября. У каждого моста происходило одно и то же. Наши группы появлялись внезапно и бросались на штурм с возгласами: «За Сталина, за Родину!» Немецкая охрана нигде не успела открыть огонь. Партизаны уничтожили её, не потеряв при этом ни одного человека. [97]

После взрывов мостов подрывники развесили на уцелевших звеньях огромные кормовые тыквы: взрывчатых веществ нехватило. Как и следовало ожидать, немцы решили, что тыквы не зря повешены, что внутри их несомненно находятся адские машины партизан. Потом об этих тыквах ходили легенды. Крестьяне рассказывали нам, что специальная техническая комиссия немцев больше двух недель ломала себе голову, пытаясь разгадать секрет механизма скрытых в тыквах мин. И подойти к ним боялись, издали всё разглядывали, в бинокль, и расстрелять не решались: как бы не взлетело в воздух и то, что уцелело от моста.

Штаб партизанского соединения всё это время стоял в Глушкевичах. Это большое село с нашим приходом после разгрома немецкого гарнизона в Лельчицах стало центром целого партизанского района. Глушкевичи были связаны телефоном со всеми сёлами, в которых стояли наши отряды. Отсюда принятые партизанской радиостанцией сводки Совинформбюро, сообщения о победах Красной Армии под Сталинградом распространялись по всему южному Полесью. Эти сводки, как боевой клич, поднимали народ на борьбу; с вражескими захватчиками.

В Глушкевичи к нам пришёл небольшой партизанский отряд из села Ельск. На наших глазах этот отряд, насчитывавший несколько десятков бойцов, вырос до 200 человек. Мы вооружили его, подучили и отправили обратно в свой район для самостоятельной работы. Непрерывно росли и ряды наших батальонов.

Одна группа добровольцев в несколько десятков человек подошла к нашему штабу строем, под командой.

— Прибыло пополнение, — отпартовал мне командир.

Жители соседних сёл Боровое, Шугалей, Рубеж постановили на общих собраниях закрыть для движения немцев все дороги и сейчас же приступили в своём районе к разборке мостов и устройству завалов. Польское население Будки Войткевицке ещё до нашего вступления в эту деревню вынесло на собрании решение произвести сбор мяса, картофеля и фуража для партизан.

Прошло около месяца, прежде чем немецкое командование сумело подготовиться к активным действиям против нас. 22 декабря, сконцентрировав в районе села Хочин крупные силы отборных частей СС и жандармерии, немцы повели наступление на Глушкевичи. Наступало пять батальонов двумя группировками, с запада и юго-востока. После ожесточённого боя, продолжавшегося непрерывно день и [98] ночь 22–23 декабря, нам пришлось принять решение об отрыве от противника. Все дороги были перехвачены немецкими войсками.

Избранный нами маршрут проходил через село Бухча Туровского района. Это село оказалось занятым батальоном немцев. Мы рассчитывали прорваться через Бухчу, опрокинув немецкий гарнизон внезапным ударом с хода, но это не удалось. Передовые роты партизан на подступах к селу были встречены ураганным огнём из домов, в которых немцы уже успели укрепиться.

Партизанам, третьи сутки не имевшим ни минуты отдыха (бой, потом ночной марш), пришлось, чтобы пробить себе дорогу через село, каждый дом брать штурмом, выбивать из него немцев пушками.

В двадцатичасовом упорном бою гарнизон Бухчи был уничтожен. Партизанская колонна двинулась дальше на село Тонеж. Немцы ещё раз попытались преградить нам дорогу на север. Из Турова наперерез партизанам был выдвинут какой-то сборный батальон полиции. Мы столкнулись с ним 27 декабря на подходе к селу Тонеж и коротким ударом частью истребили, частью рассеяли.

3 января 1943 года, израсходовав в боях почти все боеприпасы, партизанское соединение вышло занесенными снегом дорогами к берегу большого озера Червонного, по-старинному — Князь-озеру. Это один из самых глухих уголков Полесья. Въедешь в деревню — беспорядочно разбросанные хаты, не поймёшь — где тут улица, дворов нет, вместо них навесы для скота, а

вокруг кустарник по болоту, дальше девственные леса, все завалено снегом, зима, а туман, как осенью.

Немцы не решались проникать в эти болотисто-лесные тущобы — гнездовье белорусских партизан. Так же, как в Брянских лесах, как в лесах Черниговщины, партизаны были здесь полными хозяевами. Мы пришли сюда, к белоруссам, как к себе домой. Все дороги контролировались партизанскими патрулями, каждое село было базой какого-нибудь отряда. Верующие в церквах молились за ниспослание победы Красной Армии, тут же после богослужения собирались продукты для партизан.

Штаб соединения остановился в селе Ляховичи. Здесь произошла братская встреча партизан Белоруссии с партизанами Украины, было проведено совещание командования группы отрядов Сумской области с командирами белорусских отрядов. [99]

Я рассказал о своей встрече со Сталиным. Достаточно мне было только обмолвиться, что я был в Москве, беседовал со Сталиным, как все приехавшие к нам белоруссы сразу вскочили, обступили меня, и я не знал, кому раньше отвечать.

С нашим приходом Ляховичи ожили, как будто сразу приблизились к Москве на несколько сот километров. Казалось, что мы снова вернулись в Старую Гуту, нашу первую партизанскую столицу.

Хата, в которой устроились радисты со своей станцией, стала настоящим клубом, куда к определённом часу собирались наши и белорусские партизаны, местные колхозники за последними новостями с «Большой земли», где можно было узнать и все партизанские новости Полесья. На озере загорелись костры ледового аэродрома, принимавшего за ночь по несколько самолётов из Москвы. В Ляховичах появились люди в синих комбинезонах и меховых унтах — пилоты, бортмеханики, штурманы, стрелки-радисты, вокруг которых на улице и в хатах на «беседках» всегда толпился народ, жаждавший узнать, как живёт, как выглядит Москва. Прилетели к нам корреспонденты центральных газет, кинооператоры, фоторепортёры, мы стали получать свежие номера «Правды». На санной дороге по озеру шло непрерывное движение транспорта. С аэродрома перевозились в Ляховичи доставленные самолётами боеприпасы: патроны, снаряды, взрывчатка, из Ляховичей на аэродром прибывали для отправки в Москву раненые и больные.

Немецкая авиация обнаружила партизанский аэродром, над озером Червонным закружились звенья «Юнкерсов». Они сбрасывали бомбы на лёд и прибрежные деревни, но к этому времени мы уже достаточно пополнили свои боезапасы — можно было продолжать рейд.

Незадолго до выступления наших отрядов с озера Червонного к нам прилетел посланец Никиты Сергеевича Хрущева, член Верховного Совета УССР тов. Бегма. Его прибытие было для нас настоящим праздником. Он привез с собой ордена и медали и в Ляховичах перед строем всех отрядов вручил их награжденным партизанам.

Тов. Бегма остался в тылу врага для руководства партизанским движением в Ровенской области. Наша задача попрежнему состояла в нанесении ударов по коммуникациям немцев в Правобережной Украине. За время стоянки на озере Червонном выслывавшиеся отсюда в дальние разведки небольшие группы партизан побывали в Ровенской, Житомирской [100] и Киевской областях. На основе их разведывательных данных был составлен план дальнейших действий. 2 февраля соединение выступило из Ляховичей, взяв направление на запад.

Предстояло выйти из Полесья и пересечь по дуге все три изученные нашей разведкой области Украины.

На просторах Украины

Время было снегопадов, вьюжное. Все батальоны выехали на крестьянских саних. В пешем строю двигался только авангард. Колонна растянулась километров на восемь. И такой массе надо было переходить линии железных дорог! Дороги эти были под сильной охраной, которая могла получить подкрепление из гарнизонов ближайших крупных станций раньше, чем многовёрстная партизанская колонна минует железнодорожный переезд. Тут приходилось прорываться с боем, блокируя гарнизоны станций, прикрываясь артиллерией, ставя её на

позиции у переездов, чтобы в случае подхода эшелонов с войсками противника сейчас же встретить их огнём.

Так было, когда после нескольких переходов лесными дорогами Полесья в западном направлении соединение, повернув на юг, в Ровенскую область, подошло ночью к железной дороге Пинск — Лунинец. Одни подразделения вели бой, а другие под обстрелом противника форсировали дорогу. Вдоль полотна светился поток трассирующих пуль. Крестьянские лошади испуганно шарахались, пятились. Чтобы предотвратить затор, поставили у въезда на полотно несколько партизан с кнутами. Они подстёгивали упиравшихся лошадей. Если лошадь падала раненая или убитая, её тотчас вместе с саними стаскивали под откос. Некоторые роты пересекали железную дорогу на галопе.

Трудно было скрыть от противника движение колонны, в которой насчитывалось более тысячи саней. Мы достигали этого тем, что то и дело меняли направление, петляли, сбивали немцев с толку, заставляли их кидаться из стороны в сторону.

С выходом на просторы Украины командование соединения заранее, так же как у себя на северной Сумщине, знало всё, что немцы намеревались предпринять против нас, и благодаря этому всегда могло во-время изменить маршрут или прибегнуть к другим контрмерам. Когда мы вступили в Ровенскую область, разведчики, уходившие далеко [101] вперёд, сообщили, что немцы собираются устроить в одном селе засаду. В село сейчас же была послана одна наша рота. Партизаны разошлись по хатам, смешались с жителями. Вскоре в село вкатилась колонна автомашин с немецкими солдатами. Они были встречены огнём автоматов и пулемётов.

Стреляли из всех окон. Тут не уцелело ни одного немца.

19 февраля партизанское соединение достигло местечка Большой Стидыне — районного центра Ровенской области» расположенного в треугольнике железных дорог Ковель — Ровно, Ровно — Сарны, Сарны — Ковель. Отсюда было выслано в разные стороны несколько партизанских групп для диверсионной работы на коммуникациях противника.

Мы шли на юг, потом повернули на восток в направлении Житомирской области.

Впереди своей колонны партизаны гнали огромный гурт скота, набранного на разгромленных базах противника, в хуторах и поместьях немецких колонизаторов. Этот скот мы раздавали на днёвках колхозникам, ограбленным немцами, возвращали его хозяевам.

Леса редели. Хвойные сменялись лиственными. Простора было всё больше и больше. Утром, стоя на кособоре у въезда в село, можно было увидеть всю колонну, растянувшуюся лентой по дороге, уходившей в даль снежного поля. Сёла, в которых мы останавливались на днёвки, были уже совсем не те, что в Полесье, — белые мазанки, сады, тополя, ивовые плетни.

Родная Украина! Впервые здесь народ видел такую мощную партизанскую колонну. Люди своим глазам не верили. Пушки в шестиконной упряжке, крупнокалиберные миномёты — неужели это партизаны? Да не Красная ли это Армия уже вернулась?

Партизанские батальоны вступали в сёла с песней, сложенной одним из наших бойцов в Брянских лесах перед выходом в Сталинский рейд на Украину.

...Идём, не сгибаясь, в железном строю
За счастье народа, за землю свою,
Чтоб снова на ней, на земле на родной.
Стояли хлеба золотою стеной,
Чтоб яблони снова дымились в цвету,
Чтоб вольная песня неслась в высоту...
О мать-Украина — родная земля!
Мы вражеской кровью напоим поля,
За все твои раны врагу отомстим.
Живому отсюда уйти не дадим. [102]

А какая радость была, когда наши радисты, поймав волну станции, на которой работало украинское радиовещание, устанавливали репродуктор и партизаны вместе с колхозниками слушали выступления членов советского правительства Украины и Центрального Комитета КП(б)У!

В эти дни Красная Армия, начавшая массовое изгнание немецких оккупантов с советской земли, вела уже наступательные бои на территории Украины, на подступах к Харькову, в Донбассе. Близился час освобождения. В приказе товарища Сталина, объявленном по радио в 25-ю годовщину Красной Армии, которую мы праздновали в одном из сёл Ровенской области, перед нами, партизанами, ставилась задача шире раздуть пламя борьбы в тылу врага, всеми силами, всеми средствами помогать наступающей Красной Армии. Нашим ответом на этот приказ вождя был крепкий удар по железной дороге Ковель — Ровно, где партизанские группы разгромили станцию Цумань и пустили под откос несколько эшелонов с войсками противника. В день праздника Красной Армии командование соединения получило в подарок от местных жителей и партизан тачанку в упряжке тройки карих рысаков с одинаковыми звездами на лбу, с нарядной сбруей, на которой медные бляхи сверкали, как золотые. Эта тачанка стала моим походным штабом. По каким только дорогам Украины не привелось ей мчаться, через сколько рек переправляться по льду, на паромках, плотках, по наплавным мостам и вброд!

Началась распутица. В сёлах нас встречали уже с букетами весенних цветов. Дальше ехать на саних нельзя было — оставили их колхозникам, боеприпасы и продовольствие перегрузили на повозки. Часть бойцов села верхом на освободившихся лошадях. На днёвках всадники ковали в сельских кузницах стремена, оборудовали сёдла-самоделки. Так создавался наш эскадрон, командиром которого был назначен бывший бухгалтер Ленкин, получивший у партизан прозвище Усач. По размерам усов он перешеголял всех наших усачей, далеко оставив за собой Руднева. Этот бухгалтер оказался прирождённым кавалеристом, несравненным по лихости командиром. И бойцы эскадрона подобрались под стать своему командиру. Были среди них живописные фигуры, одним видом наводившие панику на немцев. Никогда не забудешь Лёшу-кавалериста, получившего это прозвище ещё будучи связным штаба. Надо было видеть его, когда он скакал, обгоняя колонну: конь невероятных размеров, вроде [103] битюга, с оторванным хвостом, пойдёт галопом — земля гудит, на всаднике — огромная соломенная шляпа с петушиным пером, весь он оплетён ремнями, увешан сумками, планшетками, фляжками, биноклями, на боку — сабля диковинной величины. Все трофейное, только чуб свой, казачий...

Приближаясь к Киевской области, где предстояло нанести удар по железной дороге Киев — Коростень, мы запросили по радио Москву, нельзя ли получить взрывчатки, запас которой уже нуждался в пополнении. Москва взяла наши координаты и условные знаки. Продолжая марш, мы всё время прислушивались к воздуху. Над нами часто шумели моторы немецких транспортных самолётов. Опасаясь партизан, немцы летали на большой высоте. Однако одну транспортную машину врага удалось сбить ружейно-пулеметным огнём. Это было недалеко от города Костополя. Вскоре мы услышали ночью знакомый звук советского мотора. Зажгли костры. Самолёт, покругившись над нами, стал сбрасывать грузовые парашюты. Специальная команда партизан, стоя у костров, подхватывала падающий на огонь груз огромной взрывчатой силы и укладывала его на подводы. Вслед за этим самолётом той же ночью прилетели ещё два «москвича». Мы получили не только тол, но и свежие московские газеты.

Месяц продолжался наш поход с озера Червонного. Мы шли открытыми, густо населёнными местами, взрывая по пути мосты, громя станции, гарнизоны, склады, и всё-таки выход партизанского соединения под Киев оказался для немецкого командования полной неожиданностью. Должно быть, такая дерзость казалась немцам просто невероятной. Они всполошились, когда мы были уже в 80–100 километрах от Киева.

8 марта на виду противника, начавшего уже насаждать на нас, партизанские батальоны под прикрытием группы автоматчиков переправились через разлившуюся в весеннем половодье реку Тетерев. Переправа происходила по узкой полоске льда, задержавшейся на одном крутом повороте русла. Потом эта ледяная перемычка была взорвана. На другой день у села Кодра немцы атаковали нас двумя батальонами, пытаясь отбросить от железной дороги Киев — Коростень. После короткого боя противник отступил в беспорядке. Преследуя его, партизаны перешли ночью железную дорогу и 10 марта остановились в селе Блитча Иванковского района. Наши роты ворвались в это село с такой стремительностью, что немецкая полиция не сумела даже предупредить [104] по телефону своё начальство в районе о приближении партизан, хотя телефонная связь не была прервана. Мы воспользовались этим и несколько часов слушали телефонные разговоры, происходившие между полицейскими соседних сёл, не подозревавших, что в Блитче их слушают партизаны. Эти разговоры дали нам полную картину того, что

происходило в Иванковском районе в связи с появлением здесь партизан. Вызывают из Иванково:

— Блитча, Блитча, Блитча! Что за чорт!

Блитча не отвечает. Отзывается голос из другого села:

— Иванково, кто это у телефона?

— Я — начальник полиции. А вы кто?

— Из Коленцы полицай. В Блитче, должно быть, староста загулял.

— Это бы ещё ничего. Мне думается, что там что-то другое.

— Думаете, партизаны?

— Надо выяснить, что там. Пошлите кого-нибудь с верёвкой и топором, как будто в лес, по дрова. Пусть он посмотрит, что делается в Блитче.

Я сейчас же приказал выслать несколько бойцов в лес в направлении села Коленцы, и вскоре они привели одетого в крестьянское платье полицейского с топором и верёвками. Тот сознался, что его послали в Блитчу для разведки.

Продолжаем подслушивать телефонные разговоры. Иванково вызывает Коленцы:

— Ну как, посылал в Блитчу?

— Послал, но ещё не вернулся.

— Пошлите кого-нибудь на подводе. Положите мешка два картошки, как будто знакомой тётке везёт.

— Хорошо, сделаем. А у вас что слышно?

— Войска прибывают из Киева. Машина за машиной. С пушками и миномётами.

Снова посылаю несколько бойцов в направлении села Коленцы. Возвращаются на подводе с картофелем, привозят второго немецкого разведчика. Допрашиваем его и одновременно готовим немцам встречу. Один батальон располагается в километре от села, окапывается.

Батарея встает на позицию. Две роты уходят в лес, чтобы с появлением противника ударить ему во фланг и тыл. Все дороги берутся под наблюдение. Между тем Иванково опять вызывает Коленцы.

— Ну что, никто не вернулся из Блитчи? [105]

— Послал ещё одного, но ни того, ни другого нет. А у вас что нового?

— Все улицы войсками забиты. Кажется, на Блитчу идут.

Противник подошёл к Блитче 11 марта. В наступлении участвовало около двух батальонов немцев и немецко-украинских националистов. Партизаны подпустили противника на близкое расстояние и встретили ураганным огнём сразу из всех видов оружия, включая пушки. Две роты, посланные заранее лесом в обход немцев, отрезали им путь отступления на Коленцы. Противник был прижат к реке Тетерев. Здесь бой превратился в побоище немцев. Ошалевшие от страха солдаты бросали оружие и кидались в широко разлившуюся реку, карабкались на плавающие по ней льдины, но партизанские пули настигали их и там. Весь берег был завален вражескими трупами, много трупов унесло на льдинах.

Этот кровавый победный бой закончился весело. Два наших комсомольца — Радик Руднев и Ваня Черняк, «Иван Иванович», взяли в плен 18 немецко-украинских националистов, «казачков», как называли себя эти предатели. Чтобы пленные не разбежались, юные партизаны прибегли к старому надёжному способу: обрезали у них на штанах все пуговицы и отобрали пояса. Сколько смеха было, когда под конвоем двух парнишек с автоматами по селу шла толпа пленных «казачков», обеими руками поддерживавших штаны.

Уничтожив на Тетереве брошенные против нас батальоны, мы выиграли несколько дней для диверсионной работы на коммуникациях противника под Киевом. За это время партизанские группы под командованием Павловского разгромили станцию Тетерев и взорвали железнодорожный мост на линии Киев — Коростень. В те же дни группы во главе с Рудневым сожгли мост на шоссе Иванково — Киев и провели ряд других диверсионных операций вблизи Киева.

15 марта партизанское соединение, продолжая рейд, выступило из Блитчи и переправилось через Тетерев по наплавному мосту, построенному для партизан местным населением. Нам предстояло ещё выполнить вторую часть задачи, поставленной товарищем Сталиным, — произвести разведку немецких укреплений на Правобережье. Перед выходом на Блитчи мы получили по радио через Украинский штаб партизанского движения приказ товарища Хрущева, нацеливавший нас для выполнения этой задачи в район нижнего течения Припяти. [106]

Бои на Припяти

В первых числах апреля немцы, открывая навигацию на Припяти, отправили из Чернобыля на Мозырь караван судов — пароход «Надежду» и пять барж под охраной бронекатера. 6 апреля этот караван подошёл к селу Аревичи. К этому времени мы уже переправились через Припять на паромах, которые сами строили. Штаб расположился в Аревичах, а батальоны — в окружающих сёлах Хойницкого района. Немецкий караван совершенно неожиданно для команды судов оказался под прицелом наведенных на него 45-мм пушек партизан. Внезапным огнём артиллерии пароход и баржи были подожжены, а затем потоплены. Ускользнул только катер.

На Припяти. Мост готов

На следующий день немцы выслали против появившихся на Припяти партизан целую флотилию: два бронированных парохода и четыре бронекатера. Наша разведка обнаружила эту флотилию, когда она была ещё далеко от Аревичей. Мы успели хорошо подготовиться к её встрече. В стороне от села, вниз и вверх по реке были выдвинуты засады с бронебойками и пулемётами, между ними, в центре, расположились штурмовые роты с пушками. При подходе к Аревичам, ещё километрах в пяти от села, немцы начали пулемётный и артиллерийский обстрел обоих берегов. Берега молчали. Пароходы и катера, непрерывно ведя огонь, медленно прошли мимо засады, хорошо замаскировавшейся у самой воды. Когда флотилия вошла в клещи, по судам с дистанции в несколько десятков метров ударили пушки и пулемёты штурмовых рот. Пулемётный ливень согнал команды пароходов и катеров с палуб в трюмы. Первыми выстрелами из пушек было сбито рулевое управление головного парохода. Он завихлял по реке и сел на мель. Второй подошёл к его борту, вероятно, чтобы взять на буксир, но никто из команды не осмелился высунуться на палубу. Несколько минут оба парохода стояли посреди реки борт к борту под огнём пушек. Сначала загорелся первый, севший на мель. Второй стал отшвартовываться от него и в этот момент тоже загорелся. Охваченный пламенем, он поплыл вниз по реке. Течение сносило его в нашу сторону. Как только пароход прибило к берегу, на его палубе уже были партизаны. Немцы, засевшие в трюме, отчаянно отбивались. Ведя на горящем пароходе рукопашную схватку, партизаны одновременно спасали снаряды, перетаскивали их на берег. [107]

С головным пароходом, севшим на мель, пришлось повозиться дольше. Течение повернуло его носом к берегу, так, что снаряды плохо ложились — скользили по бортовой броне.

Артиллеристы решили переменить позицию. Тут несколько горячих голов не утерпело — вскочили на лодки и поплыли к пароходу, заходя к корме. Немцы открыли по ним огонь, но высовываться боялись, стреляли через иллюминаторы, вслепую, вдоль бортов. Поднявшись на палубу, партизаны стали прошивать её огнём из стоявшего тут же немецкого крупнокалиберного пулемёта. Немцы из трюма тоже ответили пальбой сквозь палубу. Артиллеристы тем временем, переменив позицию, возобновили обстрел парохода. Партизаны вернулись на берег. По палубе дым повалил. Вдруг на берегу слышат, что кто-то кричит из клубов дыма:

— Хлопцы, берите трошки поныжче, а то ще и мене зацепите.

С берега спрашивают:

— Кто це там кричит?

— Та це ж я, хлопцы, Мишка Дёмин.

— А чего ты там крутишься, як бис у пекли?

— Фрицев стерегу, щоб не втекли.

Оказалось, что один из наших бойцов остался на горящем пароходе, ни за что не хотел уходить

— боялся, что немцы как-нибудь улизнут, если он не будет сторожить их на палубе с

автоматом.

Артиллеристы кричат ему:

— Тикай, бис...

А он одно заладил:

— Не бойтесь, хлопцы, тилько берите трошки поныжче.

Так он и сторожил немцев на горящем пароходе под обстрелом пушек, пока пламя не проникло в трюм, о чём мы узнали по страшному визгу, вдруг донесшемуся оттуда.

— Теперь вже не втикут! — услышали на берегу радостный голос Демина.

Он выпрыгнул из клубов дыма и поплыл к берегу, когда пароход уже начал тонуть.

На Припяти. Партизаны осматривают захваченный у немцев пароход

Вся зажатая в клещи флотилия была уничтожена. Только трём немцам из её команды удалось выбраться на берег и скрыться в кустах. Но и они недалеко ушли. На другой день прибегает к нам девочка из села Молочки, кричит:

— Дяденьки партизаны, у нас немцы!

Это и были те самые. Блуждали по лесам и болотам, изголодавшись, пришли ночью в село и в первой попавшейся хате потребовали еды. Хозяин хаты, улучив минутку, шепнул [108] дочке, чтобы бежала к нам. Я тотчас послал в Молочки группу бойцов, но они опоздали. Кто-то из немцев, жадно схватив принесенную хозяином кринку молока, выронил автомат. Колхозник, воспользовавшись случаем разделаться с немцами самому, не дожидаясь помощи, подхватил автомат и дал очередь. Двое упали замертво, но третий успел ещё бросить гранату, которая, разорвавшись, ранила хозяина хаты. Этого смелого колхозника, Кравченко Виктора Петровича, партизаны привезли из Молочки в Аревичи, откуда он вскоре был отправлен на самолёте в Москву на излечение.

В первые же дни стоянки в Аревичах мы оборудовали неподалеку от села аэродром. Здесь мы приняли немало самолётов с «Большой земли», увидели новые советские фильмы «Суворов» и «Разгром немцев под Москвой», прослушали доклад о международном положении, прочитанный лектором Центрального Комитета КП(б)У.

До линии фронта от нас было ещё несколько сот километров, но это расстояние уже мало ощущалось, так как повседневно мы чувствовали руководство партии и советского правительства. За время рейда мы не раз получали радиogramмы от товарища Хрущева с его указаниями и поздравлениями, которые необычайно воодушевляли наш народ.

Перед выходом в рейд мне и Рудневу было присвоено звание генерал-майора. Генеральскую форму мы тогда не успели получить. Она была выслана из Москвы на самолете вдогонку нам. Когда я и Руднев впервые надели её, это сразу сказалось на внешнем виде всех наших партизан: все невольно подтянулись, стали строже к себе. В генеральской форме командира и комиссара люди увидели знак высокой оценки советским правительством всего нашего партизанского соединения.

У переправы на Припяти. В центре (справа) Д. С. Коротченко, С. В. Руднев и С. А. Ковпак

20 апреля к нам прибыл секретарь ЦК КП(б)У Демьян Сергеевич Коротченко с группой работников ЦК партии и ЦК комсомола Украины. По всем батальонам были проведены собрания — встречи партизан с Демьяном Сергеевичем. Появление секретаря ЦК КП(б)У на партизанской стоянке произвело неизгладимое впечатление на бойцов и командиров. В тот же день многие подали заявления о приеме их в партию. Созданная после прибытия товарища Коротченко парткомиссия соединения работала дни и ночи, разбирая поданные в партию заявления, оформляя партийные дела.

Словом, жизнь у нас шла так, что иной раз мы просто забывали, что находимся на территории, оккупированной немцами, [109] глубоко в тылу врага. Недаром советские люди, говоря о районах, оккупированных немцами, всегда прибавляли слово «временно». Именно временно, и не только потому, что мы никогда не сомневались в скором изгнании немцев с советской земли, но и потому, что по-настоящему немцы никогда не были хозяевами положения в захваченных ими районах.

В дубовой роще у села Милашевичи. Начальник украинского штаба партизанского движения генерал-майор Строкач вручает правительственные награды партизанам. Слева С. А. Ковпак и Д. С. Коротченко

По соседству с нами в междуречье Днепра и Припяти действовали крупные партизанские отряды, в числе их отряды товарища Фёдорова.

С прославленным командиром черниговских партизан Алексеем Фёдоровичем Фёдоровым, ныне дважды Героем Советского Союза, мы встретились во время боя с немецкой флотилией на Припяти. Он прибыл с группой всадников на мой командный пункт, чтобы установить с нами связь. Тогда же мы быстро договорились с ним о взаимопомощи. Вскоре последовал наш совместный удар по немецкому гарнизону города Брагина. Одним нашим соединением в Брагине было уничтожено больше четырехсот солдат и офицеров. Противник смог ответить на этот удар только беспорядочными бомбардировками с воздуха партизанских сёл.

Больше месяца мы простояли в Аревичах, ведя разведку правобережья Днепра. Ещё в Брянских лесах, перед выходом в рейд, к нам прибыл Пётр Петрович Вершигора, получивший у партизан прозвище Борода. Сначала его называли у нас фотографом, так как он никогда не расставался с «лейкой». Этот бородач, бывший кинооператор, спустившийся в тыл врага на парашюте, оказался по своему характеру прирождённым разведчиком, человеком исключительной выдержки и самообладания. Он стал моим помощником по разведке. Под его руководством

работала группа дальних разведчиков. В числе их было несколько женщин. С помощью местных жителей они проникали всюду, вплоть до немецких комендатур и штабов. Неподалеку от нас, в городе Хойники, стояла гарнизоном словацкая часть под командованием подполковника Гусар Йозефа. Мы решили попытаться склонить насильно мобилизованных немцами словаков к совместной с нами борьбе против немцев. Я написал письмо к словацкому подполковнику. Одна из разведчиц Вершигоры, бывшая учительница Александра Карповна Демитчик, взялась лично передать это письмо адресату.

Эта отважная женщина направилась прямо в штаб словацкой части. Явившись туда в изящном шёлковом платье, она легко добилась аудиенции у подполковника. Разговор [110] происходил с глазу на глаз. Ознакомившись с письмом, словацкий офицер спросил разведчицу:

— А что вы скажете, если я сейчас же прикажу вас расстрелять?

— Что ж, я готова к этому, я знала на что иду, — ответила Александра Карповна.

Он был поражён её спокойствием и спросил:

— Что вас заставило идти на смерть?

— Ненависть к немцам, которые хотят поработить мою родину.

— Мы, словаки, тоже ненавидим немцев, — сказал подполковник. — Я вас не выдам, но, к сожалению, предложение вашего командования принять не могу. Если мы перейдём на сторону Красной Армии, немцы немедленно расстреляют наши семьи. Мы уже предупреждены об этом. Пока я могу обещать только, что в случае, если наша часть принуждена будет выступить против партизан, солдаты будут стрелять вверх.

Прощаясь с разведчицей, словацкий офицер предупредил, что немецкое командование концентрирует крупные силы с целью прижать партизан к устью Припяти и потопить их здесь.

Разговор с командиром словацкой части в Хойниках происходил 29 апреля. Вскоре о готовящемся наступлении немцев мы узнали и из других источников. 7 мая партизанское соединение выступило из Аревичей на север, к железной дороге Гомель — Калинковичи. В ночь на 12 мая мы подошли к этой дороге на перегоне Нахов — Голевицы и встретили здесь укреплённую оборону противника. По всей линии были настроены дзоты, вырыты окопы, протянуты проволочные заграждения, у переездов лес был вырублен на 200–300 метров, на лесных дорогах, ведущих к переездам, устроены завалы. Мы попытались прорвать оборону противника, но к утру немцы начали получать сильные подкрепления, и нам пришлось выйти из боя, изменить маршрут.

Решено было перейти на правый берег Припяти, в южное Полесье. Один батальон выступил вперёд для постройки переправы через Припять у села Вяжище. Остальные батальоны и батарея заняли оборону у села Тульговичи для прикрытия переправы. Командование этой сводной группой было поручено помощнику начальника нашего штаба Войцеховичу, молодому командиру, заменившему Курса, который героически погиб в бою у Брянских лесов. Посылая Войцеховича командовать, Руднев сказал ему в напутствие:

— Ну, сынок, надеемся на тебя — держись! [111]

Немецкое командование бросило против партизанского соединения части двух полевых дивизий, снятых с фронта. Утром 17 мая партизаны были атакованы у Тульговичей с земли и с воздуха.

Войцехович занимал оборону впереди села. Партизаны отрыли здесь окопы полного профиля. Целый день они отбивали ожесточённые атаки немецкой пехоты, наступавшей при поддержке десяти танков и нескольких бомбардировщиков. В это время батальон, посланный на Припять, вторые сутки без отдыха скрытыми путями подвозил лесоматериал к месту переправы и вёл разведку правого берега. Оказалось, что всё правобережье Припяти от устья до Мозыря занято противником, во всех сёлах стоят немецкие гарнизоны.

Таким образом, партизанское соединение оказалось в клещах во много раз превосходящих сил противника. Каждому бойцу ясно было, в каком положении мы очутились, но никто не упал духом. В наших рядах находился секретарь ЦК КП(б)У товарищ Коротченко. Это удесятёряло силы бойцов и командиров. Артиллеристы и бронебойщики расстреливали танки и бронемашину противника чуть ли не в упор с возгласами «Да здравствует Сталин!» К концу дня, потеряв убитыми свыше трехсот человек, оставив на поле боя четыре подбитых танка, танкетку и бронемашину, немцы отошли на исходные позиции.

Часть партизанских рот сейчас же была снята с обороны в Тульговичах и послана на постройку моста. Одновременно несколько рот передового батальона, переправившись на лодках через

Припять, захватили плацдарм на правом берегу. В 9 часов вечера из Тульговичей двинулись к реке последние подразделения. Осталось только 15 конников. Рассыпавшись по всей опустевшей линии обороны, они время от времени освещали местность ракетами, чтобы противник не догадался об уходе партизан из Тульговичей.

В два часа ночи основные силы партизанского соединения сосредоточились у переправы. Мост не был готов ещё и наполовину. За строительство взялись все. Заткнувши полы шинели за пояс, вышел на берег и товарищ Коротченко с группой прибывших с ним работников ЦК партии и ЦК комсомола Украины. Около полутора тысяч бойцов и командиров всю ночь работали по пояс в холодной воде, стаскивая брёвна в реку и связывая их проволокой в плоты. К утру весь мост длиной в 200 метров был связан у левого [112] берега. Стали разворачивать его поперёк Припяти. Сначала течение и ветер, дувший по течению, помогали нам. Но как только мост, развернувшись, стал поперек реки, тросы натянулись и течение, усиленное ветром, разорвало связки плотов сразу в двух местах. Вся работа чуть было не пропала, казалось, что весь мост сейчас сорвётся с тросов и река разнесёт его в клочья. Но люди бросились на мост, в лодки, и спустя несколько минут разорвавшиеся плоты были вновь связаны. Для большей прочности мост скрепили заранее заготовленными рельсами узкоколейки.

В шесть часов утра началась переправа. Весь груз пришлось переносить на руках, так как даже под пустой повозкой мост погружался в воду на 20–25 сантиметров. Труднее всего было с 76-мм пушками. Я приказал переправлять их на руках. Когда артиллеристы под командой Деда Мороза, своего «папаши», как они его называли, тащили по мосту первую пушку, сердце сжалось. Мост ушёл под воду больше чем на полметра. Людей, тянувших пушку, течение сбивало с ног. Они срывались с моста, плыли, цеплялись друг за друга и снова под командой «папаши» тянули пушку по глубоко опустившемуся в воду мосту.

Между тем противник перешёл в наступление на наши роты, оборонявшие плацдарм на правом берегу. Там завязался бой. Один пулемёт немцев начал обстреливать переправу. Удачными выстрелами 45-мм пушки этот пулемёт был сбит.

На левом берегу, в районе села Тульговичи, забухала немецкая артиллерия, открывшая огонь по месту нашей вчерашней обороны. Введённые в заблуждение ракетами, которыми наши кавалеристы всю ночь освещали местность под Тульговичами, немцы долго обстреливали покинутые партизанами позиции. Когда противник обнаружил, что стреляет по пустому месту, и бросился к реке, партизанские батальоны со всем своим обозом и скотом уже переправились через Припять и разрушили за собой мост.

Сосредоточившись на небольшом плацдарме, стойко оборонявшемся передовыми ротами, все три батальона ударили одновременно в разных направлениях. Противник был опрокинут, ворота в южное Полесье открыты.

За два дня боёв немцы потеряли не меньше тысячи человек убитыми, восемь танков и три бронемшины. Так закончилась попытка гитлеровцев уничтожить партизан на Припяти. [113]

На Карпаты

После того, что было на Припяти, дубовая роща у села Милашевичи, где мы остановились на отдых в первых числах июня, показалась нам каким-то исключительно красивым и мирным уголком. Это — в Лельчицком районе Полесья, неподалеку от села Глушкевичи — места нашей стоянки в декабре прошлого года, когда мы взрывали железнодорожные мосты под Сарнами.

Народ нас здесь не забыл. Приятно было услышать в этих глухих полесских селах песню про то, Как хлопцы шагали и в дождь и в пургу

На страх и на лютую гибель врагу,

Как били его богатырской рукой

За древним Путивлем, за Сеймом-рекой.

Эта песня, сложенная одним путивльским партизаном, стала нашим боевым маршем. Народ услышал её здесь во время декабрьской стоянки соединения в Лельчицком районе, и когда мы вернулись, девушки встретили нас нашей же песней. Запомнили её, запала, значит, она им в сердце!

Как далеко разнеслись песни путивлян!

Если считать все петли, которые мы делали в пути, чтобы обмануть противника, сбить его с наших следов, обойти сильный гарнизон, появиться там, где враг меньше всего ждёт, если учесть все отклонения от основного маршрута, выходы на боевые операции, — с начала Сталинского рейда пройдено больше 6 400 километров.

Партизанскую песню, родившуюся в Брянских лесах, Слышал народ под Черниговом, Пинском, Сарнами, Ровно, Житомиром, Киевом, Мозырем. И всюду, где днём раздавалась эта песня, ночью враг испытывал на себе богатырскую руку партизан. За время Сталинского рейда нашим соединением уничтожено 14 железнодорожных мостов, 28 гужевых, пущено под откос 14 эшелонов, потоплено 15 речных судов, разгромлено 6 станций, 7 узлов связи, истреблено больше 6 тысяч гитлеровцев.

Коротким был отдых партизан у села Милашевичи. Только расположились здесь в дубовой роще, как опять к нам начали прилетать с «Большой земли» самолёты с боеприпасами, взрывчаткой, медикаментами, литературой — надо было готовиться к новому, ещё более трудному и далекому походу. Центральный комитет КП(б)У поставил перед нами задачу выйти на Карпаты и нанести удар по горным нефтяным промыслам Дрогобыча, служившим для [114] немцев одним из важнейших источников снабжения горючим Восточного фронта.

Конечно, и на этот раз, готовясь к новому походу, никто из партизан, кроме командования соединения, не знал, куда мы пойдём. Знали только, что предстоит выполнить очень почётную задачу, проникнуть в ещё более глубокий тыл врага, в районы, где он чувствует себя смелее, где опасность для нас во много раз возрастёт, и, главное, знали, что мы опять идём в поход с ведома Сталина.

Каждый вечер возле штаба у костра вокруг товарища Коротченко собирались партизаны, пели песни, беседовали. Каких только вопросов не задавали бойцы товарищу Коротченко, но я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь спросил:

— А куда, Демьян Сергеевич, мы пойдём теперь, в какие края?

Никогда не спрашивать куда, зачем идём, полностью полагаться на командование, стало у нашего народа законом, и я не помню, чтобы кто-нибудь его нарушил, хотя, казалось бы, у бойцов не раз должен был возникать вопрос: почему мы вдруг сворачиваем в сторону, возвращаемся назад, делаем такую петлю?

Когда партизанская колонна неожиданно изменяла маршрут, бойцы обычно запевали:

Широка страна моя родная,

Много в ней лесов, полей и рек!

После митинга, на котором Руднев, говоря о предстоящем походе, намекнул, что, возможно, нам придётся побывать в тех краях, где зреет виноград, в лесу долго не умолкала эта песня о Родине.

На одном из самолётов прибыл к нам начальник Украинского штаба партизанского движения генерал-майор Строкач. Он привёз ордена и медали награждённым за отличие в боях. Здесь в дубовой роще Полесья получили правительственные награды несколько сот бойцов и командиров, в числе их все путивляне, начавшие свой боевой путь в Спадщанском лесу. Радостный это был день. Все наши мысли были обращены к товарищу Сталину. Когда вручались награды, каждый из нас думал: это его забота, его внимание, нашего отца, пославшего нас в дальний и славный путь; в каком бы глубоком тылу противника мы ни очутились, всюду Сталин увидит нас, будет следить за каждым нашим шагом, всюду мы будем чувствовать его отеческую заботу, его руководство. И я по глазам видел: [115] скажи сейчас, что надо идти в поход за тридевять земель, в тридесятое царство, и пойдут, ничто не остановит — никакие реки, никакие горы.

Перед выходом в поход на Карпаты с обратными рейсами самолётов была отправлена на «Большую землю» новая партия раненых и больных партизан. Пришлось нам проводить в Москву и Деда Мороза. Как ни крепился старик, зимой для закалки обтиравшийся на воздухе ледяной водой, но здоровье всё-таки сдало. После переправы через Припять Деда Мороза разбил такой ревматизм, что он ни рукой, ни ногой не мог шевельнуть. В Милашевичи артиллеристы везли своего «папашу» на подводе и кормили его с ложки.

Не хотелось Алексею Ильичу покидать отряд. Прощаясь, он со слезами на глазах говорил своим боевым друзьям:

— Только бы вылечили меня в Москве, а как встану на ноги, я живо к вам прилечу обратно, найду своих хлопцев, где бы они ни были.

12 июня партизанское соединение после напутствия, полученного от товарища Коротченко, выступило в поход на Карпаты. Почти два месяца пробыл с нами Демьян Сергеевич, неся тяготы, лишения и опасности партизанской жизни наравне со всеми бойцами и командирами. Крепко сроднился с ним наш народ. Теперь он получил новое задание Центрального Комитета партии и должен был расстаться с нами. Провожая партизан, товарищ Коротченко долго стоял на дороге, смотрел вслед ротам, с песнями уходившим в даль.

— Какой народ! — сказал он мне, прощаясь. — Если бы мог, обязательно пошёл с вами.

Успех нашего нового похода зависел прежде всего от того, сумеем ли мы появиться на Карпатах так же внезапно для противника, как весной под Киевом.

Выйдя из лесов и болот южного Полесья в поля Западной Украины, мы должны были пройти три области — Ровенскую, Тарнопольскую и Станиславскую, форсировать несколько больших рек, пересечь до десятка железных дорог. Может ли партизанская колонна, растягивающаяся по дороге на 8–10 километров, совершить такой марш скрытно, не обнаружив себя?

За время маневренных действий у нас постепенно выработались свои железные законы партизанского марша. Выступать в поход с наступлением темноты, а при дневном свете отдыхать в лесу или в глухих сёлах. Знать всё, что [116] делается далеко впереди и по сторонам. Не итти долго в одном направлении, прямым дорогам предпочитать окольные, не бояться сделать крюк или петлю. Проходя мимо крупных гарнизонов врага, прикрываться от них заслонами. Небольшие гарнизоны, заставы, засады уничтожать без остатка. Ни под каким видом не нарушать в движении строй, никому не выходить из рядов. Всегда быть готовыми к тому, чтобы через две минуты после появления врага походная колонна могла занять круговую оборону и открыть огонь на поражение из всех видов оружия. Одни пушки выезжают на позиции, а другие тем временем бьют прямо с дороги. Главные силы идут глухими просёлками, тропами, дорогами, которые известны только местным жителям, а диверсионные группы выходят на большаки и железнодорожные линии, закрывают их для противника — рвут мосты, рельсы, провода, пускают под откос эшелоны. Там, где идёт ночью партизанская колонна, — тишина, а далеко вокруг все гремит и пылает. Вступаешь в село — подымай народ на борьбу, используй для этого всё — листовки, радио, агитаторов, вооружай местных партизан, учи их своему опыту, чтобы завтра, когда будешь далеко, позади тебя не затухало пламя пожаров, не умолкал грохот взрывов. Ни в коем случае не говори «мы — путивляне», «мы — шалыгинцы», «мы — глуховцы», забудь названия своих районов. Никто не знает, куда мы идём, и никто не должен знать, откуда мы пришли. Весь народ воюет. И мы только струйка в грозном потоке народа. Пусть враг попробует найти нас.

Строго соблюдая эти законы партизанского марша, мы прошли за месяц 600 километров — обогнули с севера Ровно, повернули на юг между Ровно и Луцком, миновали Тарнополь и взяли направление на запад, к Днестру. По пути было пущено под откос 12 немецких эшелонов, взорвано 13 железнодорожных и шоссейных мостов, и всё-таки наше появление на подходах к Днестру было для немцев настолько неожиданным, что они приняли партизан за десантников, сброшенных на парашютах. По дорогам замечались на машинах отряды жандармерии. Один такой отряд наскочил на нас у города Скалат. Мы стояли тут на днёвке, расположившись на опушке леса. Решив, что перед ними небольшой отряд советских десантников, немецкие жандармы развернулись в цепь и пошли в «психическую» атаку на партизанское соединение, насчитывавшее около двух тысяч бойцов. Мы подпустили этих молодчиков на такое расстояние, что могли позабавиться при виде того, как [117] быстро изменилось выражение их лиц, когда вдруг ожила вся опушка леса, навстречу врагу поднялась лавина партизан и из-за деревьев выскочил эскадрон во главе с Усачем — Ленкиным, следом за которым скакал на своём гигантском битюге живописный Лёша-кавалерист. Жандармов, как ветром сдуло.

Остались только автомашины, на которых они прикатили в Скалат.

После этого начался страшный переполох среди немецких властей во всех южных районах Тарнопольской области. Ещё до нашего приближения они удрали из Бучача, Монастырищ и Галича. Теперь всё решала быстрота движения. С 12 июля мы шли параллельно Днестру. Надо было переправиться через Днестр и подойти к нефтяным вышкам Дрогобыча раньше, чем немцы организуют их оборону, сосредоточат против прорвавшихся в горы партизан превосходящие силы.

Разведчики Вершигоры, успевшие уже побывать под Львовом, сообщили, что немцы подняли на ноги все свои гарнизоны в близлежащих городах, что горно-стрелковые полки, следующие

из Норвегии на Восточный фронт, задержаны в пути и уже выгружаются из эшелонов. Нашей разведкой был перехвачен документ, из которого мы узнали, что немецкое командование выделило 500 автомашин для переброски войск в горы. В поисках удобной переправы мы двигались вдоль Днестра стремительным маршем, делая за переход по 60 километров. «Теперь промедление — смерти подобно», — говорили командиры бойцам.

Немецкое командование стягивало к переправам через Днестр 4 и 13-е эсэсовские полицейские полки и отряды жандармерии. Но партизаны опередили врага. Темной ночью 15 июля кавалерия Ленкина скрытно подошла к мосту у села Сивки, севернее Галича. С криком «ура» появившиеся из тьмы конники лавой обрушились на ошеломлённую охрану, и она была перерублена, прежде чем успела открыть огонь. К утру партизанское соединение было уже на том берегу Днестра.

Исходным пунктом для удара по нефтяным промыслам мы избрали Чёрный лес, что к западу от города Станислава, у подножья Карпат. Чтобы войти в этот лес, надо было форсировать ещё реку Ломницу. Это была первая встретившаяся на нашем пути река с быстрым горным течением. Мы подошли к ней 16 июля. Немцы к этому времени успели уже выставить у каждого возможного места переправы по батальону пехоты с танками. [118]

Бродов было несколько. С помощью местных жителей мы выбрали наиболее удобные — между сёлами Медыня и Блудники. Здесь я собрал в кулак все наши пушки и миномёты. Чтобы распылить внимание врага, партизанские группы вышли к берегу реки фронтом в 25 километров. Немцам всюду пришлось быть настороже.

В ночь на 17 июля партизанские пушкарки и миномётчики обрушили огонь своих орудий на вражеский берег. Сейчас же началась переправа. Одни роты переходили реку, а другие сковывали боем немецкие гарнизоны на флангах — в Медыне и Блудниках.

Бурный поток горной реки валил людей с ног, приходилось идти цепочками, держась за руки, помогать друг другу преодолевать течение. Выбравшись на берег, промокшие до нитки бойцы бросились в атаку с песней о Родине.

В походе на Карпаты наш народ особенно полюбил эту песню. Как грозно подымалась она вдруг во тьме ночи, в грохоте боя!

Широка страна моя родная...

Какой мощью наливались голоса, когда сотни людей, идя в атаку, вкладывали в слова песни всю гордость своей Родиной, всю свою любовь к ней, всё своё мужество, всю ненависть и презрение к врагу.

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей...

Да, и здесь, на Карпатах, как и у себя в Путивле, в Глухове, Шалыгине, Кролевце, мы были на своей земле, хозяевами этой земли.

Тысячи километров прошли мы по дорогам Украины, разжигая пламя партизанской борьбы, пламя народной мести, и враг был бессилён остановить грозное движение наших непрерывно растущих колонн. Не смог задержать он нас ни на Днестре, ни на Припяти, ни на Днестре. Не задержит и здесь. Партизаны говорили: пусть хоть сто тысяч чертей выставят против нас немцы, мы пробьём себе дорогу к нефтяным промыслам.

Стремительной атакой оборона немцев на Ломнице между сёлами Медыня и Блудники была прорвана. Вражеские батальоны, стоявшие в соседних сёлах, не смогли притти на помощь атакованным: они сами с минуты на минуту ждали нападения партизан. Переправа была закончена благополучно. Не повезло только овцам. Мы гнали с собой [119] на Карпаты для продовольствия большую отару овец. На Ломнице много их было унесено быстрым течением.

Продолжаем марш к Чёрному лесу. На подходе к нему, когда наши подрывники взрывали мост на дороге Станислав — Калуш, над хвостом колонны закружились немецкие самолёты. Они давно уже охотились за нами. Наконец напали на след партизан! На радостях один немецкий разведчик подлетел к мосту на небольшой высоте. Как раз в этот момент раздался взрыв. Воздушная волна отшвырнула самолёт в сторону, как щепку.

Партизанские батальоны быстро втягиваются в лес. Над нами пронзительно воют «Мессеры» с жёлтыми крестами на фюзеляжах, пикируют к самым деревьям, точно пытаясь разглядеть, что делается в чаще. А партизаны посмеиваются:

— Теперь ищи-свищи, господин Мессершмитт!

Закончился поход степными просторами, оттремели схватки на водных рубежах и у железнодорожных переездов. На коротком отдыхе в Чёрном лесу, вокруг разведенных в ямках костров, у всех одна мысль: что ждёт в горах — на крутых лесистых склонах и в ущельях Карпат?

Командование отрядов знало, что собирается гроза. Со всех сторон к горам подтягивались эсэсовские и горно-стрелковые полки немцев. На границе Чехословакии, до которой горными дорогами оставалось всего несколько десятков километров, сосредоточивались венгерские полки. Проморгав нас на речных переправах, враг надеялся теперь захлестнуть партизанское соединение в горах огромной петлёй.

Перед выходом из Чёрного леса у дороги к нефтяным промыслам нас подстерегал 4-й эсэсовский полк, расположившийся в селе Росульна. В ночь на 19 июля, когда мы двинулись к вершинам Карпат, я приказал атаковать этот полк двум нашим командирам — Бакрадзе и Матюшенко.

Они были из тех командиров, которых партизаны особенно ценили: пожилые люди с большим опытом мирной советской работы. Искусству воевать они учились уже на наших глазах, в партизанской жизни.

Фёдор Данилович Матюшенко до войны председательствовал в колхозе. У нас он первое время был комиссаром Шалыгинского отряда. Потом, подучившись, сам стал командовать, отличился в бою у села Блитча. Это он загнал немцев в Тетерев, топил их в реке, как щенят.

Давид Ильич Бакрадзе — в прошлом инженер-строитель. Мы приняли его к себе в Старей Гуте, куда он бежал из немецкого концентрационного лагеря. Наши бойцы прежде [120] всего полюбили его за то, что он грузин. Всем было очень приятно, что среди нас, народных мстителей, украинцев, белоруссов, русских, появился отважный человек грузинской национальности. Понравился он и тем, что обладал поистине богатырской силой. До него самым сильным человеком среди наших партизан считался Кульбака, командир глуховцев. Бакрадзе вызвался побороть Кульбаку одной рукой и поборол, вмиг положил на обе лопатки. Он был назначен сначала в батарею к Деду Морозу. Артиллеристы смеялись: «Теперь нам не страшно: где кони не вытащат пушек, там наш Давид-грузин на руках перетащит их». Ещё больше полюбили партизаны Бакрадзе, когда узнали его поближе. В богатырском теле жил богатырский дух. Боевой приказ был для него, святая святых. Ничто и никто, никакие трудности не могли помешать ему выполнить приказ с исключительной точностью. Старые солдаты могли бы поучиться дисциплине у этого инженера.

Посылая Бакрадзе в Росульна, я дал ему две роты путивлян и приказал ворваться в село с запада.

— Старайтесь произвести впечатление, что вас по крайней мере втрое больше. Гоните немцев на северо-восточную окраину, там их встретит Матюшенко.

Как всегда, Бакрадзе выполнил приказ совершенно точно. Его не надо было учить, как произвести на врага сильное впечатление. Снять немецкое охранение без выстрела, под покровом ночи внезапно ворваться в село, устроить тарарам — это он любил больше всего, так же как хитрый Матюшенко любил наводить на врага страх видимостью окружения. Пока происходило побоище на улицах Росулька, — Бакрадзе гнал немцев на Матюшенко, а Матюшенко гнал их обратно на Бакрадзе, — главные силы партизанского соединения со всем своим обозом спокойно прошли стороной на село Маняву.

От Манявы начался подъём к промыслам Биткув и Яблонув. Он оказался куда трудней, чем мы думали. Дорога вилась по лесистому склону крутизной в сорок пять градусов. С нами было более трехсот подвод с грузом. Скоро все лошади стали мокрые, в мыле. Пришлось тащить на руках и повозки, и груз, и пулемёты, и орудия. Одна лошадь выбьется из сил, поскользнётся,

упадёт, и вся колонна останавливается. Объехать повозку нельзя: дорога очень узкая, по существу и не дорога даже, а тропа, и по обе стороны её — крутой подъём, лес, камни, поваленные бурей деревья. Двигаемся, как по рву или оврагу. [121]

Даже конные связные с трудом пробирались вдоль колонны, когда она двигалась по этой дороге. Только пятнадцатилетний Иван Иванович, сменивший за время наших рейдов десятка два верховых лошадей, подбирая их к своему маленькому росту и, наконец, раздобывший где-то шустрого коняшку ростом с собачку, носился на нём в толкучке обоза, как по полю, вихрем. Немцы, несмотря на всю суматоху, которую они подняли в окрестностях, вернее, из-за неё, прозевали наш выход в горы и обнаружили нас на склонах Карпат уже с воздуха. Обнаружить нас было нетрудно, так как в горах ночного времени нам стало нехватать, приходилось продолжать движение уже при свете дня.

Пронеслись над дорогой воздушные разведчики, и вскоре начались налёты штурмовиков. Собыём ружейно-пулеметным огнём одну машину, грохнется где-нибудь в горах, остальные отвязнутся, но ненадолго. Только успеем оттащить в сторону убитых лошадей, расчистить дорогу от раскрошенных повозок, как слышим — опять режут самолёты, рвутся бомбы. Людям есть где укрыться — кругом лес, вековые деревья, а обоз всё время под бомбами и огнём немецких штурмовиков. Чтобы спасти лошадей, стали при появлении авиации выпрыгать их и втаскивать по крутым склонам в лес.

Так вот и двигались шаг за шагом к вершинам Карпат, острыми зубцами закрывавшим горизонт: поминутно выпрыгали и запрягали испуганно упиравшихся лошадей, с лопатами и топорами в руках прокладывали себе путь по узкой дорожке, заваленной расщеплёнными деревьями, развороченной землёй, расколотыми камнями, изрытой бомбами, да время от времени хоронили под гранитными глыбами кого-нибудь из своих боевых товарищей, павшего при очередном налёте немецких бандитов, клялись отомстить врагу.

И отомстили, отомстили так, что враг обезумел от ярости. На горизонте десятки вышек.

Дрогобычская нефть!

В ночь на 20 июля все наши батальоны выслали под прикрытием автоматчиков группы подрывников для уничтожения нефтяных промыслов.

Пламя пожаров озарило склоны Карпатских гор. Партизаны любят ночь, тишину, но тут и ночью было светло как днём, а от горящей нефти стоял кругом такой треск, воздух так дрожал, что не было слышно гула моторов немецких самолётов, не дававших нам покоя даже ночью.

[122]

Враг метался с места на место, но помешать нам не мог. Мы нападали одновременно на все участки.

Спасибо нашим неизвестным друзьям-помощникам, рабочим и инженерам-нефтяникам. Незаметными горными тропами приводили они партизан к вышкам и силовым установкам. Один из наших здешних друзей показал, где проходят трубы подземного нефтепровода Биткув — Яблонов. Свыше 50 тысяч тонн горючего выпустили партизаны с его помощью из этого нефтепровода в горную речку Быстрицу. Это был поляк, инженер. Фамилии его, как и многих других наших помощников, к сожалению, не удалось узнать. Сделав своё дело, он исчез так же таинственно, как и появился в лесу среди партизан.

Несколько ночей подряд бушевали пожары на нефтепромыслах Биткув и Яблонов. Днём диверсионные группы партизан укрывались в лесах, но как только наступала ночь, в горах снова вспыхивали столбы огня, окрестность оглашалась треском горящей нефти. Утром уже солнце взойдёт, а склоны гор ещё закрыты чёрными тучами дыма.

Это было у границ Чехословакии. Здесь в огне и дыму, под грохот взрывов и треск пожаров мы провели в лесу на поляне собрание, на котором стоял необычный вопрос. Почти за год до этого к нам в Брянские леса пришло из 47-го венгерского полка восемь солдат-перебежчиков, русинов, насильно мобилизованных немцами. Мы выполнили их просьбу — зачислили бойцами в свой отряд. Они прошли с нами от Старой Гуты до Карпат, оказались хорошими товарищами, храбрыми бойцами. И вот у нас при подходе к границе Чехословакии возникла мысль отправить их к себе на родину, чтобы они помогли своим землякам, нашим зарубежным братьям, перенять опыт борьбы советских партизан. Этот вопрос и стоял на собрании. Собственно говоря, это было не собрание, а просто дружеские проводы товарищей по борьбе. Высказали свои пожелания, дали советы, снабдили оружием, продовольствием и крепко пожали на прощание руки.

За время рейдов на просторах Украины мы привыкли к полной свободе манёвра, к тому, что всегда могли свернуть с дорог в любую сторону, к стремительным маршам. С огромным обозом, гуртом скота мы делали на равнине за ночной переход до шестидесяти километров. Иное дело в горах, где нам пришлось двигаться тропами по крутым склонам и узким лощинам рек. Здесь с нечеловеческими усилиями мы продвигались за ночь на 5–6 километров. Противник, [123] конечно, воспользовался этим. Имея в своём распоряжении шоссейные дороги, автотранспорт, гитлеровцы быстро заперли все выходы из гор и начали сжимать кольцо окружения. Теперь немцы были совершенно уверены, что мы попались в ловушку. В Надворной нас караулил 6-й эсэсовский полк, в Яремче — 26-й, в Печенижене — 347-й горно-стрелковый.

Выполнив свою главную задачу, — с 19 до 24 июля было взорвано 41 нефтяная вышка, 13 нефтехранилищ, три нефтеперегонных и один озокеритный заводы, — мы вышли в лощину реки Гнилицы. Немецкие и венгерские войска занимали уже все высоты, господствовавшие над этой лощиной, укрепляли их, рыли в каменном грунте окопы.

Враг держался оборонительной тактики. Он рассчитывал нас измотать, заставить израсходовать все боеприпасы, а тем временем стянуть вокруг кольцо такой плотности, чтобы ни один человек не мог вырваться из него. Немецкое командование, как показывали пленные, отдало приказ во что бы то ни стало захватить меня живьём.

Выход из гор

Ведя борьбу за высоту, за более выгодное положение в горах, партизаны прорывали одно кольцо врага и опять оказывались в кольце. Всё выше и выше поднимались мы в горы. Чтобы свободнее маневрировать, все повозки были переделаны на двуколки, потом пришлось отказаться и от них — перейти на вьюки, раненых нести на носилках.

Все сколько-нибудь проезжие дороги были под наблюдением немецкой авиации. Мы пробирались со своим тяжёлым вооружением — пушками и миномётами — по тропинкам, известным только местным горцам — гуцулам. Они давали нам проводников — смелых охотников. С их помощью мы проходили иногда и без троп, пробирались через лесные завалы, дремучие леса, в зарослях гигантского папоротника, где ноги то вязнут во мху, то скользят по мокрым камням. Здесь родилась новая походная песня наших партизан:

По высоким лесистым отрогам,
Там, где Быстрица, злая река,
По звериным тропам и дорогам
Пробирался отряд Ковпака.

Не раз приходилось потуже затягивать ремень: воды и соли в горах сколько угодно, но с продовольствием плохо [124] было. Нас выручали пастухи, пасшие скот на горных пастбищах и тут же в огромных котлах варившие сыр из овечьего молока. Немцы отдали приказ старостам: под страхом смертной казни согнать весь скот в долины. Но народ всё-таки нашёл возможность помочь нам. То и дело партизаны ловили «заблудившихся» коров: их пригоняли в наше расположение пастухи-гуцулы.

После нескольких дней изнурительного марша в горах мы с боем пробились к селу Поляница, что в двух километрах от чехословацкой границы. И тут опять оказалось, что все господствующие высоты заняты немцами и венграми.

Немецкая авиация не давала выводить лошадей на пастбище, и они так ослабли, что бесполезно было уже запрягать их в орудия. Мы поняли, что с пушками и миномётами нам не вырваться из гор. С тяжёлым сердцем пришлось отдать приказ: «Артбатарее и батарее 82-мм миномётов израсходовать весь боезапас по противнику и уничтожить материальную часть».

Дали в тот день жару немцам наши пушкари и миномётчики! Немецкая артиллерия, пытавшаяся было отвечать, быстро замолкла.

Когда весь боезапас был расстрелян, к орудиям привязаны толовые шашки, подожжен бикфордов шнур, бойцы и командиры, отойдя в сторону, сняли головные уборы. На душе было такое чувство, точно мы хороним своих лучших друзей. У многих навернулись слёзы. После

того как раздался страшный взрыв, несколько минут стояла полная тишина. Потом я услышал, как кто-то негромко сказал:

— Ничего, товарищи, всё равно они уже износились по давности их действия.

И кто-то другой отозвался сердито:

— Тоже, утешитель!

Это было вечером 29 июля. Ночью внезапным штыковым ударом партизаны прорвали ещё одно кольцо врага.

Мы двигались к горе Шевка. С другой стороны к этой горе спешил 26-й эсэсовский полк. Мы пришли первыми.

Вечером 31 июля после двух суток непрерывного движения изнемогавшие от усталости, обессиленные от недоедания партизаны расположились в поросших травой окопах, которые были отрыты на горе Шевка русскими солдатами ещё в первую мировую войну. Мы выиграли высоту. Теперь немцы были внизу. Утром цепи эсэсовцев, карабкавшихся [125] по камням и пробиравшихся сквозь кусты к вершине Шевки, были встречены сверху губительным огнём. Два дня продолжался бой на Шевке. При поддержке девяти бомбардировщиков противник предпринимал атаки и с запада, и с северо-запада, и с юга, но каждый раз мы сбрасывали его к подножью горы.

С Шевки мы так удачно перебрались ночью лесной тропинкой на соседнюю гору Вовторуб, что немцы даже не заметили этого, хотя они всюду подстерегали нас. 3 августа на горе Вовторуб партизаны вдоволь посмеялись, наблюдая, как гитлеровские лётчики колотили бомбами опустевшую Шевку. Наши разведчики, сходившие на место вчерашней стоянки говорили, что вся растительность там сгорела.

Больше всего нам нужен был отдых. Я видел, что уже не только кони, но и люди выбились из сил. Но об отдыхе не могло быть и речи. Сколько вражеских колец мы уже прорвали и всё-таки были ещё в кольце. Вокруг горы Вовторуб стояли крупные вражеские гарнизоны в Надворной, Пасечна, Яремча, Зелена и Делятина. Где прорываться? Где немцы не ждут удара? Мы приняли дерзкое решение спуститься в долину реки Прут, к городу Делятину, главному опорному пункту немцев в этом районе Карпат, узлу нескольких железных и шоссейных дорог. Могли ли немцы думать, что мы рискуем появиться у Делятина? Риск, действительно, был большой. Перед выступлением я отдал приказ: «Всему личному составу усвоить, что поставленную» боевую задачу надо выполнять до тех пор, пока в подразделениях есть хотя бы один человек, способный драться» Все стремления всех должны быть только вперёд».

— Вперёд, навстречу наступающей Красной Армии! — призывал Руднев в своей напутственной речи перед боем у Делятина.

Никогда ещё он не говорил с таким воодушевлением, как в эту ночь, верхом на коне, у дороги, по которой шла колонна.

С первых дней нашей тяжёлой неравной борьбы в горах вести, которые мы получали по радио с «Большой земли», были одна другой радостнее. На Карпатах мы узнали о разгроме немцев в Курской битве. Когда наша колонна спускалась с гор, шла на прорыв к Делятину, партизаны забывали об усталости и голоде при мысли, что Красная Армия приближается к нашим родным районам Сумщины, что не сегодня-завтра она будет в Путивле, Глухове, Шалыгине. Да, мы шли навстречу наступающей Красной Армии. [126]

Я не могу передать, как звучали этой ночью призывы, которые вполголоса бросал с коня Руднев проходившим мимо него партизанским ротам:

— Вперёд! Да здравствует Красная Армия!

— Вперёд! Да здравствует великий Сталин!

Каким громким и дружным «ура» ответил бы наш народ комиссару, если бы не было приказа двигаться молча, чтобы не обнаружить себя преждевременно! Пропустив всю колонну, Руднев на галопе поскакал в голову её. И вот его призыв раздался в авангарде, который развернулся в боевой порядок для атаки уже у самого Делятина. Раскаты «ура» прокатились, как гром.

После того как мы ушли ночью в горы Шевка, немецкое командование объявило, что партизаны разгромлены. Тем более неожиданно было наше появление у Делятина. Немцев это настолько ошеломило, что без всякого сопротивления с их стороны мы взяли город и взорвали вокруг него все железнодорожные и гужевые мосты.

Бой начался уже по ту сторону Делятина, когда немецкое командование двинуло навстречу нам два свежих полка и разорванное партизанами вражеское кольцо вновь оказалось сомкнутым.

У наших бойцов существовали приметы: если я хожу с автоматом — значит держи ушки на макушке, а если мой автомат лежит на тачанке — всё в порядке, хотя и бой, но большой опасности нет. Иной раз они даже бегали посмотреть, где автомат командира: в руках у него или на тачанке. Наступили дни, когда я с автоматом не расставался я во время сна.

Немцы теснили нас к реке Прут. Партизанское соединение в это время насчитывало в своих рядах 1400 бойцов, из них было не менее 200 раненых, лежавших на носилках. Легко представить, как должны были растеряться немцы, когда вся эта масса партизан вдруг бесследно исчезла, словно сквозь землю провалилась.

Это «чудо» у реки Прут произошло в ночь на 6 августа. Два дня тяжёлых боёв у Делятина, у Ослава Бялы, Ослава Черны показали, что всем соединением нам не прорваться. Окружённые немцами на горе Дусь, поросшей густым орешником, мы разбились на мелкие группы. Условившись о месте сбора, они разошлись в разные стороны и под покровом темноты легко проскользнули в стыки частей противника. [127]

Немцам не оставалось ничего больше, как объявить, что отряд Ковпака окончательно уничтожен, что «удалось бежать только Ковпаку с небольшой группой». Листовки с этим «экстренным сообщением» разбрасывались с самолёта по всем сёлам у Карпат. В листовках объявлялось также о денежной награде тому, кто поймает меня живым, подробно описывались моя внешность, одежда, особые приметы, например усы, которых у меня вовсе не было. В качестве же примет Руднева в этих же листовках фигурировала борода, и по описаниям её можно было думать, что немцы видели мою бороду. Очень позабавило партизан, что немцы, как это выяснилось из их объявлений, почему-то решили, что по национальности я — цыган. Бойцы хохотали: «Это же примета комиссара». Как брюнет, Семён Васильевич всё-таки, конечно, больше был похож на цыгана, чем я.

Повеселили немецкие листовки и местный сельский народ. Крестьяне говорили: «Сами бачили его, сами мирыли, чего же сами не схопыли?»

Самое забавное было то, что иной раз эти листовки читались и комментировались в моём присутствии. Должен сказать, что внешний вид мой после выхода с Карпат сильно изменился: свою высокую барашковую папаху я сменил на гуцульскую шляпу, а бороду сбрил.

Разбившись на отдельные группы, разойдясь в разных направлениях, партизаны, чтобы сбить немцев со следа, долго петляли вблизи Карпат. В августе мы исходили всю Станиславскую, Тернопольскую области, побывали в Каменец-Подольской и Львовской областях, но соединиться всё не удавалось, так как немцы, хотя и объявили населению, что партизаны разгромлены, сами-то знали, что это не так, и попрежнему держали всюду усиленные гарнизоны.

Эсэсовцы на машинах металась из области в область. Они искали все «главные силы» партизан, не понимая того, что нашими главными силами был народ. Если партизана нужно было на время скрыть, его можно было оставить в любом селе. Сколько раненых устроили мы в крестьянских дворах. Помню разведчика Федю Сидоренко. В бою у Делятина он получил тяжёлую рану. Где-то около Ослава Черны пришлось оставить его на попечение одной крестьянки. Феде срочно нужна была помощь врача. Но в селе стоял немецкий гарнизон, и о медицинской помощи не приходилось и думать. И всё-таки женщина, в хату которой партизаны принесли ночью раненого, нашла врача, взявшего его [128] лечить его буквально под носом у немцев. Этот врач сам скрывался от гитлеровцев, работал лесником.

В селе Княжий Двор Печениженского района Станиславской области братья Каратник Дмитро и Ульянов устроили в лесу для наших раненых бойцов настоящий подпольный госпиталь. Чтобы немцы не обнаружили этот госпиталь, они переносили его с места на место.

Как много значила для нас тогда эта самоотверженная, трогательная любовь народа к людям, которые смело боролись против немецких захватчиков! Мы чувствовали её на каждом шагу. Бывало, сидит группа партизан в глухом лесу вокруг костра, проходит мимо гуцул с вязанкой хвороста, остановится, поговорит, пожелает счастья, а спустя час-другой, смотришь, возвращается с мешком картофеля и просит ещё извинить его, что «куш» бедный — больше ничего нет.

Немцы в это время уже чувствовали, что им скоро придётся улепётывать отсюда, и торопились вывезти в Германию весь хлеб нового урожая. Они заставляли крестьян укладывать в мешки для отправки на станцию необмолоченные снопы. Мы посоветовали крестьянам вымолачивать ночью снопы для себя, а потом вкладывать их в мешки колосьями вниз. Наш совет понравился

народу. Из всех окрестных сёл стали возить на станцию мешки с пустыми снопами. Немцы второпях отправляли в Германию вместо пшеницы одну солому. Каждая наша группа действовала как самостоятельный отряд. Связи между собой они не имели, так как наши радиостанции не годились для работы на небольшом расстоянии. Но, поддерживая связь с «Большой землей», мы не теряли чувство локтя. Когда была получена радиограмма товарища Хрущева, поздравлявшего партизан с успешным выполнением своих задач на Карпатах, нам казалось, что мы празднуем этот день сообща, как будто все уже собрались. Общую радость омрачало только беспокойство за судьбу Руднева. Он был тяжело ранен в бою у Делятина на другой день после своей напутственной пламенной речи. Его выносили из окружения медсестра Галина и несколько бойцов. Уже впоследствии мы узнали, что все они героически погибли в неравной борьбе с врагом. Наш народ долго не мог примириться с мыслью, что больше не увидит уже своего любимого комиссара, всё надеялся, что известие о его гибели окажется неверным. «У меня такое чувство, что Семён Васильевич жив, — говорил его воспитанник и [129] помощник по комсомолу Миша Андросов. — Вот посмотрите, посмотрите». К сожалению, эти надежды не оправдались.

Мы возвращались с Карпат без Руднева, но когда приходилось с боем пробивать себе путь и раздавался призывный голос: «Вперёд, навстречу Красной Армии», трудно было поверить, что Семёна Васильевича нет среди нас

[2]

Погиб при выходе с Карпат и его сын Радик. Он был ранен в одной схватке, происходившей на кукурузном поле около села Слободка Гвоздецкого района Станиславской области. После боя партизаны не нашли Радика. Уже впоследствии выяснилось, что, будучи ранен, он отполз в овраг, заросший густым лозняком, и потерял сознание. На другой день крестьянин села Слободка Кифяк Алексей Яковлевич нашёл его здесь и перенёс в свою хату. Радик был в очень тяжёлом состоянии. Кифяк и его односельчане сделали всё, чтобы спасти жизнь юного бойца. В семье Кифяка было девять детей, но он не побоялся скрывать у себя и лечить раненого партизана. По его просьбе комсомолец Гриша Никифороенко, работавший в местной подпольной группе, ходил в город за лекарством. Но ничто не помогло. Радик умер от заражения крови. Кифяк похоронил его в своём саду.

Движение на север всех наших групп началось в последних числах августа. Нашим сборным пунктом был хутор Конотоп в районе Олевск — Сарны, в южном Полесье. Каждой группе надо было пройти километров 700–800. Общий фронт движения всех наших групп достигал 200 километров от Золочева до Проскурова. Инициатива снова была в наших руках. По всему фронту движения партизан в фольварках немецких колонистов пылали зернохранилища и скирды необмолоченного хлеба.

Крупные группы тяжёлыми боями отвлекали внимание немцев на себя, а тем временем остальные группы совершали диверсии и скрытно продвигались вперёд. Вот когда сказала партизанская спайка! Много раз за два года борьбы в тылу врага наши бойцы и командиры проходили тяжёлые испытания, но самым тяжёлым испытанием был этот поход разрозненных групп.

Самой большой группой командовал мой помощник по разведке Вершигора. В его отряде было около четырёхсот [130] путивлян. С горы Дусь они прорвались в Чёрный лес под Станиславом, откуда мы подымались на Карпаты. Немцы, обнаружив, что здесь опять появились партизаны, окружили лес и стали подвозить артиллерию. Но когда немецкая артиллерия открыла огонь по партизанской стоянке, там уже никого не было. Враг подстерегал Вершигору на глухих дорогах, ведущих в горы, а он вывел своих бойцов из леса прямо к городу и провёл их ночью по окраинам его, огородами. Чтобы сбить немцев со следа, партизаны переходили дороги, пятясь задом. Враг обнаружил Вершигору уже на Днестре. Переправив свою группу на пароме, Вершигора сейчас же разослал всех бойцов по сёлам за конями. Пока немцы переправлялись через реку, партизаны были уже на конях. Немцы увидели только пыль, поднятую умчавшимися всадниками. Двигаясь равниной, группа много раз попадала в окружение и прорывалась вперёд с боем. У Шепетовки она была зажата между несколькими высотками,

занятыми немцами. Между высотками было болото, немцы считали это болото непроходимым. Партизаны спешили, бросили коней и ночью пробрались через болото по пояс в грязи. 23 сентября у местечка Городница Житомирской области Вершигора встретился со мной. Я шёл с Карпат с группой в составе около 300 человек. Со мной была одна из самых боевых рот, которой командовал Тютюрев. Он провёл свою роту почти без потерь. Спустя несколько дней нас догнала группа, выходившая с гор во главе с Матющенко. 1 октября мы были уже на сборном пункте, в хуторе Конотоп, в лесах южного Полесья. Раньше нас пришла сюда, с Карпат группа под командованием Бройко. Вслед за нами начали подходить и остальные группы. Были группы, состоявшие из нескольких человек. Базима пробивался на тачанке с четырьмя товарищами. Двое на полпути пали в стычке с немецкой полицией. Григорий Яковлевич был тяжело ранен в голову. Лошадей убило. С Базимой остались партизаны Денис Сениченко и Пётр Бычков.

Отважные партизаны прошли несколько сот километров лесами и глухими оврагами, отбиваясь от преследовавшей их полиции, неся на руках раненого Базиму и мешок с штабными документами, книгами приказов. Григорий Яковлевич легче бы с жизнью расстался, чем с этим мешком. Ещё в Спадщанском лесу он думал об истории, над каждым приказом по отряду работал как над документом исторической важности. Бывало, бой идёт, дождь льёт или снег сыплёт, а Григорий [131] Яковлевич сидит на пеньке, накрывшись плащом с головой, и строчит в своей записной книжке черновик приказа. Сразу набело никогда не писал приказов. Потом уже в землянке или в шалаше ночью аккуратно переписывал их в книгу. Иной раз рассердился даже:

— Да брось ты свою писанину, ложись спать.

Григорий Яковлевич только улыбнётся.

— Эту писанину историки будут изучать.

По заведенному у нас обычаю на каждой партизанской стоянке прежде всего оборудовалась баня. К приходу Базимы на хуторе Конотоп все бойцы и командиры уже вымылись в бане, кое-кто даже по несколько раз, все обстирались, починили одежду и обувь. Приведя себя в порядок, партизаны прежде всего хотели сфотографироваться. Никогда у нас не было столько желающих запечатлеть себя на фотоснимке в полном боевом снаряжении, как после возвращения с Карпат. Теперь все чувствовали, что они вошли в историю. Заставили, конечно, сняться и Григория Яковлевича.

Вот снимок, сделанный нашим партизанским фотографом на хуторе Конотоп спустя пару дней после прихода Базимы.

На хуторе Конотоп. Базима и его спасители — Сениченко (слева) и Бычков

Он сидит на скамейке, голова его ещё перевязана, но более бодрый, подтянутый я не видел Григория Яковлевича никогда. Партизанская жизнь сделала его таким же по-настоящему военным человеком, каким раньше среди нас был один только Руднев. Теперь все стали закалёнными воинами, у всех появились армейские привычки. На снимке вместе с Базимой его спасители Сениченко и Бычков с автоматами в руках. Какие орлы! Смотришь на них и

думаешь: как возмужали все, сколько сил, благородства открылось во многих раньше неприметных советских людях!

В середине октября основная масса нашего соединения была уже на сборном пункте. Не все вернулись из рейда. Некоторые бойцы пришли на хутор Конотоп, неся на шее по два и по три автомата. Один — свой, остальные — товарищей, павших в бою.

Был у нас обычай: бойцу, вернувшемуся из боя без оружия, вручалась палка, и он назначался в погонщики скота. Для партизана, народного мстителя, это было самым тяжёлым наказанием.

Ничто так не ценил он, как оружие и боеприпасы. Это была его святая святых. В трудном положении, когда приходилась решать, что бросить — шинель или часть патронов, — не задумываясь, расставались с шинелью, хотя бы и стужа была. [132]

* * *

Хутор Конотоп — это несколько домиков, расположенных на лесной поляне. В этих домиках поместились штаб соединения, разведка, связь, здесь же была оборудована баня. Партизанские роты, располагаясь вокруг хутора в лесу, заняли район радиусом в пятнадцать километров.

После возвращения с Карпат. Группа путивлян на хуторе Конотоп

Здесь мы были, как у себя дома. По соседству с нами базировалось крупное соединение ровенских партизан под командованием Бегмы, вручавшего нам правительственные награды на озере Червонном. Он имел уже свой аэродром, на который прибывали самолёты из Москвы. Неподалеку от нас действовало и соединение Сабурова, с которым мы одновременно вышли из Брянских лесов и не раз встречались во время рейдов. Здесь мы опять установили связь и с белорусскими партизанами. Их лагеря были в нескольких десятках километров от нас.

Время было уже холодное. Я приказал устраиваться основательно, чтобы было где отдохнуть и отпраздновать наступающую 26-ю годовщину Октябрьской революции. Бойцы постарались. Наш народ любил устраиваться на стоянке по-хозяйски. А после похода на Карпаты всем особенно хотелось хотя бы несколько дней пожить в приличной обстановке.

За какую-нибудь неделю в лесу вокруг хутора выросло несколько благоустроенных посёлков. Строили, соревнуясь друг с другом — у кого будет лучшая землянка, так что все землянки получились на редкость основательные, удобные, просторные. Некоторые роты, показавшие особое рвение в благоустройстве, проложили в своих посёлках даже дорожки, посыпали их желтым песком, поставили вдоль дорожек скамеечки.

Для украшения, а заодно и маскировки лесной поляны, избранной для Октябрьских торжеств, было срублено больше трёхсот сосен. Их расставили аллеей от штаба, который помещался в домике у самого леса, до трибуны, сооружённой посреди поляны, и вокруг трибуны большим пышным венком.

Готовясь к празднику, партизаны одновременно готовились к нанесению нового удара по коммуникациям врага. Роты переформировывались и пополнялись до нормального войскового состава. Укомплектовывались взводы автоматчиков, пулемётчиков, стрелков, отделения миномётчиков, разведчиков. Во всех подразделениях шла боевая учёба. Старые партизаны обучали молодёжь, которую привели с собой с Карпат. Подрывники занимались на курсах, созданных в первые же дни нашей стоянки на хуторе Конотоп для [133] усовершенствования партизанской техники минного дела.

На Октябрьских торжествах после коллективного слушания совместно с окрестными колхозниками доклада товарища Сталина партизаны ответили своему отцу отчётом, в котором подводились итоги двадцати шести месяцев борьбы в тылу врага. Эти итоги, оглашённые мною перед собравшимися на празднике тысячами украинцев, белоруссов и поляков, выражались в следующих цифрах: пройдено с боями 10 тысяч километров по 18 областям Украины, России и Белоруссии, истреблено 18 тысяч фашистов, пущено под откос 62 железнодорожных эшелона, взорвано 256 мостов, уничтожено 96 складов с продовольствием, обмундированием и боеприпасами, два нефтепромысла, более 50 тысяч тонн нефти, свыше 200 километров телеграфных и телефонных проводов, 50 узлов связи, до 500 автомашин, 20 танков и броневиков.

Очень живо изобразил пройденный нами путь от Путивля до Карпат выступавший на вечере самодеятельности партизанский шумовой оркестр. Под управлением помощника командира одной из наших рот большого затейника Гриши Дорофеева десятка два музыкантов, вскочив на трибуну с пилами, топорами, ухватами, печными заслонками и бутылками, прекрасно передали грохот взрывов, поднимавших в воздух мосты, треск летящих под откос эшелонов, шум горящей в горах нефти, любимые песни и боевые марши партизан. До позднего вечера не умолкал громовой трезвон небывалого оркестра и дружный хохот нескольких тысяч собравшихся на лесной полянке людей.

В эти дни наш народ ликовал: мы узнали об освобождении Красной Армией Киева, услышали донесшиеся до нас по радио залпы московского салюта. Как тут было не вспомнить слова товарища Сталина, что наступит и на нашей улице праздник, слова, которые мы столько раз повторяли про себя в тяжёлых боях и походах.

После Октябрьских праздников мы пробыли на хуторе Конотоп всего несколько дней. Уже в середине ноября в наших землянках поселились колхозники из сожжённых немцами сёл. Партизанское соединение полным составом вышло к станциям Олевск и Сновидовичи. У всех было одно желание: встретить Красную Армию, освободившую столицу нашей родной Украины, «с партизанским треском», как говорили у нас.

Наш новый удар был направлен по коммуникациям немецкой группировки в районе Коростеня. После взятия [134] Красной Армией Житомира противник имел для отступления из Коростеня один путь — на Олевск, Сарны. Наша разведка установила, что железная дорога Коростень — Сарны забита немецкими эшелонами с военным имуществом и разными ценностями, награбленными немцами на Украине. Решено было вывести из строя эту дорогу. О своём плане мы донесли по радио товарищу Хрущеву и на следующий день получили ответную радиogramму, одобряющую наше решение.

Немало произвели мы уже «треска» в тылу врага, но то, что произошло в ночь на 15 ноября, когда одновременно с местными партизанами мы ударили по станциям Олевск и Сновидовичи, вряд ли мог изобразить даже шумовой оркестр Гриши Дорофеева.

На путях станции Олевск стояло более 300 вагонов с авиабомбами, порохом и горючим. Можно представить, что получилось, когда вспыхнули пробитые зажигательными пулями цистерны с горючим и поднялись в воздух вагоны с порохом. Полчаса на путях непрерывно, сразу десятками, рвались авиабомбы. Партизанским ротам пришлось отойти от станции на изрядное расстояние, чтобы уберечься от ливня осколков и сыпавшегося на голову крошева вагонов. За полчаса на станции взорвалось около тысячи тонн авиабомб.

Полностью была выведена из строя и станция Сновидовичи.

Так мы завершили поход на Карпаты. Начинался новый период борьбы. Красная Армия, очищая украинскую землю от фашистской нечисти, вступила в районы, куда год назад мы пришли как посланцы Сталина.

Перед выходом в Сталинский рейд мы были предупреждены, что районы, куда идём, в недалёком будущем станут плацдармом ожесточённых боёв. Предвидение вождя сбылось. Красная Армия уже шагнула на разведанный нами плацдарм. Решающие бои завязались там, где каждая тропинка исхожена нашими разведчиками, где нет села, в котором не побывали бы наши агитаторы, где все мосты и дороги под ударами партизан.

Как радостно было думать, что наши удары нацеливаются с такой меткостью, что мы, украинские партизаны, в тылу врага и Красная Армия на фронте действуем как одно целое, что нас ведёт к победе великий Сталин, Предстояло ещё много тяжёлых боёв и ночных походов, но всем ясно было, что уже недалеко до окончательной победы.

Удостоверение личности

Примечания

1

После освобождения Украины помощник начальника штаба нашего соединения Герой Советского Союза В. А. Войцехович ездил в село Вольное, чтобы узнать имя этой колхозницы. Ее зовут Александра Пархоменко.

2

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1944 г. Семену Васильевичу Рудневу присвоено звание Героя Советского Союза.